Marilyn Monroe

АДАМ БРЕВЕР

Неприкаянная

Жизнь Мэрилин Монро

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ее называли иконой стиля, в нее были влюблены миллионы. За ее личной жизнью пристально следили, завидуя ей и приписывая романы с влиятельными политиками, знаменитыми актерами. Она действительно производила впечатление любимицы судьбы, которая не живет – порхает. Но мало кто знал, что творилось в ее душе. Никто и не догадывался, что блестящая Мэрилин Монро была недолюбленным ребенком и не очень-то счастливой женщиной. Что всю свою жизнь она искала и не находила того, кто мог бы принять ее такой, какая она есть…

- Адам Бревер
  - ○
  - ○ 27 июля 1962-го: Дом Мэрилин Монро, Лос-Анджелес 9 ч 15 мин
  - ○ 1937–1954
    - ■
    - ■ 1937-й: дом Иды Мартин, Комптон, Калифорния
    - ■ 1945-й: аэропорт Метрополитан, Ван-Найс, Калифорния
    - ■ 1951-й: государственная больница, Норуолк, Калифорния
    - ■ 8 марта 1952-го: «Villa Nova Restaurant», Лос-Анджелес
    - ■ 14 января 1954-го: городская ратуша, Сан-Франциско
    - ■ Сентябрь 1954-го: Лос-Анджелес
    - ■ 5 ноября 1954-го: Западный Голливуд, Лос-Анджелес
  - ○ 27 июля 1962-го: «Cal Nova Lodge», Кристал-Бэй, Невада
    - ■
    - ■ 12 ч 36 мин
    - ■ 14 ч 00 мин
    - ■ 15 ч 15 мин
  - ○ 1956-й
    - ■
    - ■ Весна 1956-го: Актерская студия, Нью-Йорк
    - ■ Весна 1956-го: Нью-Йорк, Центральный парк
    - ■ Весна 1956-го: Актерская студия, Нью-Йорк
    - ■ Весна 1956-го: Лос-Анджелес
    - ■ Середина лета 1956-го: Нью-Йорк и Вашингтон,

округ Колумбия
    - Середина лета 1956-го: Саттон-плейс, 2, Нью-Йорк
- 27 июля 1962-го: «Cal Neva Lodge», Кристал-Бэй, Невада
    -
    - 15 ч 50 мин
    - 16 ч 50 мин
- 1957–1960
    - Выдержки из пресс-релиза кинокомпании «United Artists» к выходу фильма «Неприкаянные»
    - Август 1957-го: Пятьдесят седьмая Восточная улица, 444, Нью-Йорк
    - Октябрь 1959-го: отель «Beverly Hills», Лос-Анджелес
    - Конец июля 1960-го: съемочная площадка фильма «Неприкаянные», Harrah's Club, Рино
    - Конец августа 1960-го: отель «Mapes», Рино
    - Середина сентября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, Невада
    - Конец сентября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, штат Невада
    - Конец сентября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, штат Невада
    - Середина октября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, штат Невада
    - Ноябрь 1960-го: Лос-Анджелес
- 27 июля 1962-го: «Cal Nova Lodge», Кристал-Бэй, Невада
    -
    - 18 ч 25 мин
    - 19 ч 40 мин
    - 21 ч 45 мин
- Январь – июнь 1962-го
    - Январь 1962-го: дом Генри Уэйнстайна, Голливуд
    - Май 1962-го: съемочная площадка студии «Twentieth Century-Fox»
    - 1 июня 1962-го: съемочная площадка студии «Twentieth Century-Fox», Лос-Анджелес
    - 1 июня 1962-го: Dodger Stadium, Лос-Анджелес
    - Середина июня 1962-го: офис правления компании «Twentieth Century-Fox», Лос-Анджелес

- 27–28 июля 1962-го: «Cal Nova Lodge», Кристал-Бэй, Невада
  -
  - 23:25
  - 23:50
  - 12:11
  - 12:25
  - 12:40
  - 1:03
  - 1:20
  - 11:10
  - 12:00
  - 12:07
- Постскриптум
  - Неделей позже
  - 7 августа 1962-го: морг Уэствуд-виллидж, Лос-Анджелес
- Благодарность

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Адам Бревер
Неприкаянная. Жизнь Мэрилин Монро

Памяти Мел (1961–2010)

Adam Braver
Misfit
Copyright © 2012, Adam Braver
© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

27 июля 1962-го: Дом Мэрилин Монро, Лос-Анджелес 9 ч 15 мин

Она собирается выбраться на уик-энд к озеру Тахо. Только и всего.

Сидя в гостиной – одна рука сжимает ручку чемодана, другая лежит на косметичке, – она ждет, когда за ней заедут и отвезут на машине в аэропорт. Мебели в комнате немного – лишь небольшой, с кожаным верхом, журнальный столик, длинная итальянская скамья, она же и тахта, заслонка перед никогда не растапливавшимся камином да две складные скамьи, которые в лучах едва пробивающегося сквозь занавески солнечного света кажутся какими-то костлявыми и неказистыми. Тем не менее деревянный пол сияет – чуть раньше ее домработница Юнис натерла его до блеска, после чего перешла в спальню, где застилает сейчас постель. Закончив в спальне, Юнис отнесет в кухню грязные стаканы и тарелки, а перед уходом обязательно приоткроет в спальне окно – ровно настолько, чтобы впустить в комнату немного свежего воздуха.

Ей уже не терпится поскорее уехать. Приглашая ее в «Cal Nova Lodge», свой отель на озере, Фрэнк сказал, что иногда нужно куда-нибудь выбираться, и с этим трудно было поспорить. Он обещал о ней позаботиться. Защитить от этих клоунов от киноиндустрии, которые донимали ее из-за съемок последнего фильма. Фрэнк присмотрит за ней и никаких условий выставлять не станет; он, наверно, единственный человек на земле, который может предоставить ей подобное убежище и которому можно довериться. Никакой прессы. Никаких студий. Никаких забот. Только ее обычный домик. И озеро, которое всегда приносит покой и умиротворенность.

Быстро (для полной уверенности) она проверяет все, что помогла собрать Юнис, – от одежды и косметики до ее таблеток. Но прежде чем еще раз пройтись мысленно по списку, она думает о том, что оставлено, что не возьмешь с собой. Не так уж и много. Дом почти не обставлен; купленная (по большей части в Мексике) мебель все еще стоит на поддонах в упаковочном пластике. К тому же в каждую из комнат приобреталось лишь самое необходимое, тот минимум, которого достаточно, чтобы сделать их функциональными. Она представляет, как когда-нибудь, в будущем, заезжий антрополог пройдется по дому, чтобы понять, какой жизнью она жила, и, найдя только осколки, сможет выдвинуть лишь невнятные предположения относительно некоей

промежуточной культуры…

Бросив взгляд на часы, она встает и подходит к окну. Раздвигает шторы и смотрит вниз, на подъездную дорожку. На фоне ярко-зеленых кустарников и залитых солнцем пальм гостиная выглядит еще более мрачной. И оттого – еще более пустой. Как же ей хочется поскорее отсюда убраться!

Она окликает Юнис, спрашивает, не знает ли та, когда должна прибыть машина.

– Разве она *уже* не должна быть здесь?

– Должна вот-вот прибыть, – отвечает Юнис. Голос ее эхом разносится по всему дому, вместе с дребезжанием посуды, которую она уносит в кухню. – Время дня такое, что водитель может задержаться.

– Это меня и беспокоит. Так я и до аэропорта никогда не доберусь. На Сепульведа сейчас, должно быть, жуткие пробки!

Юнис выходит из кухни и останавливается в конце холла. Сняв «кошачьи» очки, протирает линзы передником.

– Это частный самолет. Мистер Синатра не допустит, чтобы он улетел без вас.

– Знаю, – отвечает она, и в голосе проскальзывают дребезжащие нотки. – Знаю. Просто…

– Все будет в порядке, – говорит Юнис. – Не стоит так волноваться.

Она снова надевает очки, и те ярко вспыхивают в темном коридоре. Юнис возвращается в кухню, повторяя на удивление твердым тоном, что тревожиться не следует.

Как же ей хочется поскорее оказаться на озере Тахо, подальше от всех этих драм и систем, утверждающих и поддерживающих ее существование в ипостаси Мэрилин Монро! Ей не терпится запереться в уютном домике, и пусть все ее тревоги испарятся над озером. Она знает, как можно ненадолго исчезнуть. Всю жизнь этим занималась. Нужно лишь правильно выбрать момент. Ведь есть определенные силы, которые только и ждут, чтобы нанести удар. И когда ты чувствуешь, что они на подходе, когда ты готова к прыжку, важно прямо перед столкновением, словно присутствуя при своей собственной, личной теории большого взрыва, оказаться в единственно верном месте.

В этом нет ничего сложного. По сути, все очень просто.

1937–1954

Когда она маленькой девочкой бывала в церкви, то подсовывала под себя руки, чтобы не снять ненароком одежду. С этим желанием она боролась всю сознательную жизнь. Оно преследовало ее даже во сне. Как искупление? Месть? Уязвимость? Или, быть может, потребность показать себя такой, какова она на самом деле?

В одном из отчетов ФБР о Мэрилин Монро, датированном 6 марта 1962 года, говорится, что объект «ощущает себя отвергнутым секс-символом».

1937-й: дом Иды Мартин, Комптон, Калифорния

Тебе следовало бы повесить его прямо над кроватью – лучше места не сыскать, но стены там голые, на них нет ни единой отметины, даже крошечного отверстия, а просить кого-то об одолжении тебе не хочется, потому что это твой первый день здесь, и все такое, и вообще – ты чувствуешь, что вряд ли когда-либо о чем-то попросишь, сколько бы дней здесь ни провела. Поэтому ты берешь тот номер журнала «Time» с Кларком Гейблом на обложке и прячешь под подкладку в своем чемодане – пусть будет там, и ты всегда, при желании, сможешь на него посмотреть. Этот журнал у тебя уже почти год, переезжает вместе с тобой из одного дома в другой. Журнал, вместе со многим другим, подарили соседи Годдардов, сказав, что уже прочитали его, но ты и сейчас не можешь представить, как у кого-то могло возникнуть желание расстаться с чем-то столь особенным. При мысли о том, что он всегда с тобой, что смотрит прямо на тебя, вскинув голову, с несколько озабоченной улыбкой, ты чувствуешь себя спокойнее.

С самого своего рождения ты моталась между двумя домами – матери и приемной семьи Болендеров; потом были Годдарды в Ван-Найсе, сиротский приют в Лос-Анджелесе, снова Годдарды – и вот ты здесь. А тебе ведь всего лишь одиннадцать! Но, возможно, оно и к лучшему. То, что ты в Комптоне. Неподалеку от Хоторна, где прожила дольше всего. Но чуть подальше от Норуолка и больницы твоей матери, в чем, быть может, есть свои плюсы – так она, по крайней мере, не нагрянет внезапно и не сделает ничего такого, чтобы тебя унизить. К тому же ты живешь в семье – с миссис Мартин, ее дочерью Олив и детьми последней. Когда тебе впервые сказали, что ты переезжаешь к миссис Мартин и ее семье, все называли твою двоюродную бабку не иначе как тетушка Ида. Но когда ты вошла в бунгало и увидела ее, стоящую решительно под свисающим со стены распятием, готовым, казалось, сорваться и повиснуть в воздухе над твоей головой, ты поняла, что никогда не сможешь обратиться к ней «тетушка Ида», только «миссис Мартин». И хотя она будет настаивать на том, чтобы ты называла ее именно так – тетушка Ида, – ты не сможешь пересилить себя и будешь обращаться к ней только как к «миссис Мартин».

В сиротском приюте ты жила по установленным там правилам. Здесь ты чувствуешь себя так, словно есть лишь одно-

единственное правило – Библия. Как и во всех прочих домах, у тебя есть небольшая спаленка, обставленная самым необходимым, единственное место, где ты можешь побыть наедине с собственными мыслями. Но стоит переступить порог этого дома, и ты становишься легкомысленной и забывчивой, а кому-то даже кажешься слабоумной. Цель у тебя всегда одна: покончив с рутинными домашними обязанностями, убежать в свою комнату, где можно вытащить ту обложку журнала «Time» и долго-долго смотреть на нее, веря, что это – дверь к чему-то лучшему.

Ты сидишь на краешке его кровати. Кузен Бадди, словно оказывая честь, пригласил тебя в свою комнату. Ты стараешься избегать его с того самого дня, как поселилась в этом доме. Быть может, он выглядит слишком радушным, а единственное, чему ты научилась за годы скитаний, это не доверять тем, кто чересчур радушен. Особенно мальчикам. Но его приглашение подано как нечто особенное: теперь, по его словам, он относится к тебе, как к члену своей семьи. Говорит умные слова, всего парой предложений дает понять, что ты заслужила его внимание, и внезапно ты ощущаешь прилив гордости. Всего на миг ты забываешь, что никогда не стремилась к его обществу. Хотя он уже подросток, Бадди носит то, что требует бабушка, – брюки-хаки и строгую белую рубашку. И то, и другое всегда выглажено. На тебе – платье, длинное, опускающееся ниже лодыжек. Миссис Мартин говорит, что носить что-то другое – значит искушать дьявола. Ты не уверена насчет дьявола, но Бадди в твою комнату никогда не войдет. Она слишком детская. Слишком скромная и непритязательная. Вот у него – комната молодого человека. И все равно в ней стоит какой-то мальчишеский, спертый, солоноватый запах, настолько тяжелый, что не помогает даже открытое окно. Вообще-то его комната выглядит чистой и опрятной – другого миссис Мартин и не потерпела бы. Несколько раз в день она проходит мимо, заглядывая в приоткрытую дверь, ворчливо напоминая, что чистота – залог благочестия. Но с кровати, на которой ты сидишь, нетрудно заметить признаки беспорядка. Кучка грязных носков. Комочки пыли. Скомканные бумажки. Все это – в углах, там, куда никто не заглядывает.

– Не бойся, – говорит он. – Я же сказал: здесь ты в полной безопасности.

– Я и не боюсь.

Что еще ты можешь сказать?

– О, могу поспорить, что в глубине души ты такая же нервная, как и твоя мать.

– Я не боюсь, – повторяешь ты шепотом, глядя прямо на

приоткрытую дверь – вдруг миссис Мартин вздумается заглянуть в комнату еще раз?

– Да не волнуйся ты так, – говорит он. – Это нормальный дом. Моя бабушка уверена, что нас защищает Господь.

Он вытягивает руку и сдавливает тебе плечо. На секундочку у тебя возникает ощущение, что у него вполне хватит силы сломать кость…

– У нас тоже нормальный, – отвечаешь ты.

– Говори, пожалуйста, громче. Я тебя почти не слышу.

– Просто у нас с мамой была черная полоса. Так бывает.

Ты дергаешь плечом, но он не убирает руку.

– Черная полоса, – повторяет Бадди с неприятным, немного ханжеским и злобным смешком. – У нас здесь черных полос не бывает. У нас всегда все тип-топ.

– Я скоро вернусь домой. Как только мама сможет вернуться к работе. – Ты передвигаешься ближе к краю кровати, в душе надеясь, что просто свалишься на пол. – Знаешь, она работает в Голливуде. Над фильмами.

Он подсаживается ближе.

– Монтирует фильмы. Редактирует. А еще она знает многих звезд. Она там в самой гуще всего. Так что все будет в порядке.

Его рука сползает с твоего плеча на грудь; от твоей кожи его ладонь отделяет лишь ткань твоего платья. У тебя только начала формироваться грудь, и ты почти не трогаешь себя там – она еще как будто и не твоя. Но его руки уже на ней. Вначале ты просто смотришь на все это, словно откуда-то сверху, но потом тебе делается не по себе, словно на твоей коже образовался ледник, и при этом ты так горишь изнутри, что лед почти тотчас же тает, стекая холодным потом; живот сводит, и ты боишься, как бы тебя сейчас не вырвало. Но отвратительнее всего – и оттого совсем уж непонятно, – что Бадди при этом выглядит простодушным и чистосердечным, как будто он – воплощенная доброжелательность. И когда его руки перемещаются к низу твоего живота, ты думаешь лишь о том, что хочешь быть дома, но каков он, этот твой дом, представить не можешь, и потому лишь пытаешься отодвинуться от него – медленно, дюйм за дюймом, пока наконец кровать не кончается и ты не падаешь на пол.

В воскресенье миссис Мартин принаряжает тебя, и ты уже не одиннадцатилетняя девочка, но уменьшенная копия пожилой богомолки, бесформенной и бесполой. Чулки до самого верха. Черные туфли, слишком тяжелые для ходьбы. Наряд, вполне подходящий для церкви, куда тебя и ведут. Она говорит, что тебе это нужно. Ей не нравится, что ты была замкнутой в последние

два-три дня. (Тебе кажется, что это, скорее, завуалированный намек на твою мать, нежели подозрение, что под ее крышей могло случиться нечто ужасное.) Затем она поправляет себя: нам всем, мол, это нужно. Только так мы можем прийти к благочестию. (Возможно, она все же кое о чем подозревает…) Ты спрашиваешь, пойдет ли с вами Бадди, и она бормочет, что нет, у его матери, мол, на него другие планы, и ты не спрашиваешь какие, а она не удосуживается объяснить, и ты чувствуешь облегчение, потому что, если бы он пошел, тебе пришлось бы сидеть рядом с ним на церковной скамье.

Ты знаешь, что должна рассказать. Рассказать ей всю правду о том, что сделал Бадди. Но ты не знаешь как. И потом: вдруг ей и так уже все известно, хоть она и не подает виду?

Сидя рядом с тобой на скамье, она наклоняется и отрывистым шепотом требует, чтобы ты скрестила ноги. «Воззови к Господу – и будешь услышана». И она советует тебе опускать голову, когда улыбаешься. А когда идешь там, где много людей, надо смотреть вниз, себе под ноги, или на какой-нибудь предмет впереди. Зрительный контакт может передать неуместное сообщение. «Не стоит расслабляться только потому, что это церковь», – говорит она. Искушение повсюду, и оно постоянно тебя испытывает, а где еще испытывать искушением, как не в молельном доме? Когда ты поднимаешь голову и киваешь, показывая, что все поняла, она шлепает тебя по колену тыльной стороной ладони и шипит сквозь зубы: «Разве я не говорила тебе опускать голову?»

Пастор стоит перед прихожанами, вознося молитву во спасение души. Он небольшого роста, худощавый, но кажется огромным, возвышаясь в своей рыжевато-коричневой накидке с амвона, тогда как его синий галстук указывает вниз. «Избавление от греха, – изрекает он в конце, – наш единственный шанс». Голос у него громкий, ревущий, он расхаживает взад и вперед, проплывает из стороны в сторону, но где бы он ни находился, его голос нацелен прямо на тебя. И ты все принимаешь близко к сердцу. «Нам всем следует подумать над тем, как мы можем исправить ошибки, которые совершаем. А как узнать, что вы совершили ошибку, сделали ложный шаг? В ваших ногах усталость. Они начинают гореть, и нам всем известно это ощущение, идущее вроде как откуда-то снизу. Так и есть. Каждая наша оплошность на шаг приближает нас к дьяволу. А чем мы можем ее исправить? Избавлением от греха. Сказано ведь в Псалтыри, в псалмах 24:4–5: «Лишь тот, кто чист руками, сердцем непорочен, кто Именем моим не клялся зря и ложных клятв не приносил, получит он от Господа благословенье и милость от

Всесильного, Спасителя его». Или, как говорят святые отцы в «Деяниях святых апостолов»: «Открыть глаза им, чтобы обратились они от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение от грехов и жребий с освященными». И ты чувствуешь, как все твое тело дрожит. Он знает не только все твои мысли, но и в чем заключается для тебя избавление. И у тебя возникает импульсивное желание сбросить с себя все те одежды, в которые облачила тебя миссис Мартин, и сидеть голой, чтобы прощение омыло тебя всю, чтобы принять спасение и, может быть, любовь. «Есть лишь одно место, где вы можете получить вечное избавление от греха, и вам всем придется проникнуть через эти ворота в одиночку. Но вы не сможете это сделать, если в ваших ногах дьявольское жжение, а потому вам всем придется поверить мне: омыть их можете лишь вы сами. И это неопровержимый факт».

Из церкви ты выходишь воодушевленной. Теперь ты знаешь, что должна делать, и это придает тебе сил. Пастор стоит в дверях, обмениваясь рукопожатиями с прихожанами. Снаружи ярко светит солнце, но лучи его останавливаются на пороге, не проникая в неф, куда через витражное окно пробиваются лишь искорки света, рисуя ромбовидные узоры на темном деревянном полу. Священник пожимает руку твоей двоюродной бабке.

– Рад вас видеть, миссис Мартин, – говорит он.

– Такая проникновенная речь! – отвечает она.

– А это еще кто у нас?..

Она представляет тебя. На всякий случай объясняет, что ты живешь у нее по необходимости, что это ненадолго, только пока лечится твоя мать. И тебе не совсем понятно, почему она делает упор на эту кратковременность твоего пребывания в ее доме – то ли потому, что нечто в тебе ее смущает, то ли потому, что она умышленно умаляет свое милосердие. Пастор берет твою руку в свои в знак приветствия. Ты вся заливаешься румянцем от смущения, и жар пронзает тебя до пяток. Тебе кажется, что он догадался о твоем желании обнажиться и даже увидел тебя голой, словно просветил насквозь своей силой, подобной рентгеновским лучам. Тебе остается только (помня о сказанном миссис Мартин) потупить глаза и смотреть вниз, себе под ноги.

Миссис Мартин улыбается священнику и кладет руку тебе на плечо, сжимая его с той же силой, что и Бадди несколькими днями ранее. Она обращается к тебе, но смотрит прямо на пастора:

– Не хочешь ли сказать что-нибудь, дорогая?

На ум ничего не приходит. Ты подыскиваешь слова, словно дар речи – это нечто совершенно для тебя новое; они оба ждут.

Она вновь сжимает тебе плечо, и ты машинально выдавливаешь из себя:

– Спасибо.

– Я помолюсь о твоей матери, – говорит он, – но, надеюсь, ты сама будешь управлять жизнью, честно и верно… Помни, что сила Господа будет поддерживать тебя до тех пор, пока ты живешь праведно. – Он поворачивается к твоей двоюродной бабке. – Да благословит вас Бог, миссис Мартин. Продолжайте распространять слово Божие и живите по нему.

– Аминь, – говорит она. – Аминь.

На обратном пути все молчат. Ты смотришь на фруктовые сады за окном, думая о том, как лучше всего сказать ей о Бадди. Ты собираешься сделать это сразу же по возвращении, пока Бадди и его матери нет дома, а миссис Мартин пребывает на пике своего благочестия. От всех этих мыслей у тебя немного пересыхает во рту, и голова идет кругом. Но за тобой – сила Господа! И ты должна иметь чистые руки и непорочное сердце.

Сначала она закатывает тебе пощечину. Затем говорит, что ты омерзительна и она не потерпит подобных разговоров в своем доме. Возможно, ты и говоришь подобным образом со своей матерью, но только не в ее доме. Ты стоишь посреди гостиной, у тебя горит лицо и дрожат губы. Она расхаживает вокруг тебя, то смыкая, то размыкая руки, и ты слышишь ее дыхание так, словно сама сидишь где-то в глубине ее легких. Потом она, громко топая, уходит в кухню, но почти тут же возвращается и снова ходит кругами. Делает три круга. Ты едва стоишь на ногах, но не падаешь, потому что слишком легкая. И ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы стать невидимой (сжимаешь кулаки, зажмуриваешься, собираешь всю свою волю), но когда смотришь вниз, то видишь свои пальцы, вцепившиеся в манжету платья, которое она на тебя напялила. А потом она исчезает в своей спальне. Ты остаешься одна в гостиной. (Быть может, впервые ты одна где-то еще в этом доме, помимо своей комнаты?) На какое-то мгновение ты расслабляешься, опускаешь плечи. В голове проясняется. Ты делаешь глубокий вдох, и вместе с ним к тебе возвращается немного жизни. Все будет в порядке. Шок уже прошел. Ты говоришь себе это снова и снова. Но тут ты слышишь шаги из спальни. Половицы не просто поскрипывают – они стонут и чуть ли не трещат. Ты вновь устремляешь взгляд в пол. Не смеешь смотреть на нее. Надеешься, что она пройдет мимо. Но она опять начинает расхаживать вокруг тебя. Кружит и кружит. Наконец, останавливается у тебя за спиной. Что-то бормочет. Снова и снова. Какое-то заклинание. Сначала смысл слов до тебя

не доходит. Но она повторяет их раз за разом, ты улавливаешь ритм, а вместе с ним и смысл: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный… Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный… Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный… Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный…» Вскоре и ты уже мысленно проговариваешь все это, словно нет во всей вселенной других звуков, и слова эти мало-помалу теряют для тебя свой смысл… От первого удара ты падаешь на колени. Поперек спины… между лопаток… Это что-то тяжелое, вроде трости, свистящей у тебя над ухом при каждом взмахе руки. Ты вся напрягаешься, сжимаешься. Готовишься к новому удару. Ты хочешь сказать «нет». Хочешь сказать хоть что-то. Но голос пропал. Внутри тебя нет слов. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный… Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный… Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный…» Она не останавливается. Даже чтобы перевести дыхание. И трость обрушивается на тебя снова и снова. Но ты падаешь только после четвертого удара. И пока ты лежишь так, а она хлещет тебя по всей спине, ты думаешь лишь о том, чтобы уползти отсюда, забраться в свой чемодан, каким-нибудь чудесным образом запереться в нем, прижаться к Кларку Гейблу и вместе с ним улететь в другую жизнь, откуда все пережитое выглядело бы просто прискорбной историей.

1945-й: аэропорт Метрополитан, Ван-Найс, Калифорния

На старом авиационном заводе Timm Aircraft в аэропорту Метрополитан актер Реджинальд Денни создал компанию по продаже радиоуправляемых авиамоделей. В начале тридцатых годов двадцатого века, находясь на пике актерской карьеры, Денни, во время Первой мировой войны служивший наблюдателем-стрелком в британской Королевской авиации сухопутных войск, открыл на Голливудском бульваре магазин по продаже радиоуправляемых моделей для хобби, изначально называвшийся Reginald Denny Enterprises, но вскоре преобразованный в «Radioplan Company». Наиболее привлекательным активом компании являлся радиоуправляемый самолет, который Денни и его команда выпускали под маркой Dennymite. Несколько модифицированный в 1938 году самолет Денни привлек интерес американской армии: там полагали, что дешевые радиоуправляемые модели будут весьма полезны для обучения расчетов зенитной артиллерии. Теперь Денни производит радиоуправляемые самолеты OQ-2. Сотнями. Находящийся в Ван-Найсе, примерно в двадцати милях от Лос-Анджелеса, аэропорт Метрополитан представляет собой окруженный сельхозугодьями промышленный центр. Некогда аэропорт для «звезд», позднее резервный звуковой киносъемочный павильон, Метрополитан в 1942 году был куплен военными, и хотя многие из его помещений были переоборудованы в производственные цеха для нужд оборонной промышленности, в некоторых все еще проходили съемки. В одном конце аэропорта изготавливались самолеты, в другом снимались сцены из «Касабланки». Сейчас, в середине сороковых, производство в полном разгаре. Гражданские рабочие, главным образом женщины, для нас так и оставшиеся безымянными, заняты чрезвычайно важным для страны делом. Мы изготавливаем «дроны» – радиоуправляемые самолеты. Замеряем бальзу[1]. Режем. Собираем и склеиваем. Одни окрашивают детали. Натягивают брезент на каркас. Другие делают миниатюрные парашюты, которые затем убираются в фюзеляж. Третьи следят за качеством производимой продукции.

Все мы здесь сироты. Сидим за столами по всему периметру гигантского склада. Мы – производственная линия. Для девушек это – дом. Наш заработок и наш вклад в поддержку военной экономики. Но прежде всего то, чем мы можем себя занять. Здесь

молодая жена забывает, что потеряла точку опоры, после того как ее мужа отправили за море. Все мы здесь одиноки, но, по крайней мере, переживаем одиночество вместе. Бóльшую часть времени мы думаем об одном и том же, терзаемся одним и тем же беспокойством. И хотя иногда бывает приятно высказаться вслух, тем самым подтверждая или напоминая себе, что ты не одинока в этих чувствах, правда состоит в том, что, озвучив свои мысли, ты, как правило, начинаешь чувствовать себя еще более одинокой. Иногда ты даже жалеешь, что не промолчала. Здесь много девушек, но ощущение пустоты и отстраненности все равно остается, быть может, потому, что мы сидим в ангаре с высоченными потолками и перекрещивающимися металлическими балками, напоминающими об истинном назначении этого помещения и вызывающими у каждой работницы ощущение собственной незначительности и маловажности.

Она всегда занимает одни и те же места как у сборочной линии, так и в комнате отдыха, куда девушки выходят на ланч. Трудно сказать, что это – привычка, высокомерие или безразличие. Она бы и смешалась с другими, но, похоже, предпочитает оставаться незамеченной. Остальные девушки шумны и запальчивы, стараются привлечь к себе внимание своими историями, тревогами, сплетнями. Она больше общается с женщинами постарше, с теми, чьи мужья оставили служебную карьеру и ушли сражаться, с теми, которые многое повидали, многое знают, и у них уже нет ни сил, ни желания заявлять о себе во всеуслышание. В лице ее как будто затаилась вечная печаль. Ей не больше девятнадцати; черты еще не оформились, плечи тонкие и хрупкие, тело лишь начинает расцветать, когда она говорит, все сказанное легко забывается; однако же если вы внимательно всмотритесь в ее лицо и попытаетесь понять, каким оно станет в старости, вы поймете, что это невозможно, как и представить, каким будет окончательный узор трещинок на гладком фарфоре, когда истечет его срок. Она как будто уже прожила эту жизнь однажды и знает, каково быть в мире несчастных женщин, знает, как устроен этот мир. Ей нравится механистичность работы. Иногда взгляд ее на какое-то время уходит в дальний конец ангара, тогда как пальцы продолжают привычно работать с парашютной тканью, и можно догадаться, о чем она думает: об уютной, залитой светом заходящего солнца комнате, в которой на темно-коричневой кушетке у камина сидит, с книгой на коленях, она сама, сидит так ровно и непринужденно, что, должно быть, даже не вздрогнет, если книга вдруг сползет с

колен и упадет на пол.

Она не отмалчивается, если ее спрашивают, но рассказывает о себе не так уж и много. Ее муж (они женаты всего пару лет) год назад оставил работу в «Lockheed» – откликнулся на призыв надеть форму. Нанявшись в торговый флот, он сначала работал инструктором по физподготовке, а затем, когда началась война, был переброшен в южную часть Тихого океана. Тот факт, что он служит в торговом флоте, поначалу приносил хоть какое-то успокоение. В конце концов, они занимались всего лишь переброской войск и военных материалов. Она рассказывает об этом с такой наивностью, словно он вовсе и не находится в районе, охваченном войной. «А разве это, по сути, не *военно*-морской флот?» – спрашивает одна из девушек, сидящих слева, но она качает головой и повторяет: «Это торговый флот». Повторяет без всякой гордости, просто констатируя факт. Мы не жестокие, мы просто стараемся подходить ко всему практично, потому что с таким подходом легче перенести то, что может случиться. Мы уже видели такое. Знаем, как это бывает. Кто-то справа от нее говорит: «А японцы не потопят его корабль, как уже потопили другие?» – «Тем более, – раздается другой голос, – что он перевозит военные припасы? Им это вряд ли понравится. Полагаю, он и будет их первой целью. Пути снабжения обычно стараются перекрыть в первую очередь». И опять же никто не стремится задеть или уколоть. Просто такова жизнь. Но она не слушает. Мыслями она уже где-то далеко, хотя руки и продолжают перебирать ткань. Она снова видит не нас, а свою воображаемую комнату.

Иногда кажется, что она действительно по нему скучает, но в большинстве случаев судить об этом сложно. Как-то раз она заявила, что ее ему скормили. Мы так и не поняли, что она хотела этим сказать – «скормили». Некоторые из нас, местные, те, что из Ван-Найс, слышали о нем; в школе он был звездой футбола. Но это все, что мы знали. В другой раз она рассказала, как ходила в поход в горы у озера Большой Медведь, и рассказала так, что все поняли: это одно из лучших воспоминаний в ее жизни. У всех есть что-то такое – то единственное, чем можно выразить, как сильно нам не хватает мужей, но когда она закончила и ее глаза заблестели от слез, некоторые из нас готовы были поклясться, что она никогда там не была. Подобным образом люди порой пытаются вставить себя в какой-нибудь фильм или журнал, выдавая желаемое за действительное, представляя себя в другой, чужой жизни.

Однажды она сказала, что незадолго до того, как он уехал, у

нее случился выкидыш. В другой раз заявила, что хотела бы, чтобы у них был ребенок: тогда по его возвращении их жизнь наконец-то наладилась бы. Она говорит об этом с такой искренностью! Даже когда ее истории не во всем совпадают.

Она говорит, что после работы, когда возвращается в дом свекрови, ее всегда ждет ужин, и они сидят на диване и едят, глядя на две его фотографии: сделанную в одном из старших классов и ту, на которой он в военной форме. Они сидят молча, ни та, ни другая не пытается завести разговор. Это что-то среднее между просмотром фильма и посещением кладбища. Мы спрашиваем, навещает ли она свою родню. Голосом, в котором явственно звучат властные нотки, какого мы никогда не слышали (или, быть может, не замечали), она отвечает, что ее мать очень занята, а отец – важный человек в киноиндустрии. Мы спрашиваем, кто он. Знаем ли мы его? Она чуть заметно, почти лукаво улыбается: «Скажи я вам, дамы, кто он, вы больше бы не посмели так со мной обращаться».

Рональд Рейган, теперь уже капитан Рональд Рейган, получает назначение в Первый кинопроизводственный отдел, расположенный в Калвер-Сити. Он выпускает учебные фильмы для армейской авиации. Одна из его целей – поднять энтузиазм, мобилизовать военные усилия, крепя жертвенную солидарность оставшихся дома. Война – долг каждого. В каком-то смысле все мы солдаты. Для этих целей капитану Рейгану нужны истории о простых, трудолюбивых американцах. Реджинальд Денни, его старый друг и коллега, предлагает «Radioplan Company», где симпатичные молодые девушки натягивают брезент на фюзеляжи миниатюрных самолетов. Утонченные и самые обычные, но не менее чем их братья, возлюбленные, мужья, которые дислоцированы сейчас в Европе, преданные общему делу. Рассказ о них уж наверняка поднимет боевой дух. «Почему бы и нет», – решает капитан Рейган, и договаривается о рекламной статье в журнале «Янки». И когда, ближе к полудню, армейский фотограф, молодой рядовой, является к нам для съемок, мы все сидим немного ровнее, чем обычно, приводя в порядок прически и на всякий случай еще раз подкрашивая губы.

Все, кроме нее.

Она и бровью не ведет. Впрочем, в ее поведении нет ничего необычного. Она даже едва отрывается от работы, пока рядовой расхаживает то тут, то там, прищуриваясь, когда нужно придумать какой-то неожиданный кадр, присаживаясь на корточки и снимая все с различных ракурсов. В то время как мы,

словно стебельки на ветру, раскачиваемся справа налево при каждом его движении, она продолжает заниматься своим делом, привинчивая пропеллеры к небольшим фюзеляжам.

Мы никогда не думали о ней как о красавице, не замечали в ней ни чего-то яркого, ни чего-то выдающегося. Да, у нее милое лицо и довольно-таки приятная улыбка, но она не из тех, кого выделишь в толпе или вспомнишь на следующий день.

Рядовой говорит, что нам лучше забыть, что он здесь, не обращать на него внимания. Быть естественными. Он прохаживается вдоль конвейера, снимая нас то так, то эдак. Мы вроде как не должны позировать, но все же исхитряемся поднимать подбородок, слегка повернуться в профиль или даже принять кокетливое выражение. Те из нас, что сидят подальше, тайком на него поглядывают – далеко ли он, запоминая и прокручивая в голове наши уловки и позы. Она же по-прежнему вся в работе. Даже глаз не поднимает. Все привинчивает и привинчивает пропеллеры к фюзеляжам.

А затем происходит нечто странное. Рядовой снимает ее. Раз и еще раз. Он не просто останавливается, но как будто и забывает обо всем на свете. Роняет на пол сумку и ногой отбрасывает ее в сторону; встает на цыпочки, приникает к фотоаппарату и начинает щелкать. Один снимок за другим.

А она по-прежнему – ноль внимания. Трудно сказать, действительно ли она такая рассеянная и держится естественно, но он не останавливается.

Наконец, по прошествии довольно-таки продолжительного времени, он опускает фотоаппарат. Мы все снова приступаем к мысленным репетициям. Он подходит к ней ближе, пытается сказать что-то негромко, но в ангаре так шумно, что если хочешь, чтобы тебя услышали, нужно говорить во весь голос, поэтому мы всегда можем разобрать любой разговор. Он говорит ей, что у него есть кое-какие идеи насчет другого рода фотографий. Говорит, что, на его взгляд, она замечательно держится перед камерой. А затем спрашивает, есть ли у нее свитер. Она отвечает, что есть, он просит надеть его, но она говорит, что у нее работа. «Как насчет продолжить во время ланча?» – предлагает он. Она продолжает привинчивать пропеллеры и поднимает голову, только чтобы ответить: хорошо, мол, если он считает, что так будет лучше. Прекрасно, говорит он и отступает, почти спотыкаясь о сумку, и в этот момент мы все начинаем спрашивать себя: а не сыграли ли с нами шутку?..

Она возвращается на свое место после ланча. В свитере. Она назвала его Щелкуном, когда он уходил, и сказала «конечно», и нам было невдомек, что означает это «конечно», пока он не

сказал, что добудет побольше пленки, а затем уж постарается подыскать подходящее место. Но самое примечательное или, скорее, впечатляющее – это то, насколько другой она выглядит по возвращении. Кости как будто окрепли. В походке появилась уверенность. Работающие в ангаре мужчины останавливаются и смотрят ей вслед, как будто привлеченные запахом секса. Теперь у нее лицо уже не маленькой девочки, но уверенной в себе женщины – привлекательной, обольстительной и немного пугающей. Даже когда она садится, впечатление такое, что она все еще стоит, будто немного подросла. Она ничем не дает понять, что уже не одна из нас, но мы сами своей ее больше не воспринимаем.

И, самое чудное, мы все теперь снова и снова пялимся на нее.

Никто бы так и не узнал, что у нее когда-то был муж. С того самого дня, когда она позировала перед фотографом, она больше никогда о нем не вспоминает. Ни словом. Ни о торговом флоте, ни о своем отношении к войне. Нет, ее верность под сомнение никто не ставит. Скорее, может сложиться ощущение, что она и вовсе никогда не выходила замуж. Никогда не была частью семьи или чего-то такого. Просто материализовалась из ниоткуда.

Она говорит нам, что регулярно позирует этому рядовому и что в один из уик-эндов он возил ее на фотосессию в пустыню Мохаве. Заявил, что она очень естественна, и, быть может, ему удастся заинтересовать кого-либо ее портфолио, возможно, она даже сможет этим зарабатывать, а когда в «Yankee Magazine» выйдут ее фотографии, то и вовсе оставит эту паршивую работу. Здесь она делает паузу. Смотрит вниз, в пол, затем вскидывает голову и обводит нас внимательным, изучающим взглядом. На мгновение становится собой прежней.

– Я не хотела сказать, что работа паршивая, – говорит она. – Сами знаете, это просто фигура речи.

Произнеся это, она распрямляется и вновь становится новой собой. Все нормально, отвечаем мы. Но не говорим, что знаем, что она имела в виду именно это.

И тут одна из девушек спрашивает:

– А что думает по этому поводу твой муж?

– Что? – говорит она, и мы не уверены, к чему это «что?» относится: то ли к тому, есть ли у нее все еще муж, то ли к его мнению относительно ее фотосессий.

– Я о съемках. О том, что ты позируешь, пока он отсутствует.

– Я не беспокою его подобного рода вещами, – говорит она. – Не хватало ему еще и моих забот.

Мы знаем, что это означает. Знаем, что она совершенно об

этом не думает. Знаем, что не иметь чувства верности и быть неверной – два совершенно разных понятия. Позднее ходили слухи, что муж узнал обо всем, взглянув через плечо сослуживца на фотографию в журнале. Сомнений быть не могло: со снимка на него смотрела жена. Должно быть, он надеялся, что это просто хобби, обычное дело – всякое ведь случается, а вовсе не какой-то ее тайный замысел. Потом, после капитуляции Японии, он вернулся домой в отпуск, ненадолго – вскоре нужно было вновь уходить в плавание, на сей раз в Шанхай. К тому времени его молодая жена уже стала полноценной моделью, использовала новое имя – Мэрилин Монро – и вела переговоры о возможном контракте с кинокомпанией «20th Century Fox Film». Дома его ждал разговор с матерью. Та была отнюдь не в восторге от того, что по выходным и во все свободные часы ее невестка позирует в купальнике для глянцевых журналов и совершенно отказывается от оплаты счетов, объясняя это необходимостью покупать одежду и аксессуары, необходимые для ее теперешней работы. Касательно остального также существует множество версий, но наиболее убедительной выглядит такая: ее новообретенный смысл жизни просто не совпал с его планами. Можно представить такой разговор:

– Ты не та девушка, на которой я женился.

– Та. Просто мне надо было на чем-то сосредоточиться.

– А мужа тебе мало?.. Как ты можешь быть такой стервой?

– Ты уж прости, что я не такая, как твоя бывшая подружка, королева бала.

Похоже, примерно так все и было, потому что мы слышали подобное, в той или иной форме, миллионы раз. Но вот чего мы не можем услышать: что для нее значило – показать себя. Ей всегда казалось, что люди видят ее не такой, какая она есть на самом деле, а тут появляется шанс все изменить! Вскоре после того, как она оставила «Radioplan Company», ее фотографии начали появляться в журналах. Позже она стала мелькать в фильмах.

Забавно, но факт: одна из ее соседок по сборочному цеху, Рита, всегда сомневалась, что девушка с фотографий – именно та, с кем она работала. Мы показываем Рите снимок в журнале. Показываем на ее обычное рабочее место.

– Вот, – говорим мы, кивая. – Она – та самая, которая сидела вот здесь.

Рита щурит глаза, пытаясь вспомнить. Свести все вместе. Наконец качает головой – нет.

– Это не та девушка, – говорит она. – Вы путаете ее с кем-то.

– Нет, – уверяем мы, – да нет же!..

Мы посмеиваемся. Отчасти – над упрямством Риты. Отчасти – из какой-то странной гордости. Большинство из нас вообще-то не одобряют того, что она сделала, особенно учитывая факт, что ее муж рисковал тогда жизнью в южной части Тихого океана. Мы знаем, что шанс приходит и уходит и что бывают подходящие моменты, когда случаем надо пользоваться. Просто все произошло совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба, и теперь, оглядываясь назад, уже кажется, что она все время была наготове, ждала того случая, который изменит ее жизнь. Так что время, может быть, оказалось не совсем подходящее, но мы все тихонько за нее болеем. Почему? Потому что, как бы оно ни сложилось, она – там, а мы все еще здесь.

Рита не унимается. Выхватывает журнал у нас из рук, быстро пролистывает. (Странное дело, хотя звуки в ангаре накладываются друг на друга и шепот иногда перерастает в крик, мы слышим шелест страниц, словно некая гигантская птица бьет крыльями у нас над головами.)

– Вот, – говорит Рита, – вот.

И сует журнал нам под нос.

Мы смотрим на фотографию. На ней – она, позирует на пляже. Сидит на фоне отлива, в состоящем из двух частей купальнике, правая рука на топе, словно придерживая его. Она уже не смотрит с тоской, как когда-то, а выглядит жизнерадостной, почти беззаботной. Молодость буквально брызжет из нее. Можно подумать – ее исцелил объектив. Но трагедия всего этого, по крайней мере, с нашей точки зрения, заключается в том, что выглядит она так, будто и вправду верит, что печаль никогда уже не вернется.

– Тут даже имя не то, – говорит Рита. – Совсем другое. Совершенно другой человек.

– О’кей, – говорим мы, – о’кей.

Ни у кого уже нет сил с ней спорить. Но в какой-то степени Рита права.

Это совершенно другой человек.

1951-й: государственная больница, Норуолк, Калифорния

Больничные коридоры: тусклые и унылые, полы, которые моют в начале каждого часа и подметают каждые полчаса, из-за чего они выглядят так, будто по ним и не ходят вовсе, лишь кое-где виднеются одинокие черные отметины, которые не смогла отмыть швабра. Персонал всегда разговаривает шепотом, только шепотом. Так разговаривают, когда строят какие-то планы. В общем, все пациенты здесь одинаковы, потому что безумие одинаково, разве что имеет различные формы и размеры. Вот приземистый полноватый мужчина, почти лысый, кроме аккуратного венчика на макушке. Ему нравится кружиться посреди холла, да так, что из-под неряшливо заправленной рубахи то и дело выпадает вздымающийся, трясущийся живот. Когда на него находит, а санитаров рядом не оказывается, он начинает срывать с себя одежду, после чего голым шаром вновь выписывает круги по коридору, похлопывая по рефлекторно отвердевшему пенису, словно это рычаг, позволяющий вращаться быстрее. Тем временем говоруны и мямли сидят по углам. Разговаривают сами с собою, бормоча ругательства и слова раскаяния, злобно поглядывая на любого, кто посмеет на них посмотреть, за исключением разве что миловидных сиделок (хотя и тем порой достается). Говоруны и мямли – как правило, старики, попавшие сюда так давно, что им кажется, будто больница всегда была их домом. Они не помнят детства, как будто сразу взяли и появились в больнице. Они живут в относительной тишине. Шум – это звук беспорядка. Экспрессия – знак неудачника. Но копните глубже это спокойствие или хотя бы извлеките что-нибудь из-под него, и вы услышите нечто оглушительное. Как тот свист, что слышат только собаки и при этом падают на брюхо.

Подумайте об этом.

Мэрилин думает об этом каждый раз, когда навещает мать.

Особенно когда уходит. Падая на заднее сиденье автомобиля. Зажимая уши руками. Пытаясь заглушить этот ужасающий свист.

Быть может, им следует завести отдельное крыло в государственном лечебном учреждении Норуолка.

Палату Бейкер-Грейджер.

Грейнджер-Бейкер Центр.

Его можно было бы назвать в честь тех двух женщин, которые

ее воспитали: матери Глэдис Бейкер и бабушки Делии Грейнджер.

Должно быть, Глэдис уже знала, каково это – идти по больничным коридорам, в которых стоит смешанный с затхлостью запах моющих средств, идти, опасаясь предстоящего свидания с матерью, потому что никому не хочется видеть мать в таком состоянии (особенно, с учетом того, что и мать матери находилась в таком же состоянии). Шел 1927-й, и весь мир говорил о наводнениях в Миссисипи, казни Сакко и Ванцетти, взрывах в Бат-Тауншипе, штат Мичиган, и Чарльзе Линдберге. Глэдис хотелось рассказать Делии о новой картине под названием «Певец джаза» – звуковом фильме, которому предстояло перевернуть все представления людей о кино. Очень хотелось, потому что у нее с матерью были хотя бы кинотеатры. Единственное место, где они могли расслабиться, забыв о своих проблемах. Но когда она увидела Делию – та сидела на краешке кровати, гримасничала и один за другим загибала пальцы, – то испытала острое желание уйти. Развернуться и убежать от матери – навсегда. Она увидела ярость (или, по крайней мере, нечто столь же реальное). Этот гнев витал в воздухе вокруг ее матери, подстегивая пожилую женщину. Ярость, которая била о пол стаканы и тарелки, сыпала словесными угрозами, отваживала от дома знакомых. Эта ярость ударила дочку Глэдис и, по словам малышки, пыталась еще и задушить ее подушкой после того, как ее указания не были поняты и исполнены. Именно это и увидела Глэдис. В ужасе осознав, что – теоретически – на подобное, быть может, способна и она сама, Глэдис отвела взгляд в сторону. Никогда не поднимавшая руку на дочь, порой, глядя на малышку, она совершенно беспричинно начинала лить слезы…

Стоя в коридоре у двери в палату матери, Глэдис отчаянно сожалела о том, что приходится ей родственницей. Если бы все это вдруг оказалось ошибкой! Оплошностью конторского служащего. Войдя в палату, она присела на кровать рядом с матерью. Присела, выставив по привычке локти, чтобы защититься в случае чего. Делия заворчала, затем закашлялась, словно к горлу подкатил комок. Отхаркнувшись, она сглотнула, снова начала загибать пальцы и дважды топнула ногой по полу.

Не в силах заставить себя смотреть на мать, Глэдис уставилась в коридор и дрожащим, далеким от обычного голосом принялась пересказывать «Певца джаза». И притворяться, что та слушает. Она приводила мельчайшие подробности, рассказывала об Эле Джонсоне и Мэй Макэвой, делая вид, что мечтает о том, как однажды они выйдут в город и посмотрят этот фильм вместе. Наконец, закончив, Глэдис встала и объявила, что ей пора. Она

наклонилась вперед, как если бы хотела поцеловать мать в щеку, но резко остановилась в нескольких сантиметрах от ее лица. Делия напоминала хрупкую антикварную вещицу: малейшее прикосновение – и разлетится на тысячи кусочков.

Глэдис прошла по коридору, как обычно, все подмечая, пытаясь запечатлеть в памяти подробности больничного быта. Когда-нибудь она тоже свихнется. То была часть ее наследства. И когда это случится, она должна знать, как устроено учреждение. Вот почему она впитывала все в себя, словно губка. Старалась запомнить как можно больше. Надеясь, что когда потребуется, сможет хотя бы немного во всем этом разобраться.

Возможно, крыла будет недостаточно.

Возможно, нужна целая больница. На доход кинозвезды она может себе это позволить. Или даже обязана. Это ведь передается по наследству. По меньшей мере трем поколениям.

В больнице положено быть бодрым и веселым. У них это – как пароль. Это часть всеобъемлющего лечебно-оздоровительного ухода, основанного на том убеждении, что позитивное окружение формирует позитивную психику. В переполненной больнице все правила пронумерованы, как и пациенты. А как иначе поддерживать порядок? Медсестры и персонал больницы следуют инструкции и, если только обстоятельства не диктуют иное, всегда изъясняются позитивными выражениями. Лишь доктора держатся иначе. Скрючившись над своими стальными пюпитрами, прислушиваясь к фактам и выписывая назначения, они не утруждают себя участием в этой игре. Они постановщики. Сочинители. Это не их дело – исполнять. Чтобы усилить позитивность, некоторым пациентам дозволяется выезжать на дневные прогулки с семьей. Считается, что подобные выезды и взаимодействие с внешним миром вызывают ощущение нормальности. Вот и Мэрилин забирает мать на ланч. Они сидят на открытой площадке одного из ресторанов в Уиттьере. Глэдис сутулится, пряча лицо, словно за ней наблюдают. Не успевают они завести разговор, как она внезапно оглядывается и шепчет: «Вы должны забрать меня отсюда». Она почти не смотрит на дочь: очевидно, она и понятия не имеет, кто перед ней. На протяжении всего ланча она лишь ковыряется в жареном картофеле, повторяя: «С виду вы довольно-таки приятная дама, и я знаю, что вы не отвезете меня обратно». Когда они заканчивают и машина везет их назад, в больницу, мать не произносит ни слова, лишь иногда дернется, или прочистит горло, или фыркнет. Глэдис бросает косые взгляды и сжимает кулаки, словно вот-вот взорвется, затем

смотрит в окно, на медленно пробегающий мимо, кадр за кадром, город, будто копается в чьих-то воспоминаниях. И лишь когда автомобиль сворачивает на длинную подъездную дорожку, говорит: «Я так и знала, что вам нельзя верить». И пока они идут к сестринскому отделению, Мэрилин смотрит под ноги, боясь, что любой зрительный контакт заставит ее разрыдаться. Младшая медсестра, дородная темнокожая женщина, выходит из-за стола им навстречу, берет Глэдис за руку и с широкой улыбкой, с воодушевлением заждавшегося родителя произносит:

– О, миссис Бейкер! Вы выглядите такой посвежевшей! Как приятно снова видеть вас дома!

8 марта 1952-го: «Villa Nova Restaurant», Лос-Анджелес

Такси подъезжает к «Villa Nova» минут на пятнадцать позже назначенного времени, но Джо словно и не замечает своей непунктуальности. Через массивную деревянную дверь, блокирующую шум с бульвара Сансет, он проходит внутрь, мимо метрдотеля, чувствуя обращенные на него взгляды. Уж лучше бы занимались собой! Немного уединения – вот и все, на что он надеялся, завершив в прошлом сезоне карьеру. Направляясь к дальнему столу, он смотрит под ноги. «Привет, Джо», – говорит кто-то, но он не оборачивается, лишь поджимает губы в улыбку и продолжает идти; он ждал этого вечера долгие недели. Жаль только, что все это происходит на публике.

Этот ужин стал возможным благодаря Дэвиду Марчу, тележурналисту, организовавшему фотосессию Мэрилин Монро и другого бейсболиста, лефт-филдера «Филадельфии Атлетикс» Гаса Зерниала. Джо позвонил Марчу, заявив, что раз уж тот устраивает встречи Мэрилин с бейсболистами, он тоже хочет в этом участвовать. Он знал, что Марч уступит – люди вроде него всегда предпочитали иметь Джо на своей стороне. Марч высказал опасение, что Мэрилин может не согласиться – ей, мол, нравится вести дела на собственных условиях, ничего личного. «А ты постарайся как следует», – сказал ему Джо. Мэрилин немного поупиралась, но в итоге все же согласилась на это «свидание вслепую» – после того как Марч сказал, что и сам будет в ресторане со своей девушкой. «Так оно и лучше, – заверил он Джо, – она не слишком интересуется спортом».

Марч и его спутница сидят в дальней части ресторана, в кабинке из красной кожи. Она выставляет напоказ грудь, когда поворачивается, чтобы поздороваться с Джо. Пустышка, думает тот, похоже, считает, что в этом есть какая-то изысканность. Его раздражает даже ее ярко-красная помада – перебор для заведения, которое, по сути, всего лишь дорогущая итальянская закусочная.

Марч встает, обменивается с Джо рукопожатием и предлагает присесть. Джо обводит взглядом стол, задаваясь вопросом, где же Мэрилин и где сядет она, но ничего не говорит и устраивается с левой стороны кабинки, перед стоящим на краю стаканом с водой.

– Ее еще нет, – сообщает Марч.

– Вижу, – отвечает Джо. – Мог бы и не говорить.

Марч не сводит глаз с узкого коридора ресторана, по которому лавируют официанты, разнося дымящуюся пасту. Мэрилин опаздывает почти на полтора часа. Свечи на столах угасают, отбрасывая мерцающие огоньки. Марч уже устал извиняться; его выдержки хватает только на повторный заказ мартини. Но Джо не изволит даже пригубить; мартини кажется ему претенциозным. К тому же ему хочется сохранить трезвую голову. Он желает предстать перед ней в наилучшем виде. Когда ему приносят очередной стакан воды, он берет чайную ложку и, вылавливая кубики льда, складывает их на красную льняную салфетку, после чего, сложив ее вдвое, наблюдает, как темнеет ткань.

Извинившись, Марч говорит, что сходит узнать, не звонила ли Мэрилин. Вставая, задевает стол, и вода из стакана Джо проливается через край.

– Скорее всего… – бормочет Марч. – Ну… сам знаешь, как легко бывает выбиться из графика деловому человеку. Особенно в киноиндустрии.

Джо не говорит ни слова, хотя и понимает, какую неловкость испытывают от его молчания спутники.

– Дай мне пару секунд, – говорит Марч и в мерцающем сиянии свечей направляется к стойке администратора.

Через несколько минут после того, как они остаются вдвоем, спутница Марча поворачивается к Джо с таким видом, словно готова убить его за это молчание.

– Вы ведь больше не играете, не так ли?

Он качает головой.

– Сама я не в курсе, но слышала, лишь недавно закончили. Это ведь было не очень давно, да? Дэвид говорит, вы сейчас какую-то передачу ведете на Си-би-эс. Про бейсбол?

– На Эн-би-си.

– А, ну да. Точно, на Эн-би-си.

Он сжимает салфетку, окончательно перемалывая то, что оставалось ото льда.

Она говорит, что у нее есть подруга, которая работала на Эн-би-си, и спрашивает, не знает ли ее Джо, хотя и не может вспомнить, чем именно та занималась, а он с трудом удерживает зевок, пока она перебирает имена тех, кто имеет хоть какой-то вес в этой индустрии. Наконец, она умолкает и, обведя ресторан взглядом, наклоняется к нему, держа бокал за ножку:

– Это немного жестоко, не находите: заставлять людей ждать так долго. Между нами говоря, даже и не знаю, сколько я еще выдержу.

Джо не отвечает. От готов ждать хоть всю ночь.

Стоит ли говорить, как меняется атмосфера в зале, когда она, наконец, появляется? Одетая во все черное, она приковывает к себе внимание всех без исключения посетителей «Villa Nova», неторопливо, но решительно прокладывая путь к нужному столику. Ресторан как будто осветился, а язычки пламени у горящих свечей сделались длиннее. В ней есть нечто легкое и яркое, призрачное – и в то же время карикатурное. Не говоря ни слова, она опирается ладонями о стол и, подавшись вперед, осматривается в поисках выпивки. Он поражен тем, какой юной она выглядит: ни дать ни взять – принарядившаяся девчонка. И он смотрит, как она медленно снимает пальто и делает паузу, позволяя всему ресторану разглядеть плотно облегающее платье. Его раздражает эта показушность, но он прощает ее, как женскую слабость.

– Извините за опоздание, – говорит она, довольствуясь объяснением, что на сей раз занятия йогой отняли у нее немного больше времени, нежели обычно. – А ты так и не заказал мне ничего выпить? Как тебе не стыдно, Дэвид.

Она обходит стол и плюхается на сиденье. Марч подзывает официанта.

– Полагаю, это мое место, – говорит она, улыбаясь Джо; а затем тоном, в котором бравада смешана с неловкостью, отпускает небольшую ремарку насчет узора в горошек на его галстуке.

Марч представляет их друг другу, повторяя: «Джо Ди Маджио. Из «New York Yankees». Она качает головой, пытаясь вспомнить, где она слышала это имя.

– Ну конечно, конечно.

Она признается, что не очень-то и хорошо разбирается в бейсболе, словно надеясь, что это избавит ее от разговора с ним. В какой-то момент за столом воцаряется полнейшая тишина.

Подходит официант с бутылкой шампанского и четырьмя бокалами.

– Слава богу, – говорит она, нарушая молчание.

Повернувшись к Марчу, она заговаривает с ним о фильме, в котором должна сниматься. И пока они болтают о кинобизнесе, Джо чувствует себя абсолютно никчемным. Таким же никчемным, как и подружка Марча. Он пытается сосредоточиться. Делает глубокий вдох, стараясь выбросить все эти разговоры из головы.

Он мог бы заявить, что в действительности ей абсолютно нечего сказать этим людям. Все это – как шипение иглы между дорожками пластинки. Но она умеет заставить людей поверить в то, что они ей интересны. Его бесит, что им совершенно

наплевать на то, что именно она говорит, им важен лишь сам факт того, что она *разговаривает с ними*. Поэтому они и поддерживают с ней беседу. Смотреть на это ему просто тошно. Ему хочется наклониться к Марчу и его девушке и сказать им, чтобы заткнулись, позволили Мэрилин спокойно поесть, оставили ее в покое. Неужели они не видят, что она еще ребенок, а не какая-то надутая игрушка? Не свет же клином сошелся на этих чертовых фильмах! Но тогда он потеряет психологическое преимущество, а разница между победой и поражением, как ему хорошо известно, в голове.

Она поворачивается к Джо и извиняется:

– Вам, наверно, так скучно все это слушать. Просто я не очень много знаю о спорте.

Он говорит, что все в порядке, и вновь погружает ложечку в стакан, помешивая и выискивая льдинки.

Откуда ни возьмись появляется Микки Руни. Марч и его подруга смотрят прямо на Мэрилин, полагая, что он подошел поздороваться с ней. Но Руни интересует не она, а Джо. Он говорит, что сидел за несколько столиков от них и, когда случайно обернулся, не поверил своим глазам. Как же, звезда «Yankees», лучший игрок за все годы – и где, на Сансет-Стрип! И Руни заводит разговор о бейсболе, он хочет знать, каковы, по мнению Джо, шансы «Yankees». Удастся ли Форду и Лопату выбить в этом году «двадцатку»? Действительно ли Мэнтл такое удачное приобретение, как об этом твердят? Всякий раз, когда Джо делает паузу после вежливого ответа, Руни обводит стол взглядом и заявляет, что Джо – величайший спортсмен всех времен и народов. Говорит, что и по сей день не может поверить в тот страйк, что установленный Джо рекорд можно считать кульминацией всего бейсбола…

Уголком глаза Джо замечает, что Мэрилин смотрит на него с новым интересом. Как и Марч с его подружкой, Мэрилин обладает потрясающей способностью находить то место, к которому обращено всеобщее внимание, и перемещаться к его центру. Дар этот присущ всем голливудским актерам. Она придвигается поближе, упираясь рукой в сиденье так, что он ощущает тепло, исходящее от ее ладони.

Руни откланивается, и Мэрилин переключается на Джо. Он понимает, что теперь она видит в нем нечто большее, чем просто бейсболиста. «Пожалуйста, расскажите мне правила. А что такое «хоумран»? А вы когда-нибудь становились чемпионом? Знакомы с Бэйбом Рутом?» Выглядит это глупо, но Джо такие пустяки не волнуют. Так и должно быть. Он хорошо знает, что делает с людьми развлекательный бизнес. Глядя на нее, он не видит ни

кинозвезды, ни той сексапильной позы, которую она обычно принимает на рекламных плакатах и фото. Он видит обычную девочку, которая вынуждена вести себя, как какая-то кукла-марионетка, и которая сильно от этого страдает. Видит, как нужны ей внимание и опека.

И пока она болтает с ним, он смотрит мимо нее в темный зал невидящим взглядом, представляя, как заберет ее в Сан-Франциско, где сможет освободить от вечной лести и подхалимства, даст покой и уважение. Размеренную жизнь. Домашнюю еду. Тихие вечера. Позволит быть обычной домохозяйкой. Поможет пробудиться ее истинной натуре – скромной, заботливой девушки. Потому что он знает, каково это, когда тебя вырывают из детства и бросают в мир взрослых. Мысль об этом разрывает сердце, отчего ему еще больше хочется окружить ее заботой.

А она все несет голливудскую чушь! За весь вечер он едва произносит и пару слов, неспешно вынашивая в голове планы.

Наконец она на секунду останавливается и спрашивает: «Вас ведь не очень занимают все эти темы, правда?» Никакой особенной связи между ними так и не установилось – по крайней мере, Джо ничего такого не чувствует. И оттого ему еще больше хочется завязать с ней настоящие отношения.

14 января 1954-го: городская ратуша, Сан-Франциско

В день свадьбы с Джо Ди Маджио в городской ратуше Сан-Франциско гороскоп Мэрилин в «San Francisco Chronicle» гласит: «Выработайте наилучший способ улучшения эмоциональных наслаждений и желаемую систему практических отношений с окружающими путем скорейшего приведения ваших решений в исполнение».

Первая страница той же газеты предвещает перемену погоды. Метеобюро предсказывают холодную грозовую бурю, идущую со стороны Аляски, эпизодические дожди и более низкую, приблизительно 11–15 градусов, температуру.

Предполагалось, что бракосочетание останется в тайне, но от тайны мало что осталось. Отстраненная неделю назад компанией «Twentieth Century-Fox» от съемок в мюзикле «Девушка в розовом трико», Мэрилин остановилась в районе Марина с сестрой Джо. Роль вызывала у нее раздражение, сама Мэрилин считала свою героиню «фонтанирующей избитыми фразами занудой в розовом трико» и «самым дешевым персонажем, о каких только мне доводилось читать в сценариях». Со студией, казалось, ей удалось достичь согласия, но головной офис не собирался позволять Мэрилин Монро диктовать условия относительно того, какие фильмы и как следует снимать. Приняв отстранение с чувством собственного достоинства, она уехала на север. С одобрения Джо она и вовсе намерена уйти из этого бизнеса, раз уж они так к ней относятся. Слухи об их свадьбе ходят уже давно. Одни полагают, что они поженились где-то в Неваде, другие склоняются к тому, что это случилось в Голливуде. Поговаривают, что Джо решил оставить шоу-бизнес, заявив телевизионному продюсеру Джеку Бэрри, что больше не желает вести «Шоу Джо Ди Маджио», а после абсурдного отстранения Монро от съемок в «Девушке в розовом трико» советовал и самой Мэрилин поступить так же с компанией «Twentieth Century-Fox». Ни ему, ни ей это больше не нужно. По слухам, они собираются променять Голливуд на обычную жизнь.

Репортеры светской хроники утверждают, что пара проводит вечера дома у телевизора. Иногда их видят в ресторане Джо, где они спокойно обедают и почти не разговаривают.

Пресса стягивается к офису муниципального судьи Чарльза С.

Пири задолго до назначенной на час дня церемонии. Репортеров прибыло около пятисот человек, из-за чего респектабельная городская ратуша и лестничная площадка превратились в то, что местный колумнист Арт Хопп окрестил «сумасшедшим домом».

В назначенный час через ворота Полк-стрит, неспешно продвигаясь по мраморным полам, появляются новобрачные. Кажется, одно их появление осветило позолоченные украшения и лепнины просторного зала. Жених в темно-синем костюме и галстуке в клетку, невеста, отдавшая предпочтение чему-то среднему между городским стилем и элегантностью домохозяйки, в коричневом, из тонкого сукна, костюме с воротником из горностая. Свежий маникюр естественного цвета, длинные и темные накладные ресницы, скрывающие затаившееся в глазах беспокойство.

Вся ратуша – секретари, чиновники, местные законодатели – остановилась. Канцелярская работа застыла, документы забыты на столах. Трезвонят телефоны, но на звонки никто не отвечает. Кто-то, перегнувшись через прилавок самообслуживания в отделе кредитования и финансирования, что на третьем этаже, скажет коллеге, что у него такое ощущение, будто земля замерла, задержавшись на своей оси, после чего оба присоединятся к толпе служащих, уже заполнивших коридор у офиса судьи.

Единственный, кто не может прервать работу, – заместитель начальника канцелярии округа Дэвид Данн. Он бегает из кабинета в кабинет с чистым брачным свидетельством и не может найти свободную печатную машинку, дабы судья Пири имел документ при себе еще до начала бракосочетания.

Новобрачные идут в двух шагах впереди гостей, тянущихся за ними плотной вереницей: мистер и миссис Том Ди Маджио (брат Джо), мистер и миссис Френсис «Левша» О'Дул (первый менеджер Джо из команды «Сан-Франциско Силз»), мистер и миссис Рено Барсочини (партнер Джо по ресторанному бизнесу).

«Examiner» не забывает упомянуть, что Мэрилин воспитывалась в сиротском приюте.

– Волнуетесь, Мэрилин?

– О, еще как!

– Сколько детей вы хотели бы иметь, Джо?

– Как минимум один у нас будет точно. Это я вам гарантирую.

В день свадьбы «San Francisco Chronicle» выходит со статьей под названием «Рекомендации домохозяйкам». В ней дается множество советов, в том числе и такие:

* После использования всегда промывайте мутовку под холодной водой.

* Если понадобится удалить пятно от рыбьего жира, попробуйте следующее: нанесите на губку глицерин, ототрите пятно, после чего постирайте вещь, как обычно.

* В каждой кухне до́лжно иметь дюжину полотенец для тарелок и стаканов, полдюжины полотенец для посуды и, по меньшей мере, четыре кастрюли с ручками. Две кастрюли должны быть большими и тяжелыми, другие две – поменьше и полегче.

* Перед тем как убрать пылесос, сверните шнур достаточно свободно. От натяжения тонкие проводки в шнуре могут порваться.

Глаза сильно подведены, и определить, что невесте всего двадцать семь лет, невозможно. Сидя в до отказа забитом журналистами зале, рядом с будущим супругом, который старше ее почти на двенадцать лет, она выглядит девочкой, впервые дорвавшейся до маминого туалетного столика – размазанная, почти как на лице клоуна, ярко-красная помада и синие тени. В этот свадебный день в городской ратуше она – одна из миллиона девушек, внезапно обнаружившая себя там, где исполняются желания, и задающаяся вопросом: возможно ли пожелать все сразу?..

– Мэрилин. Мисс Монро! Вы планируете оставить кино ради роли домохозяйки? Можете прокомментировать?

– Меня и так уже отстранили, так что – какая теперь разница…

– Сейчас не время говорить об отстранении. Вскоре мы будем за тысячи миль отсюда.

– Это правда, Джо? Расскажите нам, вашим фанатам, куда вы собрались? Где проведете медовый месяц?

– На севере. Юге. Западе. И востоке.

Вскоре после половины второго пополудни посторонних просят покинуть офис судьи Пири. Жених и невеста входят, ждут. Репортеры перемещаются в соседние кабинеты, галдящая толпа разливается по коридору.

Одному из журналистов, залезшему на стол, удается заглянуть за фрамугу. В кабинете устанавливается волнующая тишина, все ожидают его отчета.

– Их еще не расписали, – объявляет он толпе. – Пьют мартини.

Раздаются одобрительные возгласы, что в порядке вещей.

Заместитель начальника канцелярии Дэвид Данн все еще бегает по кабинетам с брачным свидетельством в руке в поисках печатной машинки…

В тот же день, почти в то же время, когда проходит эта церемония, внук Альберта Эйнштейна признан виновным в мелкой краже в Питсбурге, штат Калифорния. Согласно «San Francisco Examiner», двадцатитрехлетний мужчина вместе с сообщником был арестован по подозрению «в воровстве денег из автомата по продаже безалкогольных напитков». Сумма украденного составила 1,10 доллара. Они были освобождены под залог до вынесения решения окружным судьей. В газете не сообщается, каков окончательный приговор. Репортеров, которые могли бы донести до публики реакцию обвиняемого или его родственников, на месте не оказалось. Как удостоиться внимания – вопрос перспективы.

Заместитель начальника канцелярии Дэвид Данн вбегает в кабинет судьи, «пробивая себе путь через толпу». Через минуту-другую он вылетает обратно. Брачное свидетельство по-прежнему у него в руке. Поднимается «оглушительный вой», толпа кричит:

– Машинку! Машинку! Машинку!..

Наконец Данн обнаруживает свободную печатную машинку, внимательно и поспешно вглядываясь в каждую букву – не от восхищения, скорее, от смиренного страха – печатает свидетельство и дубликат.

Церемония начинается в 13.45.

В 13.48 все заканчивается.

Рекламное объявление в ежедневной газете, в которой даются новые рецепты от Данкана Хайнса, гласит, что сам Хайнс «закончил начатое: достиг необходимого качества, не утруждая себя приготовлением пирога в домашних условиях».

После церемонии молодые позируют фотографам и отвечают на вопросы журналистов. Они игриво целуются, смущаясь, когда один из репортеров просит изобразить еще один поцелуй для своей газеты.

– Эй, может, не надо, – говорит Джо. Он смотрит под ноги, потом на жену, пожимает плечами и добавляет:

– Ну, ладно.

В фотографиях присутствует определенная интимность, на них запечатлен неретушированный момент из жизни двух публичных людей. Такое выставление напоказ частного, личного

выбивает из колеи. Это видно по тому, как неуверенно она улыбается. Как будто надеется на счастье, но не вполне в него верит. И Джо выглядит на удивление неуклюжим, он скорее горд, чем рад, и целует ее так, как целовали бы дочь невозмутимые, практичные родители. Но на одной из фотографий он обнимает Мэрилин обеими руками, тогда как ее левая рука лежит на лацкане его пиджака, и она как будто готова отдернуть ее в любой момент. Ни он, ни она не похожи на людей, держащихся друг за друга; она слегка отклонилась назад и тянется к нему лицом, он же подался вперед, чуть наклонив голову. Здесь не любовь, но вера в нее, стремление к ней. Фотографы «отстрелялись», и Джо отстраняется.

– Идем, – говорит он. – Идем.

– Я познакомилась с ним на «свидании вслепую» в Лос-Анджелесе, но говорить об этом мы начали лишь пару дней назад.

Как сообщает «Examiner», пока она беседует с досужими репортерами, «Ди Маджио нервно пыхтит сигаретой».

То, что произошло в отделе кредитования и финансирования на третьем этаже, было, скорее, случайностью, нежели просчетом. Они пытались покинуть здание, быстро спустившись по лестнице к стоящему у выхода синему «Кадиллаку», который умчит их по Макалистер-стрит в направлении Марины. Но в коридоре за ними увязались поклонники и пресса, и это навязчивое преследование, похоже, застало молодоженов врасплох. Им пришлось прибавить шагу, приняв навязанную игру в догонялки. Сверху это походило, наверно, на движущийся по коридорам косяк рыбы с молодоженами во главе – косяк кружит, обходит углы, устремляется вверх по лестнице, на третий этаж. Ее каблучки стучали по мраморному полу, они открывали и закрывали двери, руководствуясь не столько знанием или даже чутьем, сколько адреналином. Почти загнанные в угол, они останавливались, поворачивали назад, надеясь найти лифт, который доставил бы их прямо вниз.

Оказавшись, в конце концов, в отделе кредитования и финансирования, не зная, как быть (Мэрилин убежала без пальто, забыв его в кабинете судьи), они смотрели в четырехугольное, разделенное проволокой на ромбы окошечко в двери. В стекле отражались их собственные, напоминающие восковые копии отражения, наложенные на разбухающую по ту сторону толпу. Комната казалась глухой, как пузырь тишины, вот только они понимали, что этот пузырь – не навсегда, что может лопнуть, потому что все пузыри когда-нибудь лопаются.

Отступив назад, они уперлись в стойку, по краям которой высились аккуратные стопки бланков, а посередине лежала настольная папка с зажимом для бумаг. На одном из составленных парами пустых столов тренькнул, но умолк после первого же звонка телефон.

Она прижалась спиной к стойке. На пол упала черная пластиковая дощечка с фамилией.

Они ждали, словно заложники, прижавшись ладонями к гладкой деревянной обшивке. Никаких слов – лишь размеренное, через нос, дыхание. Они переглянулись, словно по сигналу кивнули и на счет «три» ринулись к двери! Резко ее распахнули и, выставив руки и закрыв глаза, врезались в толпу, как пара воинов, вступивших в последнюю схватку с превосходящими силами противника, идущих напролом и даже не пытающихся уклоняться от града пуль, верящих в то, что где-то там всегда есть выход…

Еще один совет из «Рекомендаций домохозяйкам», опубликованных в «San Francisco Chronicle»:

* натрите пробку вазелином, и она не провалится в бутылку с жидкой замазкой, лаком или клеем; нанесите немного клея на узел веревки, и она не развяжется там, где была завязана недостаточно надежно.

Сентябрь 1954-го: Лос-Анджелес

Мэрилин Монро всегда хотела, чтобы ее желали, но никогда – чтобы ею обладали. А теперь Джо, представляющий собой всех желающих тебя мужчин в мире, внезапно оказывается в твоем доме, прикасается к тебе, дышит тебе в шею. Говоря по справедливости, вначале ты находила этот сказочный брак опьяняющим, не до конца веря, что эта жизнь – твоя, маленькой сироты при сумасшедшей матери, которой теперь все завидуют только из-за того, что она вышла замуж за суперзвезду бейсбола. Но вскоре он захочет все изменить. Убрать тебя из-под света прожекторов. Начнет укорять за то, что ты всегда поступаешь, как Мэрилин Монро. Границы стерлись. Он говорит, что тебе следует оставаться дома и быть женой, и ты видишь, что он на самом деле ценит эту роль, видишь по тому, как он относится к сестрам и матери – главным образцам для подражания. Но постепенно сказочная история начинает терять смысл, потому что он уже не желает, чтобы ты оставалась в ней главным действующим лицом, и ты видишь, как закипает в нем злоба, когда он посещает съемочную площадку «Зуда седьмого дня» на Лексингтон-авеню и на Пятьдесят второй улице в Нью-Йорке и наблюдает за тем, как ты то и дело демонстрируешь ножки, а в перерывах между дублями флиртуешь с собравшейся толпой и репортерами. Он уходит со съемок прямиком в «St Regis Hotel», и хотя по возвращении не говорит тебе ни слова, ты видишь, как накапливается в нем ярость, как она переполняет его. И в конце концов он взрывается, говорит, что не понимает, зачем ты это делаешь, почему не хочешь оставить эту унизительную карьеру и не осознаешь, какой шанс он дает тебе, предлагая спокойную жизнь домохозяйки.

Теперь он не разговаривает с тобой по несколько дней кряду, иногда даже целую неделю, и ты спрашиваешь: что не так, но он лишь просит тебя оставить его в покое. Ты понимаешь, в чем дело, и знаешь, что он злится каждый раз, когда ты заговариваешь о своем новом фильме или фотосессии для какого-либо журнала. Он надувается и пыхтит, как будто ты совершаешь очередное предательство, и при каждом удобном случае напоминает тебе, как сильно ты в нем нуждаешься и как он о тебе заботится, на что ты отвечаешь, что не нуждаешься в такой заботе, и тогда он умолкает. Когда тебе паршиво, он лишь злится и возмущается. Ты убегаешь в спальню, хлопаешь дверью и падаешь на кровать, ожидая, когда же он уйдет из дома, вспоминая, как тебя отвозили в лос-анджелесский сиротский

приют, а ты плакала, переступив его порог, и пыталась объяснять каждому, кто готов был слушать, что тебя не надо туда отдавать: «Пожалуйста, пожалуйста. Я не сирота, моя мать жива. Я не сирота, просто она в лечебнице и не может обо мне позаботиться».

5 ноября 1954-го: Западный Голливуд, Лос-Анджелес

Мировое соглашение было заключено через четыре года после инцидента, немногим менее чем через год после подачи заявления. Флоренс Коц, сорокалетняя секретарша из Лос-Анджелеса, назвала в качестве ответчиков несколько человек, самыми известными из которых были Фрэнк Синатра и Джо Ди Маджио. Согласно сообщениям газет, в заявлении говорилось, что «ее охватила истерика, когда поздним вечером 5 ноября 1954 года ответчики выбили дверь в ее квартиру и направили ей в глаза свет фонариков». В Верховный суд Лос-Анджелеса Коц обратилась с требованием выплатить ей 200 тысяч долларов за причиненный моральный ущерб, получила же в итоге 7,5 тысячи.

У Вирджинии Бласген, владелицы многоквартирного здания, в котором по адресу Норт-Килки-драйв, 754, проживала Коц, ушло три года на то, чтобы добиться от лос-анджелесского суда менее высокой инстанции решения по выплате ей 100 долларов компенсации за выбитую дверь. Вдобавок она получила 5,75 доллара судебных издержек.

Но в тот вечер, 5 ноября, задолго до каких-либо судебных разбирательств, Вирджиния Бласген, не в первый уже раз за последний час, выглянула из окна своей комнаты. Вначале она увидела только двух мужчин, бродивших у ее дома. Этот жилой дом построил ее отец, теперь им владела она. В итоге он должен был отойти ее сыну, так что ей приходилось держать глаз востро. Она защищала не просто собственность – она защищала будущее.

Правой рукой она отводит в сторону занавеску, но вид ей частично заслоняет растущий у дома большой вяз. Тот из мужчин, что повыше, ходит взад и вперед, определенно возбужденный. Оба они имеют вид решительный и самоуверенный. «Тот, что пониже, – вспомнит она впоследствии, – раз за разом подпрыгивал, смотрел на меня и улыбался».

Дом представляет собой триплекс с небольшой студией на первом этаже и двумя квартирами побольше – на верхнем. Построен в миссионерском стиле, типичном для этого тихого жилого района, с ярко-зеленой лужайкой, которую не так-то и просто содержать в порядке под сенью гигантского вяза. Одну из верхних квартир снимает актриса по имени Шейла Стюарт. Милая девушка, как показалось Вирджинии, когда она просила ее соблюдать чистоту и быть ответственной. Шейла ответила, что у

нее постоянная работа, что она пришла с авансом за первый и последний месяцы и готова въехать немедленно. Вирджиния высказала некоторые сомнения насчет ее профессии, намекая на различные жизненные стандарты, но Шейла заверила ее, что она – девушка серьезная и когда не занята на пробах, посещает занятия и отдыхает. До сих пор Шейла Стюарт ни разу ее не подводила. Но увидев мужчин у своего дома, Вирджиния задумалась: а не увлеклась ли Шейла чем-то другим?..

Ди Маджио заявляет, что ему надоело шататься без дела. Предлагает просто вышибить дверь. Темно, почти полночь, небо ясное, почти невидимое. В падающем сверху свете уличного фонаря он наклоняется к своему «Кадиллаку» с откидным верхом и, придавив плечами брезентовый тент, заговаривает с Барни Рудицки, частным детективом, и Филом Ирвином, бывшим копом, который работает на Рудицки. Оба подъехали всего с четверть часа назад вместе с Генри Саниколой и другом Ди Маджио, Биллом Кареном, которые спокойно ожидают на заднем сиденье. Поежившись, Синатра опускается на переднее пассажирское сиденье, бренча ключами от машины и притопывая ногами.

Ди Маджио настаивает, что она наверняка там, в доме, и они могли бы войти прямо сейчас. Он напряжен, играет мускулами.

– Не знаю, что нам мешает ворваться туда и взгреть этого парня. – Падающие от фонаря тени заостряют черты лица, отчего он выглядит старше. – Да, имейте в виду, взбучку надо задать ему, а не ей!

Рудицки говорит что-то тихим голосом, пытаясь подтянуть Ди Маджио поближе. Успокоить. Немного утихомирить. У него немалый опыт по части слежки за женщинами, так что ему нетрудно предсказать реакцию мужчины, тем более только что публично униженного.

– Лучше подумать, что нам следует делать, – предлагает он. – Что нам нужно.

– Я знаю, что мне делать! И что мне нужно.

Синатра высовывается из окна, локоть лежит на дверце.

– Я скажу, что тебе сделать, Фили, – говорит он Ирвину. – Тебе надо помочь старому детективу успокоить Джо и придумать разумный план.

Ди Маджио в ответ отрезает, что его, мол, план состоит в том, чтобы увидеть страх на лице того парня.

– Я хочу раскроить ему черепушку. Как яйцо.

– Что ж, уверен, вы, трое, справитесь с этим и без меня, – говорит Синатра и передвигается на водительское сиденье. – Поставлю машину в паре кварталов отсюда. Там, где ее не увидят. Нечего облегчать копам работу.

Синатра и Ди Маджио сидели в ресторане «Villa Capri», когда позвонил Рудицки. Ирвин выследил ее. Она направилась в тот дом на Норт-Килки, который они взяли под наблюдение, тот самый, который, как они полагали, служил прикрытием для ее романа. Синатра разговаривал с Рудицки у стойки метрдотеля. Он сразу же понял, что ни к чему хорошему все это не приведет. Они немного выпили за ужином, и, если не предвидели такого развития событий, то, по крайней мере, готовились к нему. Ди Маджио весь вечер только о ней и трепался. Ему, мол, известно, что она крутит шуры-муры с этим клоуном Холом Шефером. Вонючим учителем пения. И наверняка гребаным гомиком! А он вынужден торчать здесь и смотреть на это сквозь пальцы, потому что суд вынес временное постановление; но до того, как развод признают законным, все равно еще далеко, и она все еще его жена и не должна поступать с ним так… И дальше в том же духе – вплоть до телефонного звонка, – занудно, ничем не выдавая эмоций, лишь мрачнея и замыкаясь в себе…

Но – то было за ужином.

После того как Рудицки подтвердил, что во всем уверен, Синатра сказал, что передаст Ди Маджио.

Для справки: временное постановление о разводе было вынесено в пользу Мэрилин Монро лос-анджелесским Верховным судом на основании «психической жестокости мужа».

Появившись из-за угла, Синатра приближается к парням, вытанцовывая свинг. Саникола и Карен тянутся следом. Ирвин стоит в сторонке с сигаретой в руке; едва тлеющим огоньком сигареты указывает на переговаривающихся в сумраке Рудицки и Ди Маджио.

Рудицки, похоже, с большим трудом сохраняет невозмутимость. Он не из тех частных сыщиков, о которых говорят – «с гнильцой». Заработав репутацию в нью-йоркской полиции еще в 1928-м, позже он работал под прикрытием в турецкой бане на Второй улице, когда брали так называемую банду «Ядовитого плюща». После этого участвовал в аресте таких гангстеров, как Легз Даймонд и Голландец Шульц, а также основных головорезов Уэст-сайда, вроде банды «Пир Баттон». На Запад Рудицки перебрался после того, как телевизионные студии решили снимать сериал «Беззаконные годы», основанный на опубликованных им воспоминаниях. Он работал техническим консультантом, затем перешел в кинобизнес, где следил за тем, чтобы полиция и преступники изображались с возможно большей

достоверностью. Работа частного детектива шла в дополнение к основной, «как гарнир», и брался он за нее лишь в тех «правильных» случаях, когда его просили «правильные» люди. Он и сам не знает, почему должен отчитываться перед Ди Маджио. Вообще-то его нанял Синатра. Пусть Ди Маджио и был звездой «Янкиз», Рудицки не нравится вся эта болтовня насчет того, чтобы проломить кому-то черепушку. Профессионалы так себя не ведут.

– Говорю же, – кипятится тем временем Ди Маджио, – мне уже надоело шататься здесь без дела. Давайте просто вынесем дверь!

– Надо бы на чем-то их подловить, – отвечает Рудицки.

Какой смысл об этом беспокоиться?

– К примеру, сделать парочку фото… Что-то такое, что дало бы тебе власть над ней, а не ей над тобой. Хороший снимок сбережет тебе тысячи, Джо. Твой адвокат покажет карточку ее адвокату, и ты на коне. Сберег тысячи. – Рудицки кивком отправляет Ирвина к машине за фотоаппаратом, добавляя, чтобы не забыл взять вспышку.

– Мне это не нравится, – говорит Ди Маджио. – Совсем не нравится… А тебе, Фрэнк?

– Думаю, нам стоит прислушаться к Барни.

Ди Маджио смотрит на Рудицки:

– Он говорит, мне стоит к тебе прислушаться.

– Сделаем снимки и сразу же уйдем. Получишь все, что тебе нужно.

– Но я хочу увидеть их страх.

– Страх?

– Когда вынесу дверь, хочу заглянуть им в глаза.

– Фрэнк, – обращается Рудицки к Синатре. – Он говорит, что все-таки хочет вышибить дверь.

– Ну так пусть вышибает!

Рудицки медлит. Делает глубокий вдох. Говорит практически без выдоха:

– О'кей, вышибем дверь. Но только так, для виду… Только для виду… Потом я делаю фото, и уходим.

– После того как вынесем эту гребаную дверь.

Примерно этот момент и становится отправной точкой для подачи Флоренс Коц иска к ответчикам.

Входная дверь массивная – темное, крепкое дерево. Такую не вышибешь и танком. Рудицки не желает врываться через парадный вход. «Дерьмовый план», – говорит он Ди Маджио. Они окажутся прямо под фонарями и подъездными огнями –

улыбнись, тебя снимают! Он уже заметил, что некоторые из соседей выглядывают из окон.

По его команде группа направляется к боковой стене дома. Ди Маджио неохотно идет с ними. Оттуда они проникают в задний дворик; каждый входящий придерживает калитку для следующего, пока замыкающий Синатра не затворяет ее за собой.

– Чисто, – говорит он и оглядывается – за спиной трещит сверчок.

Ирвин шепчет, что вход выглядит как-то не так. Может, не надо спешить? Проверить. Как-то ему это не по вкусу.

– А как насчет того, чтобы каждому заниматься своим делом? – говорит Рудицки. – Босс здесь пока что я.

Синатра улыбается.

– Чисто, – повторяет он.

Ирвин держит камеру. Саникола и Карен вооружены полицейскими фонариками, вцепились в них так, будто у них руки дрожат. У Ди Маджио бита – этот факт отметили все.

Вирджинии Бласген кажется, что эти двое хорошо одетых мужчин вроде ей знакомы, но явно не местные. Она еще немного отводит занавеску. Мельком замечает, как они проходят под вязом. Зажимает нос пальцами, чтобы не чихнуть, и едва не задыхается, сдерживая чих. И тут до нее доходит. Тот, что пониже – определенно Фрэнк Синатра, высокий – бейсболист, Джо Ди Маджио, муж Мэрилин Монро.

Уж не Шейла ли Стюарт так расстаралась!..

Задержите дыхание, командует Рудицки. Разговаривать шепотом. И смотрите, чтобы в карманах не зазвенела мелочь. Встреча с соседями сверху в наши планы не входит.

Представить Флоренс Коц на раскладной кровати – дело нетрудное. Когда дверца стенного шкафа открыта, а рама опущена, матрас занимает бóльшую часть комнаты. Вообразите себе придвинутый к стене столик, на котором стоит будильник с флуоресцентными стрелками, небольшая гибкая лампа и наполовину наполненный водой стакан. Накрыта она коричневым хлопковым одеялом, плотно подоткнутым под гобеленовое покрывало с розовой каймой, покрывало плотное – на дворе как-никак ноябрь. Спит Флоренс, давно привыкшая к шагам наверху, крепко, но иногда шевелится, когда что-то дребезжит за задней дверью, и тогда переворачивается на другой бок. У ее складной кровати прочная рама и все еще тугие кронштейны – она не проседает и не скрипит. Флоренс едва ощущает даже собственные

движения и совсем не реагирует на обычные ночные звуки: скрип оконных сеток, стук автомобильной дверцы, возню роющихся в мусорных баках котов.

Но от этого треска она просыпается мгновенно. Никакой подсознательной обработки сигнала. Никакой его оценки. Она сидит, выпрямившись в постели, застывшая, словно в венах у нее бежит охлажденная ртуть. В следующую секунду она слышит, как кто-то ходит по ее кухне, наступая на битое стекло. Слышит голоса. Незваные гости приглушили их до шепота, но при этом отнюдь не пытаются скрыть свое присутствие – скорее, они не ожидали, что окажутся в столь тесном помещении. Она парализована. Спасает пока лишь темнота. Она раздумывает, можно ли как-то сложить кровать и спрятаться за ней. Быть может, злоумышленники уйдут так же быстро, как и вошли. Одного-единственного взгляда вполне достаточно, чтобы понять – в этой квартире ничего ценного нет. Но ее первая мысль – и как она смутно сознает, наименее рациональная, – пусть бы они перестали расхаживать по битому стеклу. Собрать его все будет невозможно. И она еще не скоро сможет заставить себя пройтись по полу босиком.

В глаза ей бьет свет двух фонариков. Она уже понимает, что никогда не вспомнит, что именно видела. Только то, что закричала. Защитная стена от этого звука столь громадна, что заставляет злоумышленников пятиться все дальше и дальше, пока они не исчезают в темноте.

В квартире снова тихо. Слышны лишь обычные, знакомые звуки. Скрип шагов наверху. Стук сброшенной котами крышки мусорного бака.

Вслед за треском доносится крик о помощи. Вирджиния Бласген немедленно звонит в полицию, после чего инстинктивно выбегает на улицу. Темно. Сыро. Она даже забывает надеть комнатные тапочки. Если бы подумала, то поняла, как холодно будет ногам на росистой траве.

Крик вроде бы раздался в квартире Шейлы Стюарт. В этом городе все понимают, что роль старлетки в шоу-бизнесе требует хорошего скандала, и Шейла, быть может, влипла во что-то такое, что ей не по силам. Когда все утихнет, Вирджинии, возможно, придется попросить Шейлу съехать. Ее дом – неподходящее место для подобных драм. Не успевает она об этом подумать, как до нее доносится новая серия воплей – из квартиры мисс Коц. Вирджиния устремляется через улицу к дому и тут вдруг слышит мужские голоса.

Она бросается назад. Резво проскакивает по лужайке.

Прячется за боковой стеной в тени. Ноги подкашиваются. Она старается не дышать. Делать поменьше резких движений.

Она слышит, как на другой стороне улицы хлопает калитка. Мужской шепот становится громче и торопливее. Она осторожно продвигается вдоль стены к углу дома, ступая босыми ногами по колючему гравию. Выглянув из-за угла, замечает силуэты. Высокий и пониже. Джо Ди Маджио? Фрэнк Синатра? Различить остальные не представляется возможным. Она закрывает глаза, вновь мысленно прокручивает про себя варианты. Их много, а она совершенно не готова к такого рода ситуации. Она не может оторваться от стены. Не может добраться до мисс Коц. Не может даже просто вернуться в дом. Где же полиция? Ноги дрожат, зубы стучат, хотя на улице не так уж и холодно. Она еще крепче закрывает глаза. Пусть они все уйдут. Так будет лучше всего. Пусть исчезнут.

Когда Вирджиния открывает глаза, их уже нет. Где-то на соседней улице хлопают дверцы автомобиля. Выглянув за угол, она окидывает Норт-Килки внимательным взглядом. Да, все закончилось. Словно их никогда здесь и не было.

Все снова нормально на этой тихой улице Западного Голливуда. Вот только из квартиры мисс Коц опять доносится пронзительный вопль. И все громче и громче завывают сирены…

Позднее Синатра отрицал, что имел к этому происшествию какое-то отношение. Сказал, что присоединился к ним за компанию, но потом вышел из игры, когда понял, что ему с ними не по пути. Он никогда не проходил через ту калитку на Норт-Килки-драйв. Никогда не видел ту женщину на кровати. Есть черта, пересекать которую нельзя.

Показания Вирджинии Бласген и Флоренс Коц противоречат показаниям Синатры. Но, в конце концов, воспоминания женщин принесли им лишь уменьшенные денежные компенсации и новую заднюю дверь, предположительно гораздо более прочную, чем предыдущая.

Хотя в новостных сообщениях об этом упоминали, пусть и вскользь, тот факт, что Мэрилин действительно находилась наверху, в квартире Шейлы, и пила там чай, обсуждался редко. Не так уж и сложно представить, что она искала там прибежище от грозы, разразившейся после ее расставания с Ди Маджио. Расставания, принесшего одновременно свободу и страх. Но в эту короткую паузу, за чашкой горячего мятного чая, смеясь с подругой, она чувствует себя совершенно комфортно, она готова к обновлению без участия Ди Маджио, пытающегося вылепить из

нее нечто совершенно для нее неприемлемое. У нее отличное настроение. Хочется наслаждаться моментом. Она понимает, что страх одиночества придет к ней в ближайшие же дни.

В начале вечера Шейла входит в гостиную с чашечками на блюдечках. Идет осторожно, чтобы ничего не пролить. Один уже аромат мятного чая действует расслабляюще. Шейла протягивает одну чашку Мэрилин, вторую ставит на журнальный столик и опускается на диван.

Мэрилин дует на чай, разгоняя пар.

– Счастливая ты, Шейла.

– Счастливая?

– Ну, может быть, удачливая. Может быть, я именно это хотела сказать.

Шейла смеется:

– Так счастливая или удачливая – я так и не поняла?

Мэрилин молчит, даже не пытаясь объяснить. Она точно знает, что именно имела в виду: Шейла счастливая (или удачливая), потому что она – не Мэрилин Монро. Какое это, должно быть, счастье – быть серьезной, старательной актрисой, жить спокойно в скромной квартирке в Западном Голливуде. Идти по жизни, прислушиваясь лишь к голосу своего рассудка. Потом она понимает, как, наверное, нелепо это звучит – высокомерно и уничижительно. Она слегка краснеет.

– О, не обращай внимания, – бормочет Мэрилин. – Я иногда и сама не знаю, что говорю.

– Понимаю. В том смысле, что я и сама не всегда знаю, что имею в виду.

Мэрилин наклоняется к чашке, и ее вдруг разбирает смех. Чай проливается на блюдце. Она успевает подхватить блюдце как раз вовремя, чтобы не капнуть кипятком на колени.

Шейла смотрит на нее:

– Вот видишь, ты тоже удачливая.

И тут до них доносится треск снизу, где мужчина, когда-то лелеявший ее как невинную бедняжку, а теперь считающий эгоистичной шлюхой, готов доказать ей и всему миру, что не может ошибаться в том, что знает.

27 июля 1962-го: «Cal Nova Lodge», Кристал-Бэй, Невада

Пересечение линии, разделяющей Калифорнию и Неваду, может вызывать самые различные эмоции. Для некоторых гостей «Cal Nova Lodge» – это развлечение. Игра в прыгалки – туда и обратно, серебро – золото, серебро – золото. Другие видят в этом некий символизм и испытывают легкое ощущение аристократического превосходства оттого, что перелетают из Калифорнии туда, где у Синатры – и еще пятерых – свой дом. Синатра называет Тахо «драгоценным камнем Сьерры», и пусть в его устах это звучит несколько банально, каждый раз, когда она посещает это место, вновь и вновь смотрит на озеро из своего постоянного – номер третий – домика, она не находит для него иного определения. Потому что именно на него оно и похоже – на большой темно-синий сапфир в восхитительном обрамлении гор Сьерра-Невада.

12 ч 36 мин

Ближе к концу утреннего перелета из Лос-Анджелеса в Рино Пэт Лоуфорд наклоняется чуть вперед, чтобы поговорить с Мэрилин. Ее мягкая улыбка напоминает скорее улыбку больничной сиделки, нежели то степенное выражение, которого можно было бы ожидать от сестры президента Кеннеди. Они в самолете Фрэнка Синатры, названном им «Эль-Даго» и обставленном как гостиная, с добавлением тахты, на которой сидит Мэрилин, пианино и одной из собственноручно написанных Фрэнком картин с изображением большеглазого мальчика. Картина висит в позолоченной рамке на ближайшей к кабине пилота, облицованной панелями стене. Это непродолжительный, около полутора часов, полет на север, после которого последует часовой переезд до казино Синатры «Cal Nova Lodge» в Кристал-Бэй, построенного точнехонько на границе Калифорнии и Невады.

Пэт шепчет достаточно громко, чтобы перекрыть шум ревущего двигателя, но и стараясь не разбудить сгорбившегося в соседнем кресле супруга Питера Лоуфорда. Спрашивает, все ли у Мэрилин в порядке, и добавляет, что та выглядит несколько бледной.

– Как будто, – уточняет свою мысль Пэт, – стоишь на распутье.

Мэрилин говорит, что немного вздремнула. Пожимает плечами:

– Иногда, знаешь ли, после сна не сразу приходишь в себя. Так бывает: проснулась, а где ты и что – непонятно…

– Я хотела перехватить тебя пораньше, – говорит Пэт. – Прежде, чем это выйдет на публику.

– На публику?

– Послушай меня, Мэрилин, – Пэт еще больше понижает голос. – Я кое-что подслушала перед взлетом. Кое-что, что меня обеспокоило.

То ли из-за рокота самолета, то ли из-за накатившей усталости Мэрилин с трудом улавливает, о чем говорит Пэт. Она пододвигается ближе, наклоняет голову, но тут пилот объявляет, что самолет заходит на посадку.

Тряся головой и растирая глаза тыльной стороной ладоней, просыпается Питер. Заплетающимся языком советует откинуться на спинку кресла. Они так и делают. Пэт перехватывает взгляд Мэрилин, украдкой смотрит на Питера и качает головой.

– Это может подождать до тех пор, пока мы приземлимся и

останемся наедине, – говорит она. – Когда нам никто не помешает.

Мэрилин облегченно вздыхает. К чему ей лишние заботы? Не для того ли она улетела на уик-энд, чтобы отдохнуть от них всех?

Через плечо Пэт она смотрит на городской пейзаж Рино, врезавшегося в поросшие лесом склоны Сьерра-Невады. После всех проблем с проходившими здесь съемками «Неприкаянных» она бы с удовольствием ущипнула Вирджинию-стрит, а то и вовсе смахнула бы весь этот город с лица земли…

Через проход между рядами кресел Мэрилин, чуть повышая голос, обращается к Пэт:

– Знаешь, терпеть не могу посадки. Все так быстро приближается. Словно проваливаешься в кроличью нору.

Самолет резко теряет высоту.

Скрипят шасси, из бака проливается немного горючего. Когда самолет разворачивается и вновь идет вниз, за окном – лишь голубое небо.

– Пэт, – говорит Мэрилин так, чтобы ее услышали. – Пэт?

– Да, Мэрилин?

– Я не забуду.

– Не забудешь?

– Что ты о чем-то хотела со мной поговорить. О том, что тебя обеспокоило. Я этого не забуду. Ты ведь скажешь мне, когда мы доедем, Пэт? Когда расселимся?

– Да-да, когда расселимся.

– Я не забуду. Обещаю тебе, что не забуду.

Говоря это, она все же надеется, что забудет.

Самолет опускается еще ниже, заходя наконец на посадку.

14 ч 00 мин

Он наблюдает с холма – руки в бока, как у отбивающего, ожидающего выхода в круг. Он всегда был бдительным. Терпеливым. Когда она выходит из микроавтобуса вслед за Лоуфордами, подхватывая сумочку и чемодан, то смотрит назад, через 28-ю автостраду, и видит там Джо, на гребне холма, среди сосен, на стороне Невады. Ее наряд гармонирует с чистотой света озера Тахо – зеленая шелковая блузка от Пуччи, с длинными рукавами и вырезом-лодочкой, подобранные ей в пару зеленые широкие брюки и туфли. Уставшие глаза спрятаны за темными линзами очков «кошачий глаз».

Склон холма высохший, бурый, скалы, гравий и кустарники залиты поздним летним солнцем. Неизвестно, как долго он ждет, а самое главное – что намерен делать. Может, он там только для того, чтобы она знала, что он наблюдает. А может, хочет выступить в роли некоего тотемного защитника. Остановившись за машиной, она снова смотрит в сторону холма. С момента развода прошло почти восемь лет. Даже во время их брака с Артуром Джо вел себя так, словно они разошлись только из-за решения суда. Он был уверен, что она вернется. Бросит валять дурака в Голливуде и вновь станет той, настоящей, какой он ее знал. Всегда начеку, он ненавидел каждого, кто вбивал в ее голову безумные мысли. Винил Голливуд, винил систему, винил врачей и так называемых терапевтов. Он разорвал все отношения с миром развлечений, пытался и ее заставить поступить так же, веря в то, что после этого они смогут воссоединиться. Нелепость. Сизифов труд. Потому что, несмотря ни на что, та женщина, которую, как ему казалось, он знал, была создана из ребра Адама в съемочном павильоне Калвер-Сити.

Фрэнк Синатра ожидает на частной подъездной дорожке справа от казино: гордый владелец «Cal Nova Lodge», он там для того, чтобы поприветствовать гостей и извиниться за то, что ему придется убежать так скоро. Он целует в щечку Пэт, треплет по плечу Питера. Вечером, после шоу, говорит он, они все наверстают. Потреплются вдоволь. Он смеется, говоря Пэт, что у него есть несколько советов для ее брата. Фрэнк перепоручает Лоуфордов коридорному и остается наедине с Мэрилин. Говорит, что зайдет в ее коттедж позднее; хочет знать, как она себя чувствует; интересуется ее переговорами со студией. Она как будто цепенеет, когда люди заговаривают с ней про эту тяжбу, словно речь идет о ком-то другом. Фрэнк снова говорит что-то

про переговоры, хочет удостовериться, что ее адвокаты способны дать сдачи. Мэрилин же думает в этот момент о наблюдающем за ней Джо; представляет, как тот качает головой: он недоволен компанией, с которой она водится, но понимает, что она никогда не оставит этот бизнес, пока будет оставаться частью актерской братии.

После того как Фрэнк уходит, она поворачивается спиной к холму и следует за консьержем к своему желтовато-коричневому, с видом на озеро, коттеджу, как обычно, номеру третьему. Консьерж взволнованно объясняет, что мистеру Синатре нужно порепетировать с музыкантами, пройтись по программе вечернего шоу, которое состоится в «Celebrity Room», а она пока часик-другой сможет передохнуть. Но она не слушает. Тяжело слушать, чувствуя, что тебе прожигают взглядом спину.

15 ч 15 мин

Занавески она держит наполовину раздвинутыми, чтобы немного было видно озеро. В темном коттедже стоит затхлый, спертый запах, как в любом давно не проветриваемом помещении. Уже с порога, заходя в домик вслед за консьержем, она посмотрела через плечо на холм. Джо она не увидела. Даже холм не увидела. Но она все еще чувствует, что он наблюдает. Его разочарование и обида потоком низвергаются по склону.

Матрасные пружины очень тугие, почти не прогибаются. Она лежит на спине, под ней красное стеганое одеяло, блузка сбилась вверх. Сердцу на большой высоте трудно, оно колотится, словно пытается пригвоздить ее к матрасу. Она закрывает глаза, вытесняет из себя Мэрилин.

Привстает – в дверь стучат.

– Можете оставить. Что бы оно там ни было. – Похоже, ее не слышат. Во рту пересохло. – Возле двери.

Стук повторяется. Она встает, поправляет блузку и, вытянув руки по швам, плетется к двери.

На пороге Фрэнк – под мышкой бутылка «Дом Периньон», в руке два бокала.

– Обслуживание номеров, – говорит он бесстрастно, но не выдерживает и улыбается. Горлышко бутылки обернуто красной салфеткой. Поза и выражение лица у него те же, что и на сцене.

Она щурится, пытаясь сфокусировать взгляд на нем. Аллея позади него едва просматривается. Все равно, что смотришь через очки, прописанные кому-то другому.

– И дай-ка мне тебя, наконец, рассмотреть, – говорит он, проходя вслед за ней в коттедж. Он оставляет бутылку и бокалы на ротанговом столике у окна и широко разводит в стороны занавески, чтобы на нее пролился свет. Подходит к ней и встает напротив – поджарый, с все еще мальчишескими плечами и бедрами. Мужественности ему придают развязная походка и уверенность. Но эффектная манера держаться исчезает, как только он оказывается перед ней.

– Дай-ка я рассмотрю тебя как следует, – повторяет он.

– Нет, смотри лучше на озеро, – отвечает она, вглядываясь вдаль через его плечо. – Такой вид, что любую хандру излечит.

– Могу сказать: ты приехала куда надо, потому что выглядишь усталой. Паршиво выглядишь – и все из-за этого бизнеса.

Для нее это новость. Сама она не думала, что выглядит паршиво. Если не считать некоторой усталости, она выглядит

свежей и бодрой, несмотря на все намеки студии касательно ее возраста. Мэрилин складывает руки на груди, покачивает бедрами и откидывает голову. Неужели разразится какой-то тирадой? Но вместо этого следует обычный монолог о новом фильме и переговорах с компанией «Twentieth Century-Fox», о том, как они заполучили ее почти за гроши в эту убогую картину, а потом еще подняли шум из-за всего, что она делала, хотя каждому известно – она не более чем товар.

– Я заявляю этим мерзавцам из Fox, что они могут катиться на все четыре стороны, и, знаешь, что они делают, Фрэнк? Берут меня обратно и дают еще две ленты. Я – их вечная заложница. Мне бы следовало порвать с ними, Фрэнк. Подвести черту.

– Ну, раз уж ты здесь, нет никакой нужды расклеиваться из-за таких пустяков. В моем доме им места нет.

Неужели она и впрямь выглядит так, словно вот-вот расклеится? Она уже хочет спросить, но разве не так вели себя ее мать и бабушка, когда сталкивались с подобными проблемами? Как будто вокруг одни сумасшедшие.

– Не беспокойся, – заверяет она, хотя и испытывает неловкость оттого, что так легко, почти без понуканий, вернулась в мир Мэрилин. С хитроватым прищуром смотрит на бутылку шампанского. – Давай выпьем за мое здоровье. За уик-энд, который все поправит.

Фрэнк откручивает пробку. Почти без хлопка. Наполняет бокалы и говорит:

– Вот за это я выпить готов.

Он вытирает рот внешней стороной рукава.

– Налей мне еще.

Сидя на краю кровати, он, не вставая, наклоняется к столу и берет бутылку. Она устроилась посередине, на красном стеганом одеяле; сидит прямо, скрестив ноги по-турецки. В вытянутой руке держит пустой бокал.

Его люди сказали, говорит он, что Ди Маджио остановился в «Biltmore», через улицу, но ей волноваться не стоит, потому что в «Cal Nova» Джо не пустят. Она отвечает, что Джо ее совсем не волнует, она о нем даже не думает, но Фрэнк перебивает и говорит, что их с Джо дружбе пришел конец, как только тот начал прилюдно обвинять Фрэнка и других в ее проблемах.

– Дело здесь не в тебе, – добавляет он, – хотя оно всегда в тебе.

Она не говорит, что видела Джо на холме.

Фрэнк вновь наполняет бокалы и по неосторожности ставит «Дом Периньон» на краешек лампы, из-за чего бутылка

наклоняется, и красная салфетка слетает, приземляясь на ножку ротангового стула, и застревает в переплетении прутьев. Он откидывается назад, чтобы подхватить бутылку, но немного шампанского все же проливается на стол.

Она говорит, что ей нужно кое о чем его спросить. Спрашивай, о чем угодно, отвечает он с улыбкой, но она добавляет, нет, я серьезно. Это очень серьезно.

– Ну, так давай. Спроси меня о чем-то серьезном.

Она прочищает горло, подыскивая подходящие слова, а потом говорит, что в этот уик-энд ей нужно отдохнуть от мира шоу-бизнеса на полную катушку.

– Как думаешь, это возможно? В самом деле, возможно?

– Я потому тебя и пригласил.

– Знаю, Фрэнк. Знаю. Вот только… – она запинается. – А, забудь. Забудь, что я вообще об этом говорила.

Он просто кивает, зная, что нарушать молчание нужно лишь тогда, когда полагаешь, что этим делаешь лучше.

Прежде чем уйти, Синатра заставляет ее пообещать, что она будет на вечернем шоу. Не хочет, чтобы ее проблемы мешали хорошему времяпрепровождению. «Просто сиди где-нибудь сзади и получай удовольствие, – говорит он. – Для того она и здесь – отдохнуть и расслабиться». Он повторяет, что волноваться ей совершенно не о чем. Весь этот комплекс он построил исключительно для друзей. На этой земле паясничать никому не позволено. Это он ей обещает. Для того чтобы пройти в «Celebrity Room», напоминает он, ей надо просто воспользоваться тоннелем, спуститься в который она сможет прямо из гардеробной его коттеджа. Никто по пути ее не потревожит. «Просто иди по прямой до зала. Никуда не сворачивай».

– И помни: ты дала мне слово, что придешь.

Она подбирает со стула красную салфетку и машет ею, словно флагом, сигнализирующим о капитуляции.

– Я же пообещала, так? Поверь, это я не пропущу ни за что на свете.

Синатра встает, прохаживается взад и вперед по небольшому коттеджу. Останавливается у окна, смотрит на озеро – оно в лучах заходящего солнца. Трясет головой, смахивает что-то с мочки правого уха.

– Знаешь, – говорит он, прежде чем повернуться, – я на самом деле верю, что перемена обстановки пойдет тебе на пользу.

1956-й

Актер Эли Уоллах часто рассказывает историю о том, как однажды шел с Мэрилин по улице в Нью-Йорке и вдруг заметил, что ее никто не узнает. Это было так странно. Даже для Нью-Йорка. Но когда он напоминает об этом ей, она отвечает, что ничего странного нет; ее замечают лишь тогда, когда она сама этого хочет, и, в доказательство своих слов, останавливается и говорит, вот, мол, посмотри. Делает глубокий вдох, вертит влево-вправо шеей, расслабляет руки, распушает волосы и идет дальше. Тон ее кожи становится мягче. Бедра танцуют. От светлых волос исходит нереальное сияние. Полуоткрытые губы наливаются кровью. И, словно заново прорисованная художником-мультипликатором, вся ее фигура меняется, приобретает преувеличенно соблазнительные формы и как будто испускает божественное сияние. Не проходит и нескольких секунд, как ее окружает толпа. Люди показывают на нее пальцем с другой стороны улицы. Многие торопливо вытаскивают фотоаппараты и щелкают затворами. Такси замедляют ход, пассажиры прилипают к стеклу.

Позднее она скажет, что иногда желание стать Мэрилин накатывает само собой. Но обычно это длится считаные мгновения.

Весна 1956-го: Актерская студия, Нью-Йорк

В кафе на Девятой авеню, прямо за углом от Актерской студии, что на Западной сорок четвертой улице, она сидит в уголке, изменив внешность при помощи черного парика и очков в роговой оправе, – любой ассистент режиссера, ответственный за подбор актеров, счел бы ее бледной копией Мэрилин. На коленях у нее лежит «Анна Каренина». На столе – позабытая чашечка эспрессо. Тихое, спокойное место. Такое, которое располагает к размышлению. Место, говорит она себе, где Мэрилин Монро никогда бы и не мечтала оказаться. Она – в конце третьей части романа, на том месте, где Алексей Каренин отказывает Анне в разводе, настаивая на том, чтобы она порвала с графом Вронским и вернулась к нормальной жизни. Она планирует сделать перерыв, как только дочитает главу, но знает, что вновь подхватит книгу, как делает это всегда, вернется к началу и перечитает первое предложение: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Если бы Толстой позволил себе написать всего одно это предложение, для нее и этого бы было достаточно. Она делает паузу, дочитав до точки с запятой. Именно здесь она и хочет быть, потому что живет обеими версиями – счастливой и несчастливой. За последние месяцы она перечитывала это предложение снова и снова, пытаясь зарыться в него, как зарывается в окоп солдат. Зарыться, чтобы выжить.

После последнего посещения уэстсайдской больницы, где она пыталась успокоить нервы, Мэрилин решила внести в свою жизнь изменения и, в частности, не позволять людям относиться к ней так, как они относятся к ней сейчас. Ей надоело находиться среди людей, которые ведут себя так, будто она дурочка. Она сказала об этом медсестре, на что та ответила: «Милая, не изводите себя из-за ерунды. Все умники в мире не смогли бы выдумать вас».

Она проскальзывает в класс Ли Страсберга в Актерской студии за мгновение до начала занятия. Пространство бывшей церкви заполнено рядами складных стульев. Они стоят лицом к сцене, окруженной пустым балконом. Устроившись в заднем ряду, она опускает глаза, избегая зрительного контакта, зная, что на нее будут смотреть. Она не хочет нарушать заведенный порядок. Голова ее обмотана шарфом, мешковатый черный кардиган спускается гораздо ниже талии. Она скрещивает, почти переплетает руки, старательно прикрывает грудь. Старается вся

убраться в себя. Она быстро осматривается, пробегает взглядом по лицам. На занятия пришли человек тридцать. Утонченные. Сосредоточенные. Бесстрастные. Даже у самых молодых на лице тень усталости. В чертах отложились бравада и желание, то, что она называет «характером». Похоже, они все чувствуют себя здесь вполне комфортно. Как будто знают – они на своем месте. Конечно, многие из них уже выступали на сцене. Она же никогда не видела ни одной постановки. Поэтому завидует им. Ей хочется того же, что уже есть у них. Но вот ведь ирония, думает она: при всех своих артистических амбициях и претензиях едва ли не каждый предпочел бы быть ею.

Она шевелит пальцами ног, чтобы не дать им занеметь.

Мистер Страсберг поднимается на сцену, придвигает к себе режиссерское кресло и садится. Откидывается назад, расслабленный и непринужденный; локти остаются на деревянных подлокотниках. В черном костюме он почти незаметен в полусумраке сцены. Один носок сполз, оголив голень под поднявшейся брючиной. Однако же от него исходит уверенность, какая-то открытость. Сегодня, начинает он, ему бы хотелось напомнить всем, что театр – искусство творческое и факт использования текста отнюдь не делает его искусством интерпретационным. Он вглядывается в группу через очки в толстой оправе. Ваше искусство, продолжает он, требует свежего, оригинального, спонтанного подхода к тому, чем вы занимаетесь, а не подражания кому-либо другому. Он резко выбрасывает руки вперед, убирает, складывает на груди. Как актерам креативным всем вам придется подумать над тем, как осознанно стимулировать творческий процесс, который обычно протекает бессознательно. Мы хотим, чтобы вы, актеры, стимулировали все ваше естество, а не только внешние средства выражения – голос, жесты, речь. Вы должны стимулировать его посредством ваших собственных мыслей, ощущений, чувственности, переживаний и эмоций – вы должны полностью перенести в вашу жизнь то, что должны создать на сцене. Или скажем иначе: когда что-то происходит с персонажем, то же должно происходить и с актером.

Она передвигается на край стула, разнимает руки и постукивает костяшками пальцев по коленям. Ее можно сравнить с выстроенной на съемочной площадке прекрасной декорацией; фасад элегантен и доведен до совершенства, но загляни за него – и увидишь фанерные плиты и брусчатые скобы. Важно помнить, что она – не фасад, как бы ни пытались сделать ее таковым и как бы она сама не поддавалась этим попыткам.

Страсберг уже подходит к завершению своей лекции. На следующем занятии они разыграют несколько сценок. Он

указывает на пару студентов – те поджимают губы и утвердительно кивают. Она не может представить, как будет стоять на сцене перед всеми этими людьми. Ей еще так многому нужно научиться. Но сейчас неготовность ее не пугает. Впервые за долгое время спешить некуда.

Ей нравится запах Нью-Йорка. Запах улицы, густой и вульгарный, зажатый высоченными зданиями, поднимающийся из подземки. Запах идей и обязательств. Разочарования и пота. И она находит его вдохновляющим. Он напоминает, что нужно работать усерднее. Помнить, что идеям нужны корни. Помнить, что они – не одуванчики, разлетающиеся от одного лишь обращенного к ним дыхания.

Забавно, когда в каком-то месте чувствуешь себя, словно дома. И хотя всю свою жизнь она была девчонкой из Южной Калифорнии и ничуть об этом не жалела, Нью-Йорк кажется ей местом, где ей хотелось бы родиться. Она раздумывает над тем, чтобы купить дом в Бруклине. Надеется, что уже никогда не вернется в Калифорнию. И то, что на протяжении нескольких лет выглядело флиртом с Артуром Миллером, стало вдруг серьезным. Они теперь видятся регулярно. Стараются не привлекать к себе внимания. Вместе читают. Разговаривают. Катаются на велосипедах в Центральном парке. По Оушен-паркуэй в Бруклине. И ей нравится, что он признает – да, у нее душа ньюйоркца. Что он хочет развивать ее. Облагораживать. Ей кажется, он мог бы стать первым *настоящим* мужчиной в жизни Мэрилин Монро.

Это идея Ли Страсберга. Всецело. Он сидит с ней и еще несколькими студентами в ресторане «Childs Restaurant». Этакий кружок посреди зала. Он наклоняется к Мэрилин, говорит, что эта роль для нее. Серьезно. Она отвечает, что ничего не слышит из-за всей этой болтовни и духоты зала, не говоря уже обо всем этом шуме, эхом отскакивающим от белых кафельных плиток. Он вновь повторяет: это роль для нее.

– Скажите мне, мистер Страсберг. – Она придвигается к нему. – Скажите, какая роль для меня.

Он наклоняется еще ближе, его губы почти касаются ее уха:

– Леди Макбет. Леди Макбет.

– Леди Макбет?

– Леди Макбет.

Она барабанит пальцами по столу. Отстраняется и смотрит на него. Улыбается и качает головой:

– Перестаньте. Я и на сцене-то не играла.

– Подготовишься.

Ему уже трудно сохранить все в секрете, потому что остальные за столом начинают интересоваться, что происходит. Страсберг не выдерживает. Глядя прямо на уплетающего бутерброд Бена Газзару, он говорит, что тот будет играть Макбета. Он даже не замечает, что Газзара, который сидит с набитым ртом, едва не поперхнулся.

Но Мэрилин замечает. Она понимает, как нелепо это звучит и какое впечатление производит за столом. Когда она только пришла, в классе сразу же зашептались, что Ли Страсберг обязательно найдет применение ее репутации. Они не стеснялись говорить об этом, даже когда Мэрилин проходила мимо. В «Childs Restaurant», зажатая между коллегами, она пытается выдавить улыбку, такую, которая даст понять, как смехотворна эта идея, качает головой, закатывает глаза. Выходит не очень убедительно. Хотя она и знает, что никогда не будет готова к подобной роли и что сама мысль об этом крайне абсурдна, ей хочется верить, что в ближайшем будущем она сумеет сыграть леди Макбет. Хочется верить, что, быть может, это жизнь, для которой она предназначена.

Когда они разговаривают с глазу на глаз, Страсберг продолжает развивать мысль о том, что все необходимое уже есть внутри ее, все эмоции, которые сделают роль реальной. Она прожила все это. Прочувствовала. Мучительные годы детства не должны пройти даром. Ему просто нужно подвести ее к той точке, когда она сможет пробудить в себе воспоминания и вновь пережить их на сцене. Он говорит, что точно знает – в ней это есть. У нее есть дар. Даже талант. То, чему нельзя научить, что можно лишь направить. И если она с этим справится, ей будет по силам любая роль. Любая.

– Даже леди Макбет?

– Любая, – отвечает он.

Чтобы ускорить процесс обучения, Страсберг уговаривает Мэрилин записаться на прием к психотерапевту, которая поможет ей вычерпать все из прошлого. Объясняет, что Марианна Крис, чей офис находится в этом же здании, настоящая фрейдистка, очень близкая подруга Анны Фрейд. Отец доктора Крис был не только сотрудником Зигмунда Фрейда, но и педиатром в семье Фрейдов. Короче говоря, доктор Крис действительно понимает, что такое подавленные эмоции и какое отношение они имеют к искусству.

Вместе, действуя как семья, говорит он, они смогут искоренить то, что насадил Голливуд.

Весна 1956-го: Нью-Йорк, Центральный парк

Ты сидишь на кушетке. Иногда чаще, чем два раза в неделю. Иногда каждый день. В комнате с темными панелями. Ты тоже чувствуешь темноту, определяемую как пенумбра[2]. Терапевт спрашивает, как ты себя чувствуешь. Сверяет свои записи, поднося их к свету. Как сегодня твое ощущение одиночества? Пауза. Ты слышишь, как тикают часы. Как будто бьют по тебе. Ты с трудом сдерживаешь улыбку. За окном урчит автобус. Как-то раз ты отвечаешь ей с определенной степенью доверия и позитивности («Вообще-то сегодня я в порядке»), и она говорит что-то о масках и увертках, и что иногда, когда мы не чувствуем себя одинокими, мы как раз и находимся на пике своего одиночества.

Она называет тебя Мэрилин («Ну, Мэрилин…», «итак, Мэрилин…», «и… Мэрилин»). Сегодня она говорит, что важно поднять очередной пласт прошлого.

– С чего начнем? – спрашиваешь ты, и она отвечает:

– Э, Мэрилин, а с чего бы вы сами хотели начать?

Ты хочешь сказать: «Парочку таблеток бы не помешало», но это может быть неверно истолковано и вызовет не улыбку, а еще одну запись в блокноте, которая станет предметом следующего разговора. И она смотрит на тебя, держа кончик ручки у губ, за которыми открываются белоснежные зубы, ее скрещенные ноги в чулках неподвижны, словно приклеены к полу. И прежде, чем она успевает сказать «Ну, Мэрилин…», ты наклоняешься вперед, упираясь руками в подушки, и говоришь:

– А знаете, это не так-то и просто?

Она еще сильнее прижимает ручку к нижней губе, а затем произносит:

– Не знаю. Возможно, вы мне объясните.

Вот здесь-то вы и сходитесь – на своего рода обширной ничейной полосе между определяемыми границами. И ты живешь там, словно гость, прочитавший много книжек, турист, знающий больше фактов и историй, чем местные жители, но не притязающий на истинное знание. И ты хочешь применить эту метафору, но метафоры – не твой конек (за девять классов в школе ты могла о них слышать, но не научилась ими пользоваться), и тогда ты вынуждена сказать, что если бы доктор попыталась расспросить тебя о Норме Джин, ты, несомненно,

поговорила бы с ней о Норме Джин. Разве ты не ее биограф? Ты можешь одним духом назвать несколько домов, куда ее отдавали на воспитание, где она жила с родственниками. Ты можешь рассказать, как весь мир не замечал ее, отчего желание быть замеченной только крепло. Ты можешь привести подробности. Сыграть. Изобразить все более правдоподобно, чем оно было. Но теперь это ни к чему. Норма Джин умерла много лет назад. Ты могла бы даже сказать об этом, если бы не знала, что она тотчас же спросит: «И как вы теперь это воспринимаете?» – на что тебе придется ответить: «Вам следует спросить Норму Джин». А такой ответ, похоже, привел бы тебя в никуда.

Однажды ты упомянула, что Норма Джин умерла в особенный, вполне определенный день. Это случилось, когда ты впервые позировала перед камерой, в твой обеденный перерыв на заводе «Radioplan». И ты рассказала о том, как чувствовала себя, когда все твое тело раскрылось перед камерой, но ты не ощутила никакой ломки – скорее, из тебя что-то истекло. И ты все-таки вставила метафору, сказав: я будто впервые увидела цвет, каким-то странным образом рассмотрела себя в трехмерном измерении, да так, что и другие начали меня видеть, особенно работавшие на заводе мужчины, которые внезапно, с округлившимися глазами, стали предлагать проводить меня до машины, пялиться на твою грудь под слишком тесным свитером, умасливать меня на каждом шагу. В тот день, позируя перед камерой, ты тоже увидела ее. И, как и заводские мужчины, тоже захотела проводить до ее машины. Поворковать с ней и прикоснуться к ее телу. Именно в тот день, обмолвилась ты, Норма Джин перестала существовать.

– Вот мы и подошли к тому месту, которое нам нужно, – сказала доктор.

Ты посмотрела на нее с такой самоуверенностью, словно роли поменялись, и сказала:

– Нет. Вовсе нет.

«Улисс»
«Листья травы»
«Госпожа Бовари»
«Записки из подземелья»
«Потерянный рай»
«Пророк»
«Смерть в Венеции»
«По направлению к Свану»
«Анна Каренина»…

Здесь она тебя останавливает. Но твои мысли уже набрали

скорость, ты пытаешься обрисовать книжную полку, ночную тумбочку и расписание занятий. Она наклоняется вперед, по-прежнему скрестив ноги. Выдыхает через нос, неожиданно громко:

– Вопрос такой, – начинает она. Руки ее сжаты, правая потирает левую. – Вам не кажется, что чтение всех этих книг, вечерние занятия в Университете Калифорнии есть отчасти тот способ, посредством которого Норма Джин хочет доказать или продемонстрировать, что может вырваться из той среды, в которой выросла, возвыситься над ней?

В самом вопросе кроется допуск, что некая Норма Джин, желающая что-то доказать, существует. Что Норма Джин могла бы подняться над обстоятельствами, тогда как на самом деле она этого не может, потому что ее и нет.

Соблазн бросить вызов велик, но подобный разговор – полное безумие, он невозможен даже в кабинете врача, поэтому ты просто качаешь головой:

– Нет. Мне просто на самом деле нравится читать.

Похоже, ты ее заинтересовала. Похоже, ты ей даже нравишься. Быть может, поэтому ты приходишь к ней снова и снова? А ведь вначале, как предполагалось, речь пойдет о твоей актерской игре и подготовке. О том, как пробудить чувства, которые сидят внутри тебя. Пройти через пережитое. Вспомнить, как все было. Но с самого начала имело место небольшое противоречие: какой смысл «лечить» прошлое, если именно боль тебе и нужна?! Весь процесс, скорее, сводился к локализации боли и доступе к ней. Но по мере того как вы продолжаете, и она идентифицирует эту центральную тему одиночества, она меняет план, поскольку искренне считает, что может помочь тебе. Она хочет добиться, чтобы это все ушло, чтобы ты не обращалась к этому. Тогда оно не будет иметь над тобой власти. Потеряет свое влияние. И хотя это звучит заманчиво, ты все же пришла к ней за другим. Вроде бы речь должна была идти о твоей актерской карьере. К тому же, что гораздо важнее, если ей удастся открыть тебя, вычерпать всю грязь, тогда ты точно будешь знать, где закончишь – в государственной больнице Норуолка, заняв место в ряду женщин, прибывших туда раньше тебя. Однозначно. Вот почему ты должна держать все под контролем. Покончить с тем, с чем нужно покончить. И удостовериться, что прошлого вовсе и нет. Лишь кое-какие биографические детали и некоторые остаточные эмоции, которые нужно воспроизвести перед камерой. И все же тебе нравится сознавать, что есть кто-то, кто заботится о тебе. Кто-то, кто, похоже, действительно хочет тебе помочь, а не

просто что-то получить от тебя. Поэтому-то ты и ходишь на эти приемы. Всегда появляешься в назначенное время. Рассказываешь ровно столько, чтобы это выглядело реальным. И, в известном смысле, ожидаешь этих приемов с радостью. Ведь так приятно знать, что есть кто-то, кто хочет слушать, что ты скажешь, кому это интересно. Именно из-за этого доверия ты пытаешься быть внимательной настолько, что даже если что-то, о чем ты рассказываешь, и не происходило на самом деле, оно все равно звучит правдиво.

– Секс, – говорит она. – Следует ли нам поговорить о сексе?

– А это необходимо?

– Это доставляет вам дискомфорт?

– Секс?!

– Нет, – говорит она с улыбкой (на мгновение отказавшись от профессионально-каменного выражения лица). – Я имею в виду: разговор об этом.

Но что тут сказать? Ты всегда ощущала себя сексуальной. Даже будучи маленькой девочкой. Сколько ты себя помнишь, сексуальность всегда была сутью твоей жизни, такой же частью тебя, как и любая другая физическая функция. Но, возможно, ты сделала ошибку, когда смешала ее с сексом, и это, похоже, всегда вызывает разочарование, поскольку ты понимаешь, что трах (ничего, что я использовала такое слово?) на самом деле почти не имеет отношения к той сексуальности, которую ты ощущаешь в себе. А может, дело в том, что это чувство очень личное, и тогда как годами все эти парни и мужчины, которые видели твою сексуальность, пытались заполучить ее, потрогать, обладать ею, странным образом случалось так, что секс у тебя был в те самые моменты, когда сексуальность полностью отключалась. Может, прозвучит грубо, но ты, должно быть, понимаешь, как проститутка может заниматься этим изо дня в день, ничего не чувствуя…

– Вы бы описали это как страх близости? – спрашивает она.

– Нет, – отвечаешь ты. – Быть может, как страх не иметь близости.

– Я хотела бы вернуться к мысли насчет «проститутки».

– Пожалуйста.

– Скажите, вступая в сексуальные отношения, вы не чувствуете себя немного проституткой?

– Вовсе нет.

– Вы не могли бы развить свой ответ? Чтобы я поняла.

Ты откидываешься на спинку кушетки. Комната сжимается. Тебе стоит огромного труда сдержаться. Разве ты не намекнула,

что не хочешь об этом говорить, когда она только подняла тему? Не подход ли это к разговору о подавлении? О твоем кузене Бадди, изнасиловавшем тебя, когда ты жила в его доме? О старике Мэне Годдарде, лапавшем тебя при каждом удобном случае? О мальчиках в школе? Неторопливый марш к диагнозу, что ты замкнулась сексуально, чтобы защитить себя от мучительных воспоминаний? Но опять же (этого ты сказать не можешь) – это не вопрос для обсуждения. То, что было, было с Нормой Джин. И ты не возражаешь против того, чтобы ненадолго выставить эмоции напоказ, если они помогут с будущей ролью. Но доктор смотрит на тебя так, словно ждет чего-то, и ты рассказываешь ей историю, которую услышала когда-то от одного фотографа. То был «левый» заказ, арт-проект, он снимал проституток у границы с Тихуаной. И в комнате мотеля спросил у одной женщины, можно ли сфотографировать ее на простыне, потому что раньше она фотографировалась только на покрывале. Она посмотрела на него. Напряглась. Покачала головой. Даже помахала пальцем. Нет, сказала проститутка. На покрывале – это для клиентов, на простыне – для себя.

Мэрилин. Она продолжает произносить это имя. (Мэрилин. Мэрилин. Мэрилин. Мэрилин. Мэрилин.)

– Мэрилин, мы не должны забывать, для чего вы здесь. Мы хотим погасить чувство одиночества. Найти способы контролировать и смягчать моменты отчаяния, которые неожиданно случаются у вас время от времени. А для этого нам нужно сосредоточиться на триггерах, Мэрилин. Что это за триггеры – оставление тебя в детском возрасте или сексуальное насилие, – что лежат, словно мины замедленного действия, готовые в любой миг взорваться внутри вас? И как вы можете научиться не бояться их? Речь идет о развитии механизмов принятия их.

– Последнее ведь не вопрос, не так ли?

– Я говорю просто, что мы должны проникнуть внутрь. Продолжить погружение в Мэрилин, чтобы выкорчевать эти элементы прошлого.

Тебе хватает такта сдержать улыбку. Ты не хочешь ее обидеть, потому что опять же она тебе по-своему даже нравится и тебе нравится, что ей нравишься ты. Но улыбка просится всякий раз, когда она говорит про Мэрилин и ее прошлое. Быть может, потому что прошлому Мэрилин всего несколько лет? Быть может, потому что существует целый штат служащих, призванных создать прошлое Мэрилин? Или потому, что это прошлое на регулярной основе создается вот уже сколько недель в этом самом кабинете? И потому, что, как и Норма Джин, в какой-то

момент не очень далекого будущего Мэрилин, как тебе кажется, перестанет существовать, и вместе с ней уйдет все ее прошлое?

Приехав в Нью-Йорк, ты на первых порах пользовалась псевдонимом Зельда Зонк – чтобы не привлекать внимание при предварительном бронировании. Тебе не трудно представить себя сидящей через пару-тройку лет в этом кабинете, копающейся в грязи, пытающейся вырвать корни прошлого Зельды, слушающей, как Зельде Зонк напоминают, что если мы не чувствуем себя одинокими, то, скорее всего, пребываем на пике одиночества.

Весна 1956-го: Актерская студия, Нью-Йорк

До ее первой сцены в Актерской студии остается менее часа. Она ждет возле подмостков, стараясь не поддаться дурным предчувствиям. Сцена – эпизод из пьесы Юджина О'Нила «Анна Кристи», в нем заняты двое: у нее роль Анны Кристи, у Морин Степлтон – Марти Оуэн. Как обычно, мистер Страсберг не забывает подчеркнуть, что сцена, как и все в этой театральной лаборатории, – это проработка и эксперимент, и ее не следует воспринимать как «просмотр» или «прослушивание»; лаборатория – это «защищенная среда».

Она уже чувствует на себе десятки критических взоров. И хотя она знает, что многим из присутствующих действительно любопытно увидеть, чему она научилась, большинство, похоже, хотят получить подтверждение тому, что она не научилась ничему.

К ней подходит Морин. Она тоже нервничает. Она ниже Мэрилин, но иногда на ее фоне маленькой выглядит именно Мэрилин. Морин очень хорошо развита физически – этакая крепышка, – что уравновешивается контрастной уязвимостью, прочно укоренившейся на ее лице херувима.

– Почти готова, – говорит Морин, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Почти готова.

Сколько раз они ни репетировали эту сцену в последние недели, Мэрилин постоянно допускала ошибки. И дело отнюдь не в неспособности понять героиню или контекст. Она учила пьесу каждую ночь. Обсуждала ее с одногруппницей Джанни Кармен за чашкой кофе в кафе на углу. Говорила о ней с Артуром в квартире на Саттон-плейс, где они разбирали пьесу по частям – как структурно, так и тематически, и даже проходились по другим сценкам, в которых Артуру доставалась роль старика Криса. И только на репетициях студии слова вылетали у нее из головы. Морин предложила кое-какие старые актерские трюки – переписать весь текст от руки или просто оставить его на столе, стоящем на подмостках. Мэрилин не знала, что из этого может сработать. В тишине, когда рядом никого не было и она не пыталась ничего представить, все получалось само собой. Слова сами приходили в голову, выразительные и поэтичные, словно она слушала, как их читает кто-то другой. Но как только начинала думать, видеть себя на сцене, слышать, как скептики перешептываются, мол, театр – это вам не кино, все реплики моментально вылетали из головы.

Они с Морин сделали все, чтобы не превратить сцену в спектакль – меняли даты, писали на доске другие имена, – но как только зал начал наполняться людьми, никогда не посещавшими лабораторные занятия, стало ясно: это будет тот самый цирк, которого они так надеялись избежать.

– Иногда, – произносит Морин, – нервишки начинают сдавать ровно в тот момент, когда подходит твоя очередь.

Она не разговаривает – просто говорит. Почти болтает:

– Они в твоем теле. Глубоко внутри. Там, где трясутся кости. Но вся твоя нервозность выскакивает наружу, как только поднимается занавес. Как пузырь – хлоп и нет.

Мэрилин не отвечает, только кивает. Обычно она принимает парочку своих таблеток – и волнение как рукой снимает. Но сейчас она удержалась; опыт подсказывает, что необходимая для данного случая доза лишь дезориентирует ее. Мэрилин поправляет пояс на желто-коричневом плаще, который надела для этой сценки, затягивает потуже и пытается восстановить дыхание. Напряжение партнерши передается и ей. Запустив руку в карман, она бормочет «не забыла» и незаметно вытаскивает маленькую, 0,2 литра, бутылку «Джек Дэниелс».

– В таких случаях, как мой, черный кофе не помогает.

Почти все места уже заняты. Шум в зале нарастает, эхом отдаваясь в высоких сводах бывшей церкви.

Две женщины стоят рядышком, потягивая кофе и виски. Будь у них такая возможность, они растянули бы ожидание в вечность.

Голос Страсберга перекрывает гомон. Зал умолкает.

– О’кей, – говорит Морин, – сейчас наш выход.

– Что ж, тогда – по местам?

– Да, пора.

– Морин, – говорит Мэрилин.

– Да?

– Я их знаю.

– Знаешь – что?

– Мои реплики.

Сцена заканчивается, и приходит непередаваемое облегчение. Страсберг уже кричит, что это было потрясающе. Вскидывает руки. Вскакивает на ноги. Хлопает в ладоши. Но она этого не чувствует. Знает, что не думала о сцене как о «проработке» или «прослушивании» (только как о «защищенной среде»), но понимает, что до леди Макбет ей еще – как до неба.

Поднявшись на сцену, Мэрилин поняла, что едва может ходить. На ногах словно гири повисли, даже дойти до Морин стало проблемой. Она попыталась как-то компенсировать это.

Добавила утонченности движениям. Постаралась контролировать голос. В какой-то момент даже засомневалась, что доиграет до конца. Но, по крайней мере, не пропустила ни единого слова.

Они с Морин отходят в темный уголок, подальше от мистера Страсберга. Подальше ото всех. На сцене они были двумя девушками, оказавшимися в одном месте, поочередно болтавшими между паузами. Теперь же они словно незнакомки, пережившие общую катастрофу и навсегда соединенные перенесенным испытанием. Они пытаются поздравлять друг дружку, смеются, соглашаясь с тем, что коллизия нервов приводит единственно к взрыву. Мэрилин говорит, что «Джек Дэниелс» просится назад, что, наверно, это было какое-то некачественное пойло. Они берутся за руки и тут же руки отпускают. Поворачиваются к выходу и синхронно вытирают ладони о бедра.

Когда она вернется в Голливуд, там только и будут говорить, что о ее учебе в Нью-Йорке и так называемом Методе. Ей попытаются навязать прежний голливудский образ и будут в ярости, когда поймут, что она уже не та сговорчивая простушка, какой была раньше. Некоторые обвинят ее в претенциозности. Но она станет такой целеустремленной и сосредоточенной, какой никогда не была раньше.

Весна 1956-го: Лос-Анджелес

Артур боится, что знакомство с ним может повлиять на карьеру Мэрилин. Комитет Джо Маккарти дышит ему в спину, обещая вызвать в суд повесткой, и тогда ему придется сдать друзей (ради спасения репутации и писательской деятельности) и позволит самому остаться на свободе.

Он мог бы оставаться в пустыне вечно, говорит Артур ей по телефону из будки на озере Пирамид. Она – в Лос-Анджелесе, на съемках «Автобусной остановки», ожидает так называемого «ускоренного» развода, который он получит, когда проведет в Неваде шесть недель, необходимые для того, чтобы стать резидентом этого штата. Тогда они поженятся. Но, может, он так и останется в пустыне. Здесь он встречал ковбоев, которые живут в норах, и если не знать точного места, где эти норы находятся, отыскать их невозможно. Они появляются на людях, только когда есть возможность поработать.

– Я бы тоже так мог. Только тебе понадобится карта, когда приедешь меня искать.

– Не глупи. Ты же из Бруклина. Ты не будешь жить в норе в пустыне.

– Ты никогда не думала, каково это – жить в абсолютном отрыве от мейнстрима?

Она думает о норуолкской больнице, где длинные белые коридоры похожи на линии разлома, от которых откалываются отдельные комнаты.

Игнорируя вопрос, она говорит Артуру, что время бежит недостаточно быстро и она не может ждать, пока развод в Рино войдет в силу, и они снова будут вместе. Он отвечает, что, по крайней мере, пребывание в пустыне вдохновляет на работу. Быть может, в итоге он напишет что-нибудь для нее. Возможно, картину.

– Как бы нам прожить эти шесть недель без того, чтобы ФБР не накопало на тебя что-нибудь новенькое?

– Да, как бы…

– Вот и я о том же!

Он так ее любит, что отправился в Неваду за разводом, сняв коттедж на озере Пирамид, вдали от любопытных глаз. Эти места – безжизненные долины и небольшие холмы, подпираемые высохшими озерами, разительно отличаются от всего, где ему, выросшему среди лезущих на тротуары многоквартирных домов, приходилось когда-либо бывать. Пустыню якобы охраняют ядовитые змеи, прячущиеся, выжидающие, готовые ужалить при

первом же намеке на угрозу. Прогуливаясь вдоль береговой линии озера Пирамид, нельзя забывать еще и о зыбучих песках. Судя по всему, когда-то здесь стояли предупреждающие знаки, но они исчезли, а округу лень поставить новые. Одни говорят, что знаки поглотили пески. Другие утверждают, что это пайюты[3] украли их ночью в надежде на то, что если здесь погибнет парочка рыбаков, это отвратит будущих браконьеров от этой священной земли. И пусть рассказы о пайютах звучат несколько неправдоподобно, случается, пусть и редко, что на поверхность озера всплывают, словно пузырьки, разложившиеся тела – только лишь для того, что снова уйти под воду.

Он так сильно ее любит, что приехал в Неваду за разводом.

Вот так сильно любит! И на эту любовь она отвечает своей. Еще большей.

Проезжая по Сенчури-бульвар к студии, Мэрилин чувствует за собой слежку. У ворот, где охранник сверяет ее имя со списком, она слышит клацанье затворов фотоаппаратов. Забегая в трейлер на съемочной площадке, чувствует направленные на нее бинокли. Оказавшись внутри, сразу же задергивает занавески. Краски меркнут. На съемочной площадке дикая жара, тогда как по Сенчури-бульвар, проползая под дверные косяки, гуляет холодный океанский ветер. Лос-Анджелес вытягивает из нее силы. Всего за несколько месяцев она привыкла к ритму Нью-Йорка, к другому ожиданию. Даже при том, что здесь, на съемках «Автобусной остановки», с ней Паула Страсберг, которая помогает вжиться в роль, Мэрилин по-прежнему чувствует, что находится в каком-то неопределенном, промежуточном состоянии. Как будто идет одновременно и назад, и вперед. Она садится на мягкую скамью, сползает на пол, опускает голову на карточный столик, и винилопласт врезается в щеку. Она просовывает под щеку ладонь, напоминая себе, что если понадобится с кем-то побеседовать, говорить следует шепотом. Жучки могут быть повсюду.

Она звонит ему в Неваду в девять вечера, из платного телефона на Сансет – на всякий случай. Когда ей отвечают, что нужно подождать, продолжает бросать монетки в монетоприемник, не находя себе места в те десять минут, которые уходят у Артура на то, чтобы добраться до телефона. Она прислоняется к боковой стенке будки, почти касаясь губами стеклянной дверцы с жирными отпечатками пальцев. Когда он наконец берет трубку, ее голос дрожит. Она спрашивает, почему так долго. Артур напоминает, что она звонит в будку, которая расположена в сотне метров от его коттеджа, и что отвечал ей

хозяин домика, которому пришлось идти за ним. Прогулка вверх-вниз по грязной дороге у озера Пирамид, особенно в темноте, занимает какое-то время, терпеливо объясняет он. Она ждет, когда он сделает наконец паузу, потом перебивает, говорит, что с этим больше не справится, и прежде, чем он успевает спросить – с чем именно она не справится, добавляет: «С этими чертовыми съемками, и всем этим ожиданием». Она клянется, что так больше не может, что ни у кого в ее окружении не хватит сил удержать ее от срыва. Он говорит, что вылетает утром, но тогда шесть недель пойдут коту под хвост – такие, мол, у них, у штата Невада, правила. Им придется начать все сначала и ждать новые шесть недель.

– Мы можем сделать все по-тихому, – предлагает она. – Встретиться где-нибудь в долине. Каковы шансы? Стоит рискнуть?

Он говорит, что риск есть, но он об этом подумает.

– Значит, ты не приедешь, так, что ли?

– Нет, не так, – отвечает он. – Это значит, что мне надо подумать. Все обмозговать.

– Так ты приедешь? – Она даже не пытается скрыть восторг.

– Я думаю над этим.

Следующим утром он уже в Лос-Анджелесе. Это безопасно всего на один вечер; с рассветом ему нужно уезжать. Артур говорит, что решил приехать потому, что беспокоится о ней, и не в силах признать, что и сам соскучился. Но ее такие мелочи не интересуют. Они не говорят о комитетах, разводах, киносъемках, и едва ли – о собственном будущем браке. По большей части они молчат из опасения, что за ней или за ним могут следить. Сидят в ее комнате, номер сорок первый «Chateau Marmont», слушают катушечную запись мистера Страсберга, которую подкинула Паула. На пленке мистер Страсберг рассуждает об актерской технике Элеоноры Дузе. Его голос доносится через динамик, чистый и ясный; любой бы, кто подслушивает через стену, решил бы, что это он здесь живет. Мистер Страсберг не столько говорит о Дузе, сколько ставит вопросы. Почему ее так чтили? Тон его властный, но в голосе неподдельное восхищение; в каком-то смысле – это как религия, то самое чувство структуры, о котором мечтает Мэрилин. Она водит рукой по бедру Артура, время от времени посматривает на него, желая увидеть его реакцию. Подозревает, что останови она пленку и спроси, о чем сейчас говорил мистер Страсберг, Артур не ответит. Выражение его лица никогда не меняется. И когда она наконец останавливает пленку и голос мистера Страсберга умолкает, она чувствует, что Артур только что проснулся. Она говорит, что голодна. Предлагает одно

кафе, чуть выше по улице, а точнее – старосветский европейский ресторан, какие еще остались на Сансет-Стрип; стены там, как она слышала, оклеены бурой оберточной бумагой, лампочки отбрасывают тусклый желтый свет, а воздух проникает только тогда, когда открывается входная дверь.

– Сходим сейчас? – спрашивает она. – Или хочешь дослушать лекцию до конца?

Он предлагает ей выбирать самой (несмотря на очевидное отсутствие интереса к мнению мистера Страсберга об Элеоноре Дузе), и за это она любит его чуточку сильнее.

Влажный вечерний ветер дует с горизонта, уже начавшего затягиваться дымкой. Впервые за всю неделю она не думает о возможной слежке. Они поднимаются по улице молча, пока не оказываются у европейского ресторана, где у дверей их встречает сам хозяин по имени Анри, говорящий с ними только на французском. Европейский ресторан с его звучащей из радиоприемника музыкой кабаре и интерьером, скопированным с уличного кафе, оказывается еще более нелепым, чем она описала, но Мэрилин говорит Артуру не об этом, а о том, что с ним она чувствует себя в полной безопасности.

Беспокойство возвращается на следующее утро, сразу после его отъезда. Вскоре к «Chateau Marmont» подъедет машина, чтобы отвезти ее на съемочную площадку. Она уже одета, волосы стянуты сзади под шарфом. Едва ли не впервые опережает график. Паула Страсберг ожидает в соседней комнате. Они договорились встретиться на выходе, когда прибудет автомобиль.

Она садится на кровати, расправляя складки на покрывале. Включает радио, подводит звук до шепота. Смотрит на стену и пытается сделать глубокий вдох. Надеясь наполнить грудь. Уезжая, Артур сказал, что посмотрит, сможет ли вернуться на следующей неделе; пока же им обоим нужно сосредоточиться на работе, чтобы пройти эту фазу. Она пообещала, что попытается придержать таблетки до тех пор, пока они действительно понадобятся.

Вечером они разговаривают. Она говорит ему, что волноваться не о чем. Они переживут этот период ожидания. А потом у них впереди будет вся жизнь. «Начинать совсем не сложно, – уверяет она. – Поверь мне». Она говорит это в телефон, накрыв трубку ладонью, голос ее звучит тихо и приглушенно, но слова она выпаливает с такой скоростью, что они наскакивают одно на другое.

Середина лета 1956-го: Нью-Йорк и Вашингтон, округ Колумбия

Она не хотела, чтобы он отправился в тюрьму, но всегда советовала Артуру не сотрудничать с Комитетом, пусть это и означало нарушение предписаний Конгресса. Вечером накануне отъезда в Вашингтон, где Артуру предстояло давать показания, в их квартиру в надежде склонить Артура к сотрудничеству явился Спирос Скурас, президент компании Twentieth Century-Fox. Он предложил выход: пообещал убедить некоторых знакомых ему конгрессменов смягчить позицию, если Артур пойдет на компромисс и выступит с заявлением, в котором поблагодарит Комитет за предоставленный шанс осознать прежние ошибки и перед председателем Конгресса Уолтером засвидетельствует, что рад возможности восстановить свою любовь к Америке и что он теперь боится тех людей, коими когда-то восхищался. Мэрилин наблюдала за всем этим из бара, потягивая скотч и вынося время от времени коньяк Скурасу.

Артур вскипел.

Она отлично понимала, что единственная причина, которая могла привести к ним Скураса, заключалась в их скором браке и, как следствие, падении рыночной привлекательности как самой Мэрилин, так и картин с ее участием. Видимо, осознав, что его усилия успехом не увенчаются, Скурас быстренько прервал беседу, подхватил пальто и позволил Артуру проводить его до лифта. Оставшись одна, Мэрилин плеснула себе еще немного скотча. Быстренько, маленькими глотками, выпила, пока Артур не вернулся. Скотч разлился внутри горячей волной. Тогда она налила еще. Надеясь, что эффект будет таким же.

После слушаний Артур немногословен. Он и его адвокат Джо Рау вернулись в квартиру последнего, где Мэрилин провела весь день с женой Джо Оли вдали от Вашингтона, прессы и того, в чем Артур усматривал ненужное давление. Мужчины вернулись с таким видом, словно никаких слушаний и не было, словно было лишь некое затруднение, предшествовавшее ее и Артура предстоящей поездке в Англию в конце недели. Ей лишь удалось узнать, что его расспрашивали о некоторых подписанных им обращениях, о праве Эзры Паунда писать свои стихи и об использовании Артуром Пятой поправки, когда его попросили подтвердить коммунистические симпатии коллег-писателей. Джо Рау рассмеялся, сказав, что всего этого можно было избежать,

если бы Артур позволил Мэрилин попозировать перед фотографами в Капитолии вместе с председателем комиссии Уолтером. Но она была рада, что Артур не смеялся. И даже еще больше рада тому, что он не отказался от борьбы. Он потратил столько энергии, пытаясь защитить ее от всего этого, был так занят, присматривая за ней, что даже не заметил, чего ей стоила притворная бодрость. Как фанатик, сидящий у ринга и орущий: «Врежь ему еще! Выруби!»

Середина лета 1956-го: Саттон-плейс, 2, Нью-Йорк

С тобой желает встретиться раввин Голдберг, прибывший по поручению синагоги «Мишкан Израиль», что в Нью-Хейвене, в твоей квартире на Саттон-плейс. У входной двери на восьмом этаже он останавливается, слегка запыхавшийся, с сумкой в руке, связкой книг под мышкой: «Что есть еврей?», «История евреев», «Справочник по еврейскому вопросу», «Руководство ЦКАР по обращению в иудаизм», – текстами, которые он предлагает каждому, кто желает обратиться в иудейскую веру. Ты приносишь ему чаю, вы устраиваетесь в гостиной: раввин на диване, ты – в коричневом кресле. Окно открыто нараспашку; летом в квартире очень душно. Он смотрит на тебя, кивая со слабой улыбкой, и невозможно понять, что он о тебе думает. Это немного смахивает на прослушивание, на которое ты пришла, не имея на руках текста, и не очень ясно, как тебя оценивают. Ты никогда до этого не была тет-а-тет с раввином, и твое первое впечатление, что по манере держаться он – вылитый бизнесмен. Ты ерзаешь, то вытягивая, то скрещивая ноги. Наконец ты прерываешь молчание:

– Что ж, добро пожаловать.

– Да, – отвечает он, – добро пожаловать.

– Может быть, начнем? – говоришь ты.

Он откидывается назад, разводит руки в стороны вдоль спинки дивана – почти на всю его длину. Говорит, что хочет, чтобы ты не испытывала никаких неудобств; мы, мол, всего лишь немного поболтаем, проведем, так сказать, ознакомительную беседу.

– Давайте начнем с основных вопросов. Почему вы хотите поменять веру?

Ты выпрямляешься, потому что знаешь ответ, и объясняешь: потому, мол, что я собираюсь выйти замуж за Артура, а он… ну, сами понимаете. Раввин Голдберг кивает, затем говорит, что, согласно традиции, брак не может рассматриваться как единственная причина для обращения в иудейство; истинной причиной должно быть непреодолимое желание идентифицировать себя как еврея и быть частью общего будущего, и он хочет знать, понимаешь ли ты, о чем он толкует. Теперь уже ты киваешь – на углу Восточной Пятьдесят седьмой улицы воют сирены, – но не знаешь, как ответить, потому что никогда не думала об этом в таком плане. Раввин, должно быть, замечает твое смущение, потому что идет на попятную:

– Если позволите, мисс Монро, я хотел бы спросить следующее: из какой именно веры вы хотите перейти в иудейство?

– Из какой веры? – переспрашиваешь ты.

– Когда вы проходите обряд обращения, то переходите из какой-то одной веры в какую-то другую.

И ты вспоминаешь, как двоюродная бабка, миссис Мартин, водила тебя в фундаменталистскую церковь в Комптоне, но ты тогда была совсем маленькой, и происходило это все помимо твоей воли; если бы ты могла тогда отказаться, то ни за что бы не согласилась. Поэтому ты смотришь на раввина Голдберга, терпеливо ожидающего твоего ответа, и все что ты можешь, это ответить вопросом на вопрос:

– А никакая не может быть этой какой-то?

27 июля 1962-го: «Cal Neva Lodge», Кристал-Бэй, Невада

Рассказывая о Мэрилин Монро, Ли Страсберг сказал: «Ее прошлое не обязательно должно было разрушить ее; оно могло даже стать частью лексикона и техники нового искусства».

15 ч 50 мин

На столе без какого-либо особого порядка выстроены в линию пластиковые (где-то – прозрачные, где-то – зеленые) пузырьки:

* нембутал
* декадрон фосфат
* хлоралгидрат
* секонал
* Rx 80521
* Rx 80522
* Rx 13525
* Rx 13526 (двойная доза)

Она точно не знает, что это, помнит только, что одни – из аптеки Шваба в Беверли-Хиллз, другие – из Рецептурного центра на Уилшире.

Она вновь проигрывает в голове разговор с Фрэнком. Сводит его к другому варианту, который заканчивается не тем, что он уходит, советуя ей отдохнуть и заверяя, что все будет в порядке и он за ней присмотрит. В новой версии она уже не так осторожна и признается, что должна исчезнуть ненадолго. Объясняет, что если «Неприкаянные» выглядели неким бегством от прежней Мэрилин Монро, то спустя год, в последней картине «Что-то должно случиться», она вновь вернулась к старой жизни (в которой присутствует и Джо), шагнула в привычный образ, как будто ее продолжительное отсутствие было всего лишь глуповатой выходкой девчонки-подростка. Надо было сказать Фрэнку, что иногда ей кажется – это ее последний шанс, потому что контролировать Мэрилин Монро, как раньше, становится почти невозможно: она становится ею. Сказать, что вне зависимости от семейной истории или статуса, все мы порой расклеиваемся; все мы в какой-то момент, стоя на краю, теряем уверенность в том, что сможем удержаться, и вынуждены то здесь, то там считаться с нашей слабостью. Вот и она сейчас – на краю. И еще ей следовало сказать ему: она читала в какой-то газете о том, что сильнейшее землетрясение может сбить землю с оси, и пусть земля продолжит крутиться по-прежнему, в результате катастрофы каждый день будет укорачиваться примерно на миллионную долю секунды, и что практически для всех это ничего не будет значить, за исключением разве что тех, для кого миллионная доля секунды значит все. Для нее даже одна миллиардная может иметь значение. В переигранном разговоре она говорит, что именно поэтому и приехала сюда, что исчезновение даже на уик-

энд может помочь ей ухватиться за эту миллионную долю. Скакать на неоседланной земле, вцепившись в поводья, пытаясь обойти даже малейшую кочку.

Взгляд на озеро напоминает, какая она маленькая. Напоминает о том, что ты – лишь осколок чего-то в разы большего, чем ты когда-либо можешь стать.

16 ч 50 мин

Едва она ступает на крыльцо, как дверь сама закрывается у нее за спиной. Она идет бочком, не останавливаясь ни на мгновение, ни на секунду не отводя глаз от озера. Через солнечные очки оно выглядит еще более зеленым. Даже когда деревянный настил поворачивает к домику, она по-прежнему смотрит на озеро Тахо. Для этого достаточно лишь повернуть шею.

Она с удовольствием сходила бы к холму за автострадой, где растут полевые цветы. Быть может, нарвала бы маков, принесла в домик, поставила в вазу. Вдохнула бы в комнату новую жизнь.

Она спускается с настила на щебень, ощущая, как прогибается последняя деревянная дощечка. Дорога твердая и жесткая. Внизу, у берега озера, все устлано полями цветов, кое-где затененными толокнянкой и другими кустарниками, но в большинстве своем видных отчетливо и ясно. Они кажутся такими невозможно далекими.

Она даже холма не видит.

– Мисс Монро?

Крупный мужчина в темных брюках и свежей рубашке с короткими рукавами снимает солнечные очки. Опускает их в нагрудный карман, оставляя на виду лишь одну серебристую дужку. Говорит, что работает на «Cal Nova». У него широкое, непроницаемое лицо. От него пахнет сигаретами. Личная охрана, говорит он, для гостей мистера Синатры.

– Вам поручено присматривать за мной?

– В некотором смысле.

– Фрэнк велел вам проверить, все ли у меня в порядке?

– А у вас все в порядке? – спрашивает он.

– Да, – кивает она. – Все в порядке. Все просто прекрасно. Позади него – дом, боковая сторона которого выходит к «Круговому бару». Она чуть сдвигает очки, щурится.

– Я думала, отсюда будет виден холм.

– Холм?

– Тот, что на другой стороне улицы. Я видела его, когда приехала.

– А, тот, что за 28-й автострадой? Вам надо обойти этот дом, тогда и увидите. Тогда он будет почти прямо перед вами.

– Правда? Но я видела его чуть раньше со своего крыльца.

Он внимательно осматривается. Держится настороже, словно ожидает чего-то.

– Нет, – говорит он. – Только с той стороны.

Она оглядывается, но цветы уже не вызывают интереса.

– Может, вы проводите меня туда. Через дорогу. Просто взглянуть на холм. Мне бы хотелось его увидеть. Там есть то, что мне нужно.

– Там могут быть люди.

– Так они ведь везде. Люди.

О'кей, говорит он, но так, словно дает понять, что это не лучшая мысль. Снова надевает солнечные очки. Кашлянув в кулак, вытирает ладонь о брючину. Мне объяснили, говорит он, мол, вы не хотите, чтобы вас беспокоили, но раз уж таково ваше желание…

Она говорит, что ее никто не беспокоит. И таково ее желание.

В Лос-Анджелесе, когда она улетала утром, было тепло, но здесь еще теплее. И все равно воздух немного резче, немного свежее, он словно пронизывает ее вместо того, чтобы окутывать. В воздухе запах сосен, а когда ветер дует с юга, она улавливает запах озерной воды, чистый и без всяких примесей, потому что – пусть это и странно – даже все чистое имеет свой запах.

Она ощущает себя стебельком, с которого вот-вот слетят лепестки. Слегка поворачивает голову, открываясь ветру. Да, сильный порыв вполне мог бы ее свалить.

Гигантская парковка «Cal Nova» тянется до самой дороги. И вот отсюда она уже может видеть гребень холма. Телохранитель ошибался. Здесь никого нет. Еще несколько шагов – и ей кажется, что она видит пятнышки цветов, которыми усыпан склон. Пойти дальше? Подумав, она останавливается.

– Вы никого там не видите, наверху?

– На холме?

– Да, на одной линии с нами.

Он пальцем приспускает очки на нос. Долгим, изучающим взглядом обводит вершину склона.

– Нет. Ничего не вижу. Но если бы там что-то и было, не уверен, что увидел бы. Расстояние довольно-таки приличное.

– Я что-то видела раньше. Когда приехала.

– Ветер колышет деревья, наклоняет по-всякому. Может, вам что-то и показалось.

Она качает головой:

– Нет. Я видела кое-кого. Человека.

Она умолкает. После того, что сказал ранее Фрэнк, ей не хочется говорить, что это был Джо.

– Даже и не знаю, что вам ответить. Может, какой-нибудь

зевака или фотограф. Не знаю. Мы слышали, что люди пытаются делать снимки оттуда. Но вам не о чем беспокоиться. Даже если там кто-то есть, вы были слишком далеко и казались ему лишь пятнышком.

Джо здесь нет. Но она видела его, когда приехала. Она уверена в этом.

Телохранитель говорит, что может послать туда кого-нибудь, если она беспокоится или чувствует угрозу, но, на его взгляд, там все чисто.

Все в порядке, отвечает она. И вообще, ей хочется просто нарвать цветов. Собрать букет. Она говорит, что очень любит калифорнийские маки и на территории Невады их, наверно, можно рвать вполне легально.

– Может, проводите меня туда, и я поищу?

– Могу попросить прислать вам их в комнату.

– Нет… Я хотела бы сама.

Они идут по периметру стоянки, заглядывая под кусты, и она бросает последний взгляд на холм. Ей кажется, она улавливает какое-то движение за деревом у самого гребня, там, где сосны искривляются в некоем подобии полуулыбки. Быть может, это Джо. Быть может, он выглянул на секунду и снова спрятался за высокой, неуклюжей сосной.

Она опускается на колено. Наклоняется вперед, приседает и отводит в сторону куст толокнянки, отчего красная кора на нем частично отслаивается и завивается. Телохранитель ожидает позади, чуть в сторонке, не обращая на нее никакого внимания. С той прогалины, на которую она вышла, взлетает колибри и на какое-то мгновение зависает над ней. Птичка бьет крыльями, грудка ее то опускается, то вздымается, и кажется – она застыла на месте, словно через нее только что прошел электрический разряд. Едва заметив Мэрилин, колибри уносится прочь.

Одной рукой придерживая куст толокнянки, она тянется другой за несколькими стебельками мака и выдергивает с такой силой, что они хрустят. Запах цветов приносит облегчение, и пусть изначально он едкий, в нем чувствуется чистота, хотя и не совсем приятная, – чего-то такого, что выросло не из грязи.

Она собирает цветы в пучок, прижимая букет к груди. Оглядывается на телохранителя. Один из стебельков легонько касается ее щеки. Всего лишь дуновение, не больше, но ей кажется, будто она вдохнула в себя все растение. И она чувствует, как оно наполняет ее, проходит по венам, закачивается в сердце. Кажется, в ней ему самое место, словно она сделана из стекла, но не хрупкого, а чистого, ясного, прозрачного, и ощущение это ей

хочется сохранить навечно.

Чистая. Прозрачная. Не имеющая формы.

Всего лишь пятнышко в толпе.

1957–1960

Выдержки из пресс-релиза кинокомпании «United Artists» к выходу фильма «Неприкаянные»

«Я хочу выжить, – откровенно говорит о себе актриса. – Я смотрю в будущее. Я хочу оставаться долго-долго, а значит, не должна останавливаться в профессиональном смысле. В Голливуде на талант любят клеить ярлыки. Ты такой или ты этакий! Если я смогу не остановиться, это не позволит, чтобы на мой талант наклеили какой бы то ни было ярлык».

Пиар-кампания

Прогулка верхом:

Парочка катается по городу верхом (девушка должна быть привлекательной блондинкой). У них – афишка следующего содержания: «Мы идем смотреть картину, которая взрывается любовью. Это «Неприкаянные» – теперь и в «Бижу»!

Пиар-кампания

Найди двойника ММ

Многие девушки считают, что они похожи на Мэрилин Монро – самую выдающуюся экранную личность нынешнего десятилетия. Начните поиски местного «двойника» Мэрилин Монро с размещения объявления в вашем вестибюле или вашей газете! Победитель и участник, занявший второе место, получит шанс появиться в шоу на местном телевидении, о них расскажет газета, их ждут – обед в лучшем ресторане, мастер-парикмахер в салоне красоты и цветы от флориста.

Август 1957-го: Пятьдесят седьмая Восточная улица, 444, Нью-Йорк

Он говорит, что думает о своем рассказе «Неприкаянные», том самом, который написал в невадской пустыне. Они сидят на диване в нью-йоркской квартире. Мэрилин прижимает к животу подушку. Врачи уверяли, что лекарства снимут любую возможную боль. А если она что-то и почувствует, то это только лишь воображаемые симптомы. Объяснения вроде бы логичные, но все равно ощущение такое, будто матку режут ножом. Она смотрит на горящую свечу. Ей кажется – в комнате пахнет чем-то горелым. Но нет, это только обугленная спичка, которую она уронила, подумав, что пламя обожжет пальцы.

Рассказ, говорит он, это своего рода отклик, попытка найти значение в окружающем его пейзаже и людях. Он вспоминает озеро Пирамиды, почти мираж посреди лунного ландшафта. Потом были Рино и отель «Mapes», зал клуба «Nevada» с колышущимся в воздухе свежим дымом и журчанием льющейся выпивки, выстроившимися вдоль стены высокими, по грудь, музыкальными автоматами, путь к которым преграждали мужчины, чьи пиджаки висели на спинках стульев, и женщины в блузках-безрукавках, беззаботно и молчаливо тянущие рукоятки автоматов, – унылая сцена, странным образом диссонирующая с яркими узорами ковра и бархатными обоями эпохи салунов…

Он протягивает к ней руку. Она по-прежнему прижимает к животу подушку, но кладет ноги ему на колени.

Артур все говорит и говорит. Говорит, что в первую очередь ему надо было выписать людей. Изувеченных стариков-наездников, ни на что уже не годных и живущих в заброшенных серебряных шахтах, выпрашивающих голливудские журналы с голливудскими киношными ковбоями на обложке и не желающих признавать, что настоящими-то были именно они; трудяг с ранчо, пытающихся найти место в модернизирующемся мире и отказывающихся работать за зарплату – только за жалованье; свежих, шестинедельных разведенцах, приезжающих незнамо зачем и проживающих жизнь в ожидании чего-то лучшего, что должно быть где-то рядом, за углом. Люди отчаянно пытались встроиться в это место, но обнаруживали, что еще больше отчуждаются.

– Немножко похоже на Голливуд, – говорит она.

– Немножко.

Она знает – он ведет к чему-то, и надеется, что он промолчит

об операции. В конце концов, вряд ли это можно назвать выкидышем, поскольку у нее почти сразу же диагностировали трубочную внематочную беременность. С тех пор она не сказала ему об этом ни слова, а он, должно быть, когда чувствует, что она думает об этом, отводит глаза. Большую часть времени он проводит у себя в студии, а когда выходит, они говорят о пустяках, держатся на поверхности, как будто так может продолжаться вечно. Такая вот правильная пара Иисусов.

Артур говорит, что переделывает «Неприкаянных» в сценарий и при этом держит в уме ее. После того как рассказ напечатали в «Esquire», уже несколько человек сказали ему, что видят Мэрилин в роли Розлин. Ее это вполне устраивает. Идеальная роль, чтобы освободиться от навязанного ей типажа, продемонстрировать внутренний мир и сломать образ легкомысленной блондинки, в котором люди хотели бы видеть ее и дальше.

И потом, позже, думая о том вечере, она не вспомнит ни искренности, звучавшей в его голосе, слегка дрожавшем, будто он делал некий подарок, в котором и сам не был уверен, ни напряжения в шейных мышцах, выдававших то усилие, которого ему стоило не отвернуться. Зато она вспомнит паука в углу стены, напротив которой они сидели, как они одновременно заметили движение; вспомнит, как Артур достал салфетку из коробки на краю стола, как ее ноги соскользнули на пол, когда он поднялся, как он подошел к углу, привстал на цыпочках и накрыл паука смятой салфеткой, как собрался было раздавить его, но вместо этого взял и остановился в нерешительности посредине комнаты, глядя на нее, и не зная, что делать с этим пауком…

Октябрь 1959-го: отель «Beverly Hills», Лос-Анджелес

Она нервничает в ожидании Артура: когда же он вернется и что скажет? Удалось ли убедить его согласиться на роль? Они остановились в отеле на побережье, и она целый день не выходит из гостиной, ограничившись одной таблеткой, от которой никакой пользы. Артур открывает, наконец, дверь и входит. «Расскажи мне все!» – говорит она. Нет, не говорит – требует. Она хочет знать, что же сказал Кларк Гейбл. Согласился ли сняться в картине? После того как на фильм подписался Хьюстон, Артура вызвали в Лос-Анджелес – чтобы он попытался договориться с Гейблом. Она расхаживает по комнате. Берется за шторы. От света сразу начинает болеть голова. Она в последний раз смотрит в сторону океана – всю жизнь наблюдала за этими волнами, сначала откатывающимися, а потом с ревом возвращающимися. Но до берега далеко, почти восемь миль, и он не может принести ни покоя, ни смягчения боли. Она с неожиданной силой задергивает шторы.

Артур говорит, что все прошло хорошо.

– Вообще-то даже лучше, чем хорошо.

Она говорит, что по его лицу этого не скажешь.

– Съемочная площадка. Никак не могу к ней привыкнуть.

– Но он согласился?

– Пришлось убеждать.

– Так он согласился?

– Сказал, что думал, это будет вестерн, но потом понял, что нет, не вестерн. Сказал, что так и не уразумел, как это все понимать.

– Что ты ему сказал?

– Не знал, что сказать. Как будто онемел. Только смотрел на него и думал, что вот этот парень – Гэй Лэнгленд, и как же мне объяснить ему это, независимо от того, вестерн это или нет.

Она садится на диван, потом вскакивает. Ей не терпится узнать, чем же все кончилось.

– Я сказал ему, что это как бы восточный вестерн, и он вроде как усмехнулся, а я еще больше разволновался. Сказал, что это не про хороших и плохих парней, и не про зло, что есть в хороших парнях, что это только жанровые условности, а наша история – экзистенциальная, она про то, как так называемая бессмысленность жизни приводит нас туда, где мы все и оказываемся в конце. Сказать по правде, Мэрилин в какой-то

момент даже пришлось остановиться, потому что я уже и сам не совсем понимал, о чем толкую.

Приподнявшись на цыпочках, она кладет руки ему на плечи. Приникает к нему, сжимая пальцы. Живот напрягается. Она заставляет себя говорить медленно, сдержанно:

– Артур, бога ради, он согласился?

Он смотрит на нее почти виновато, как будто его только что отчитали.

– Да. Сказал, что он это сделает.

Она радостно взвизгивает, и это настоящая радость – забытое, почти незнакомое чувство. Сердце колотится, она танцует на месте, и улыбка у нее получается такая широкая и неуклюжая, что слезам не остается места.

– Обожаю Гейбла. – Она обнимает мужа. – Мне было лет, наверно, десять, когда я в первый раз увидела его в «Сан-Франциско», а потом, через несколько лет, он просто очаровал меня «Унесенными ветром». Я всю жизнь перед ним преклоняюсь. Он мой кумир. О таком можно только мечтать! И вот мечта сбывается!

– Я же говорил: ты этого достойна.

Она целует его в лоб и возвращается к окну. Раздвигает шторы, выглядывает, представляет, что видит берег. Видит зарождающуюся маленькую волну – накатывающую, сражающуюся с волноломами, неуступчивую. Волна подымается, вскидывает гребень, бросается вперед – и только тогда касается берега…

Конец июля 1960-го: съемочная площадка фильма «Неприкаянные», Harrah's Club, Рино

На съемки первого эпизода с Гейблом Мэрилин прибывает в 11.45. Ее сопровождают:

1. Артур Миллер (сценарист и муж)
2. Руперт Аллан (агент)
3. Паула Страсберг (преподавательница сценического мастерства)
4. Сидней Гиларофф (стилист-парикмахер)
5. Уитни Снайдер (гример)
6. Агнес Фланаган (парикмахерша)
7. Банни Гардел (гример-косметолог)
8. Эвелин Мориарти (дублерша)
9. Ральф Робертс (массажист)
10. Мэй Рейс (секретарша)
11. Ширли Стрэм (гардеробщица)
12. Гасси Уайлер (швея)
13. Хейзел Вашингтон (служанка)

Она взволнована, но это не то волнение, которое ослабляет и зажимает, из-за которого она чувствует себя заурядной, обыкновенной – и как только такая, как она, с ее воспитанием, оказалась рядом с великим талантом? Она одна в трейлере, припаркованном на Вирджиния-стрит, перед Harrah's Club, где будет сниматься ее первая сцена с Кларком Гейблом. Сидит, подтянув ноги к груди перед настенным кондиционером; прохладно только здесь – в конце июля в Рино жара просто зашкаливает. На прошлой неделе, как ей сказали, температура каждый день поднималась до ста градусов, вот почему стены трейлера нагрелись так, что не дотронуться, и некоторое облегчение приносит только ветерок из кондиционера.

Сцена будет несложная. Короткая. Место действия – бар в клубе, где они – Розлин и Гэй, которого играет Гейбл, а также их друзья, Изабель и Гвидо (их играют Тельма Риттер и Эли Уоллах) – встречаются в первый раз. Роль катализатора, сводящего их вместе, исполняет пес по кличке Том Дули. Заучить реплики было нетрудно. Сцена хорошая, самое то, чтобы расколоть ледок. Она нервничает из-за Гейбла, представляя, как он смотрит на нее, и спрашивает себя: кто она такая и с какой стати он играет с ней? Ей нужно подготовиться. Психологически.

Перевоплотиться. Стать кем-то, кто везде на своем месте, у кого нет проблем с адаптацией.

Она пытается успокоиться, выбросить из головы тревожные мысли. Встречать ее, как будто это какое-то историческое событие, собралась вся съемочная группа. Полиции Рино пришлось потрудиться, сдерживая несколько сотен зевак, старавшихся хоть одним глазком заглянуть в казино. Пресс-корпус в составе, достойном освещать явление мирового масштаба, терпеливо ждет; репортеры сидят на корточках у стен и подпирают столбы, готовые, однако, по первому сигналу приступить к делу. Ей немножко смешно – такой переполох, а ведь это не чилийское землетрясение, не сидячая демонстрация в Гринсборо, не номинация Кеннеди, ничего подобного! Но, думает она, может быть, их присутствие здесь придает происходящему некое значение. При мысли о том, что ее выход из трейлера и сошествие на тротуар, чтобы сыграть в паре с Кларком Гейблом, действительно *настолько* важны, волнение возвращается, и все, что она может сделать, это сжаться еще крепче и подставить лицо под освежающую струю воздуха.

Никто не помнит, закрывался ли Harrah's Club для публики хоть когда-то – он всегда открыт, двадцать четыре часа в сутки, триста шестьдесят пять дней в году. Но Джон Хьюстон получил от казино разрешение на три дня, посчитав, что именно столько времени может занять съемка эпизода. Теперь здесь обосновалась голливудская команда: семьдесят пять статистов, собранных, чтобы изображать посетителей, и постоянные сотрудники клуба, отрабатывающие свою почасовую зарплату; им положено заниматься обычными делами за столами и в игорных залах, стараясь при этом не выказывать разочарования из-за отсутствия обычных «чаевых». Стоящий у входа Билл Харра рассказывает всем, как он надеется, что съемки закончатся побыстрее, что из-за закрытия он теряет по 50 тысяч долларов в день. Хьюстон пообещал, что в возмещение убытков Harrah's Club будет упомянут в фильме. День-другой съемок компенсируются потенциальным пиаром, но три дня грозят финансовым риском.

В зале кипит жизнь. Все выглядит до странности обычным: люди расхаживают между столами, несмотря на отсутствие привычного саундтрека – игровые автоматы молчат, не слышно стука костей и шороха крутящегося колеса фортуны. Кондиционеры отключены из предосторожности, во избежание присутствия посторонних звуков. Еще даже не полдень, а температура уже поднялась, и в зале невыносимо жарко.

Сопровождаемая всей своей свитой, она проходит через зал и

направляется к бару, где и будет сниматься сцена. Внимание всех статистов и работников приковано к ней, и она остро это ощущает. Но смотреть-то им нужно не на нее. Сейчас она заодно с ними, со зрителями, и ею владеет то же возбуждение, то же предвкушение. С тем же, что и все остальные, волнением она бросает взгляды то влево, то вправо – тоже надеется увидеть Кларка Гейбла.

Казино, конечно, дает ощущение достоверности, но снимать можно было бы и где-нибудь в другом месте. Бар заполнен прожекторами и лампами, пюпитрами и блокнотами, камерами и операторскими тележками, на полу тянутся электрические провода, тут и там – катушки с пленкой, и всем этим занимается команда, слишком, как ей кажется, многочисленная для столь тесного пространства. Стоя на коленях перед большой митчелловской камерой, Хьюстон всматривается в выступающий сбоку видоискатель, расставляет по местам статистов и то и дело покрикивает: «Стой там… Нет, нет, немного назад. Так… А теперь еще немного». Повинуясь его командам, Эвелин Мориарти то отступает на пару дюймов, то сдвигается чуть в сторону. Одежда на ней точно такая же, что будет в этом эпизоде на Мэрилин: черное платье с длинными рукавами и отделанная черной кружевной вуалью шляпка. В этом наряде она кажется каким-то размытым ее отражением. Хьюстон медленно и осторожно, чтобы не потерять перспективу, отступает от камеры и вместе с главным ассистентом Чарльзом Коуи и оператором Расселом Мэтти проверяет параметры освещения.

Мэрилин стоит поодаль, чувствуя себя немного посторонней. Гейбла она пока еще не видела, хотя в какой-то момент приняла за него дублера Алабаму Дэвиса. Руки она держит на животе. Там, под ними, тугой узел, тошнотворный и болезненный.

Облаченная с головы до ног в черное, к ней подходит Паула Страсберг. Она приехала из Нью-Йорка – удостовериться, что Мэрилин верна методу, который изучала в актерской студии. Близость к Мэрилин подчеркивает физический контраст между ними – Паула ниже, с более округлыми формами и резкими чертами, затененными полями дикой, напоминающей огромный колокол шляпки, удерживающейся на месте благодаря завязанной под подбородком ленте. Выражение лица неизменно серьезное, и всем присутствующим ясно, что она здесь для того, чтобы работать с Мэрилин, но не с кинокомпанией. (Мэрилин уже пришлось побранить Артура за придуманное им для Паулы прозвище – Черный Барт.) Паула покашливает в кулак, потом прочищает горло и спрашивает Мэрилин, готова ли она. Голос у нее резкий, предложения звучат отрывисто, словно обрезанные.

Мэрилин говорит, что если под «готова» подразумевается – знает ли она свои реплики, то да, готова.

Пройдя в жизни через многое, она стала внимательной ученицей – наблюдает за окружающими, присматривается к тому, как они взаимодействуют друг с другом, учится принимать и подавать правильные сигналы и намеки. Эти уроки уже сослужили ей хорошую службу на многих уровнях: она знает, как вписаться в тот или иной круг, как играть в самые разные игры, как не выглядеть чужой и выгодно подать себя. Но надолго ее не хватает. Откуда ни возьмись выползает подпитываемая возмущением и обидой злость – это ведь ей приходится приспосабливаться к той или иной условности, которая рано или поздно обнажит свою ненужность. Чтобы реализовать себя в избранном мире, ей нужно подстраиваться под этот мир. И вот тут-то она не выдерживает и расклеивается. Мир, под который она подстраивается, просто проглатывает ее. Она наклоняется и шепчет Пауле:

– Я собираюсь уйти.

– Уйти?

– Да, уйти. Я собираюсь уйти.

– Они будут спрашивать. Кто-нибудь захочет узнать почему.

– Я просто свалюсь, если останусь здесь еще немного.

– Я не могу сказать им это, дорогуша.

– Это не оправдание, а всего лишь констатация факта.

– Ты и впрямь побледнела. И все-таки я бы этого не говорила.

– Они только этого и ждут. Когда мне станет плохо.

– Да, – говорит Паула. – Ждут. Они этого ждут.

– Не хочу стоять здесь, когда он появится. Не хочу стоять и ждать своей очереди, пока все будут его обхаживать, пока будет происходить весь этот спектакль. Я просто не хочу здесь стоять. Это не на пользу сцене. Мне будет неловко. Может, я подожду в трейлере? Ничего ведь такого нет, если я вернусь в трейлер?

Паула берет ее за локоть:

– Только если мы вернемся в трейлер поработать над текстом. Это всегда полезно – работать над текстом. Вот тогда и вся сцена лучше выйдет.

– Ты же знаешь, что я их выучила, реплики. Может быть, немного попрактиковаться, сжиться с ними… Как реагировать, понимаешь? А потом, когда он придет, когда все будет готово, мы вернемся. Встретимся, когда будем готовы начать. Вместо того чтобы стоять здесь и ждать.

Паула ведет ее через казино, мимо молчаливых игровых автоматов и карточных столов, охраняемых любопытными статистами. Мэрилин следует за ней как тень, отстав на шаг.

Один раз она оглядывается. Эвелина ждет, стоит, подбоченясь, напротив Алабамы Дэвиса, опустив глаза и лениво постукивая каблучками по полу. В этот миг она похожа на ребенка, совершенно постороннего и непонятно, как и зачем здесь оказавшегося. Мэрилин отворачивается, нагоняет Паулу и уже хочет попросить ее поторопиться, иначе она свалится, но не может произнести и слова, потому что задерживает дыхание. Она удерживает дыхание, чтобы добраться до трейлера, укрыться там и упасть как подкошенная.

Гейбл говорит, что рад с ней познакомиться и что они вместе сделают хорошую картину. Говорит, что ее муж состряпал чертовски хороший сценарий и что иногда человеку не требуется много говорить, чтобы сказать все. Она стоит рядом с ним и не знает, куда деть руки. Чувствует себя девчонкой, той, что, лежа на кровати, перелистывала журналы, чтобы найти его фотографию. Она называет его мистером Гейблом, он поправляет, просит называть его Кларком, и она называет его Кларком, но в этом есть что-то нереальное, что-то фантастическое, как и тогда, когда она в детстве, сидя в комнате и глядя в потолок, воображала, что ее отцом мог быть Кларк Гейбл. Или что однажды Кларк Гейбл спасет ее. Кларк. Она произносит его имя, и он смотрит на нее, ждет. Но она не знает, что еще сказать, не может придумать продолжения, и пауза растягивается, разделяет их. Она ищет, чем бы ее заполнить, и наконец хватает за руку Паулу и говорит:

– Вы ведь знакомы с Паулой Страсберг, моей преподавательницей?

Едва произнеся эти слова, она понимает, какой любительщиной это отдает, и начинает объяснять, что Паула замужем за Ли Страсбергом из Актерской студии, где она сама занималась, но Гейбл смотрит на нее без всякого выражения – где она училась, ему совершенно не интересно. Мысленно она велит себе замолчать, потому что именно это и нужно сделать – замолчать. Паула делает шаг вперед, представляется, и Гейбл говорит, что рад с ней познакомиться (точно так же он говорил это Мэрилин), и добавляет, что в черном, должно быть, ужасно жарко. Мэрилин уверена, что он не воспринимает их всерьез, и потому отчаянно ищет и ищет какую-то информацию, что-то такое, что подскажет ей линию поведения, и он поймет, что она не просто старшеклассница, собравшая больше всех денег на школьном аукционе и выигравшая главный приз – шанс встретиться с Кларком Гейблом.

– Прошу извинить, – с неожиданной живостью говорит она. – Я, кажется, забыла кое-что в трейлере.

Она поворачивается и уходит, без Паулы, рассчитывая, что по пути в гримерку пересмотрит все ящички в кладовой памяти, переберет все содержимое – одна, без того, чтобы кто-то стоял рядом, называя каждую вещь, и, так или иначе, найдет нужное – ту манеру, тот стиль, который позволит ей втиснуться, проскользнуть в мир Кларка и найти там свое место.

Сцена.

Четыре главных персонажа устроились у бара. Только что получившая развод Розлин входит в казино с Изабель, которая на секунду останавливается, чтобы бросить монетку в игровой автомат. Расположившись за столиком, они заказывают скотч и виски с содовой. Изабель старается подбодрить Розлин: «В этом городе всегда полно интересных незнакомцев». Гэй Лэнгленд, сидящий рядом с Гвидо, впервые попадает в поле зрения, когда поворачивается, чтобы поискать взглядом свою собаку Тома Дули.

Довольно простая, статичная сцена. Несложная для постановки.

Вот только пес не желает сотрудничать. Возможно, из-за окружающего площадку энергетического поля. Или из-за большой толпы снаружи. Или из-за змеящихся по полу электрических кабелей. Так или иначе, кинолог, Синди Джеймс, никак не может с ним совладать. Синди – опытная дрессировщица, и ее, как и остальных членов команды, привлекли к съемкам «Неприкаянных», потому что лучше ее нет. Она училась у знаменитого дрессировщика Фрэнка Инна в «Halsey Canyon», в Санта-Кларита, и прошла путь от ассистентки до мастера. Но Тому Дули нет дела до ее профессиональных достижений! Он прыгает на барные стулья, норовит лизнуть Мэрилин в лицо, пытается вовлечь Гейбла в какую-то свою игру или просто бегает по бару между оборудованием. Присев возле камеры, Синди Джеймс подает псу какие-то сигналы, но они вопиющим образом игнорируются. Том Дули не дает работать. Все, что удается Синди, это немного успокоить своего подопечного и позволить провести репетицию. Она раздражена и, стараясь не слишком уж рассыпáться в извинениях, объясняет, что пес придет в себя, что он обучен исполнять свои обязанности в любой обстановке и ему просто надо освоиться в незнакомом месте.

Гейбл скучает, посматривая на Мэрилин, которая, вооружившись пакетиком с вкусностями, поглаживает собаку в попытке воззвать к его врожденной целеустремленности. Встретившись с ней глазами, Гейбл задерживает взгляд. Когда он начинал, картины снимались иначе. Если кто-то не справлялся с эпизодом или не укладывался в отведенное время, его увольняли.

Это относилось ко всем, от исполнителя первой роли до собаки. Она отвечает на его взгляд, пытаясь принять то твердое, профессиональное выражение, которое видела на лице у Артура, когда тот не соглашался в чем-то с режиссером. Но уверенность по большей части тает и растворяется в ней самой. Она беспокоится, что могла забыть текст…

Но вот камеры начинают работать, Мэрилин входит в роль и реплики летят сами, словно их и не пришлось заучивать. Найти подход к Кларку Гейблу не получается, и как это сделать – она пока не представляет, а вот Розлин Тейбер и Гэй Лэнгленд взаимодействуют на совсем другом духовном уровне, словно впервые встретившиеся и приноравливающиеся друг к другу танцоры. Они перебрасываются репликами, дополняя их: она – кокетливыми жестами, он – взглядами в упор. Ей нравится, когда снимают дубли. Это и не игра даже. Она смотрит на Гэя, чуточку опустив плечи, с едва заметной улыбкой, и при этом продолжает угощать вертящегося рядом Тома Дули. Потягивает собачку за шерстку. Поглаживает по спинке. Смотрит на Гэя, обращаясь к нему, а потом, заканчивая фразу, игриво роняет взгляд. Она оживляется, когда Гэй оправдывает жизнь на ранчо тем, что там все есть и на ранчо «ты просто живешь». Лицо ее светлеет при этой мысли, в правом глазу вспыхивает искорка. «Я понимаю, о чем вы», – говорит она задумчиво. И когда она с беспечным смешком соглашается поехать на ранчо с Гэем, Гвидо и Изабель, на лице ее появляется такое искреннее, такое неподдельное выражение, что кажется, камера захватила его случайно.

Работа заканчивается, и она отходит в сторонку посовещаться с Паулой, спросить ее мнения насчет своей игры. Паула говорит, что все прошло хорошо, что Мэрилин прекрасно выглядела, а советы она даст, после того как посмотрит отснятый эпизод и посоветуется по телефону с Ли. Больше, в общем-то, сказать нечего. Но Мэрилин не спешит закончить разговор. Задает вопросы. Предлагает что-то. Говорит о чем-то. О чем угодно. Пока не видит, что Гейбл ушел и что ей не надо больше ломать голову над тем, как с ним разговаривать.

На следующий день она почти не показывается. Артур беспокойно расхаживает по их комнате в отеле «Mapes», размышляя о возможных изменениях в сценарии и особенно о том, кто же все-таки будет платить по счетам за сцену в Harrah's Club. Ему нужно обсудить кое-что с Хьюстоном. С трудом сдерживая себя, он кричит ей через дверь ванной, что им пора ехать. Напоминает о графике. Она говорит, чтобы он отправлялся без нее. Что они увидятся там.

Артур еще раз стучит в дверь и медленно поворачивает

ручку. Заглядывает в щелочку. Мэрилин стоит на коленях перед ванной – в белом халате, с болтающимся между голых ног махровым поясом. Рука под струей – проверяет температуру.

– Ради бога, Мэрилин. Уже десять.

Она оглядывается через плечо, изо всех сил стараясь оставаться спокойной. Снова и снова пробует воду. Вода слишком горячая. Она поворачивает кран, добавляя холодной. Капельки стекают с ладони и падают в ванну, разбивая почти идеальные мыльные пузырьки.

На него она почти не смотрит. Даже улыбка какая-то вымученная. В последнее время ей кажется, что он требует от нее слишком многого. Как будто она обязана беспрекословно соглашаться с его видением мира. И еще – она чувствует, что он, при всех уверениях в обратном, не воспринимает ее всерьез – ни как актрису, ни в интеллектуальном плане. Уроки актерского мастерства и стопки книг русских классиков воспринимались как некий проект. Она его Элиза Дулитл. Он не столько обсуждает с ней что-то, не столько обменивается с ней идеями, сколько анализирует ее и диагностирует. Ее натура отвергает такое отношение, как нечто чуждое, как трансплантированный орган. Дважды она уже делала это, но сейчас старается сдержать естественный порыв. Нет, ей хочется верить в Артура. Хочется относиться к этому фильму, как к его подарку. Жесту. Но его манера отношения к ней, похоже, не изменилась. Ее раздражает его снисходительность. Она все острее ощущает свою бесполезность. Если собственный муж не воспринимает ее всерьез, то чего тогда ждать от Кларка Гейбла?

– Пожалуйста, просто поезжай, – то ли умоляет, то требует она и вдруг ловит себя на том, что кричит. Наверно, она в любом случае повысила бы голос, но теперь убеждает себя в том, что это из-за шума воды.

Артур говорит, что ему это совершенно не нравится, что деловые люди не ведут себя так, но она видит – в это утро ему куда важнее обсудить изменения в сценарии с режиссером, чем спорить с женой через закрытую дверь. Сегодня он уступит. Сдастся.

– Пожалуйста, не задерживайся из-за меня. Пожалуйста!

Мэрилин приходит в Harrah's Club одна, двумя часами позже. Через толпу любопытных ее благополучно провел и передал под опеку охраны шофер Руди Каутский. Потом он поспешно вернулся к белому «Кадиллаку», выключил «мигалку» и отвел седан на запасную парковочную площадку. В зале затишье. Статисты томятся у столиков. Служащие сбились в кучку и негромко

разговаривают. Красный ковер выглядит более темным, чем накануне, как будто облит вином. Члены ее команды занимаются каждый своим делом и на нее едва взглянули. Всем полегчало оттого, что она все же приехала, но при этом им и немного неудобно за нее. Артур, расположившись в режиссерском кресле, на мгновение поднимает голову, смотрит на нее поверх бумаг и снова погружается в чтение сценария, время от времени помечая в нем что-то карандашом. Она идет в гардеробную по периметру зала, остро ощущая присутствие сидящего у противоположной стены Гейбла. Он один за столиком и, подперев кулаком подбородок, смотрит в окно.

Она нисколько не сожалеет из-за опоздания и не собирается извиняться за то, что заставила их ждать. Ей нужно было это время, большую часть которого, не считая нескольких минут, которые потребовались, чтобы одеться и немного привести себя в порядок, она провела в ванне; лежала, свесив руку к белому полу, водя пальцем по дорожкам между плитками. Сама по себе, полностью расслабленная. Словно у себя дома. Несколько раз она спускала воду и наполняла ванну заново чистой водой. Смотрела на поднимающиеся мыльные пузыри.

Когда она, полностью одетая и готовая предстать перед камерами, появляется в зале, только лишь Джон Хьюстон подает голос, объявляя дубль.

Самое время. Она готова без раскачки войти в образ Розлин.

Конец августа 1960-го: отель «Mapes», Рино

Монти в ударе. Все говорят, что, как только этот сукин сын перестает валять дурака и начинает играть по-настоящему, угнаться за ним невозможно; не позволяйте ему заправиться, и он еще вполне может преподнести приятный сюрприз, стать тем, кто придаст картине устойчивость! Гейбл держится ровно, он – центр, вокруг которого все вертится. Может быть, это из-за него и Монти удается держаться. Он немногословен – за него говорит его герой, – не возражает покататься по пустыне на своем «Кадиллаке», работает, как настоящий профессионал и позволяет себе проявить недовольство лишь тогда, когда на площадке что-то разлаживается, когда кто-то халтурит или переигрывает. Но пока все идет гладко, стычки возникают по делу, драмы – лишь естественная реакция, и Хьюстон внушает всем, что так и должно быть, и все счастливы, все охают и ахают, как будто любуются праздничным фейерверком на День независимости. Все, за исключением Мэрилин, которая ничего не говорит и которая проводит все свободное время или в трейлере, или за консультацией с Паулой Страсберг. Она не понимает, почему никто не замечает ее упорной работы над ролью – главной ролью всей ее жизни. Она обращается к Артуру, сидящему напротив нее в ресторане отеля «Mapes» в Рино, терзающему ножом стейк – то ли лезвие попалось тупое, то ли он режет не той стороной – и ничего ей не говорящему. Последнее просто невозможно: как человек, изливающий слова на бумагу, не может найти для нее ни единого слова. Пусть даже неправильного. «Почему?» – спрашивает она. «Почему?» – отзывается он. Она говорит, что не понимает почему. Она пришла на картину в отличной форме. Золотой глобус за «Некоторые любят погорячей». Интенсивные занятия в Актерской студии. Она в отличной форме. В отличной.

– Думаю, они тебя уважают, – говорит он.

– Ха, – говорит она, наблюдая за тем, как он пытается разрезать мясо вилкой.

– Чего ты хочешь от них, Мэрилин?

– Чего я хочу?

– Да, чего ты хочешь?

По тротуару, мимо окна пробегает собачонка непонятной породы. Шерсть спутанная, масть – песочная, с бурыми пятнами. Похоже, дворняжка, но в ее осанке есть что-то, указывающее на родословную. Песик вроде бы послушный, обученный. На шее толстый кожаный ошейник без опознавательных знаков. Хозяина не видно.

– Есть две разные версии, – говорит она. – Чего хочу я, и что ты хочешь услышать от меня.

Артур оставляет попытки разрезать мясо и отодвигает тарелку. Оглядывает зал с таким видом, словно хочет привлечь внимание официанта.

– Какая нелепость. Это все – нелепость. Мы почти не разговариваем, а когда разговариваем, ты поворачиваешь так, что желание разговаривать снова пропадает. Вроде бы стараешься разгрести, но делаешь только хуже.

– Я и не разгребу.

– У людей ограниченный кругозор. Они могут смотреть только что-то одно, только в одном направлении. В эту самую секунду они просто не смотрят в твоем направлении. Все просто.

– Тебе легко говорить. Потому что тебя они уважают и… – Она не договаривает и указывает пальцем в окно. – Посмотри. – Артур поворачивается, и несколько секунд они оба смотрят на пса, элегантно усевшегося за окном. – Можно подумать, он здесь не просто так, а с какой-то целью.

– Я буду придерживаться первой версии, – говорит Артур.

Она не сводит глаз с собаки.

– Не понимаю, о чем ты.

– О первой версии. Чего хочешь ты.

– Да. Чего хочу я. – Мэрилин подается плечом вперед, но по-прежнему смотрит на собаку, которая сидит неподвижно, как статуя. – Чего я хочу – это знать: почему? Почему я не получаю даже доли того уважения, которое получают Монти или Гейбл. Или даже ты. Дело не в этом… Знаешь, меня даже не считают достойной уважения. И я хочу знать почему. Вот и все.

Пес поднимает заднюю лапу и чешет себя за ухом.

– Я знал одну женщину в Бруклине, – говорит Артур. – Однажды, лежа в постели, она услышала, как кто-то вломился в квартиру. Она спряталась под одеялом и набрала номер по телефону. Но позвонила не в полицию, а своему отцу, который был на другом побережье. Знаешь, что сказал ей отец? «Почему ты звонишь мне? Ради бога, звони в полицию».

– Она позвонила?

– Дело не в том, позвонила или нет. Дело в том, как она себя повела.

Мэрилин отпивает глоток воды. Стекло затуманилось от кусочков льда.

– Ты всегда пропускаешь то, что я хочу знать.

– Мне просто интересно, кому позвонила бы ты. Вот что главное. Как бы ты поступила в подобной ситуации.

– Дай подумать… Может быть, кому-то, кто подсказал бы, как

мне быть. К примеру, моему психотерапевту.

– Конечно, ты так бы и сделала.

Они сидят за угловым столиком. Солнце прячется за тучкой. На Рино ложится тень. Над тротуаром колышутся волны зноя. Пес сидит, ждет, смотрит перед собой. Когда мимо проезжает машина, он вздрагивает, но лишь поворачивает голову, демонстрируя уверенность и достоинство. И снова, высунув язык, смотрит перед собой. Грудь его поднимается и опускается.

– Собачке определенно нужно дать попить, – говорит Мэрилин.

Артур бросает взгляд в окно и снова поворачивается к ней.

– Может, тебе удастся подозвать официанта. Пусть бы вынес миску с водой.

– Говорю тебе: у него есть хозяин! Это ясно уже по тому, как он сидит. Чувствует на себе ответственность.

– И поэтому ему не так сильно хочется пить?

– В том-то и дело, – говорит Артур, – что они относятся к тебе с уважением. Просто ты этого совсем не замечаешь. Наверно, не можешь. – Он случайно задевает рукой стакан, но успевает подхватить его, не дав опрокинуться. – Тебя уважают, потому что твоя роль в фильме – центральная. Все остальные действующие лица проявляют себя через Розлин. Она… Ты тот ключ, из-за которого все и случается. Ты ось всего.

– Это и есть уважение?

– Я пытаюсь сказать, что их уровень уважения не имеет никакого отношения к тому, что ты Мэрилин Монро. Если тебе нужно именно это, то у нас проблема.

– У нас все проблема.

– Ты хочешь, чтобы весь мир мерил тебя по шкале Мэрилин Монро. Хочешь, чтобы тебя замечали и хвалили за то, как ты перескакиваешь от одной Мэрилин к другой. Ты хочешь аплодисментов!

Она перекладывает приборы, меняет местами нож и вилку. Поправляет салфетку на коленях, кладет ее так, чтобы та лежала ровно посередине. Тянется к сумочке:

– Ты заказал мне шампанское? Я же вроде бы просила, когда мы только сели.

Он машет официанту, жестом показывая, чтобы тот принес бокал.

– Пожалуй, ты права, этому псу нужно дать воды. Жара все усиливается, а хозяину, похоже, не до него. Такой чудесный августовский денек.

– Забыл о своих обязанностях.

Артур улыбается, начинает что-то говорить, снова улыбается.

Да, она бывает совершенно невыносимой, но все равно остается очаровательной. Официант приносит бутылку шампанского и два высоких бокала. Артур говорит, что им нужен только один бокал. Сам он сегодня не пьет. Отчасти потому, что не хочет оказаться втянутым в еще одну драму, но в первую очередь потому, что до вечера еще далеко и ему нужно кое-что переписать, сделать более символичной концовку, решить, кто же все-таки выпустит на свободу лошадей.

Съемки «Неприкаянных» вошли в рабочее русло, но чутье ее не подвело. Монти блистает на площадке, а вот у нее в последнее время получается не очень хорошо. Она это знает, как знает и вся съемочная группа, которая обращается с ней очень бережно. Видя их старания, она терзает себя, что лишь еще больше все портит, поскольку идет вразрез с тем самым методом, которого она придерживается и который совершенствует. Ей нужно подчиниться своему персонажу, уйти в роль, но верх берет сознание. Именно оно ведет ее, как будто выступая в качестве подробного руководства для тела. Артур и Хьюстон постоянно говорят, что это только ее воображение. Паула не устает напоминать, что она должна уйти в себя. Они уже снимали на площадке для родео в Дейтоне. Герой Монти, Пирс, вознамерился прокатиться на быке, а Розлин умоляла его не делать этого. Когда заработали камеры, Мэрилин, как и учил ее Страсберг, постаралась переключиться на чувства, а получилось напыщенно и неестественно, как в какой-нибудь мелодраме на школьной сцене. Отчасти она и сама понимала это, но контролировать себя не могла. Поначалу решила, что проблема у нее в голове, что она неверно представляет себе сцену, но потом посмотрела отснятый дубль и поняла, что сама совершенно не попадает в тему. Между тем все отмечали Монти, превозносили его так, словно это он вынул гвозди из ладоней Христа, а Мэрилин даже не упоминали, словно ее там и не было. Только Хьюстон сказал своему помощнику, Тому Шоу, что, может быть, перед завтрашними съемками стоило бы провести репетицию. Издалека она наблюдала за тем, как готовится к следующей сцене Монти – ему предстояло подняться, оглушенному и дезориентированному, с земли после падения. А потом снова забраться на быка. И вот он снова и снова подпрыгивал и падал, подпрыгивал и падал. Все смотрели на этого сукиного сына Монти с открытым ртом, позабыв про все на свете.

Она достает из сумочки пузырек. Открывает его одним ловким движением большого пальца.

– Кто-то вламывается в мою квартиру. – Она бросает в рот пилюлю. Запивает шампанским. Проглатывает и смотрит поверх мужниного плеча на официанта. – Пожалуйста, дайте воды той собачке, иначе бедняжка свалится.

Вторым глотком Мэрилин допивает шампанское и, поманив Артура, наклоняется вперед. Она не желает, чтобы кто-то услышал то, что ей хочется сказать ему. Признается, что вчера, когда снимали сцену с Монти, забыла, как его зовут по сценарию.

– Понимаешь, я знаю, как его зовут. Знала. Но не могла вспомнить. Не могла вспомнить, что в фильме его зовут Пирс.

– День был трудный. Долгий. И там так жарко.

– Нет. Не понимаю… Я знала его имя. Знаю все свои реплики. И не только свои. Я все реплики знаю. Только вспомнить не могу. Сначала все идет хорошо, а потом вдруг… ничего. Белая полоса.

– Сцена была нелегкая, вот и все. Съемки шли трудно.

Мэрилин наливает себе еще один бокал. Ставит бутылку на середину стола, частично закрываясь от него.

– Нет. Это было бы слишком легко. Здесь должно быть что-то другое.

– Что, например?

– Вот я тебя и спрашиваю.

– Послушай. В сценарии только две страницы, где у тебя нет ни одной реплики. Много чего происходит. Понятно, что можно что-то перепутать. К тому же, как я только что сказал, жара тоже дает о себе знать. Это чудо, что к концу дня мы еще в состоянии помнить собственное имя.

Она кивает:

– По-твоему, я об этом не подумала?

– Конечно, подумала.

– И я на это не куплюсь. Ты же всегда пытаешься сказать, что дело во мне…

– Другими словами, на этот раз ты хочешь сказать, что дело во мне?

Нет, отвечает Мэрилин, дело не в нем, а в ней. Она смотрит ему прямо в глаза, смотрит сосредоточенно, стараясь не нарушить зрительный контакт, собирая все силы, чтобы сказать ему то, что нужно. Что у нее не ладится из-за него. Взять хотя бы сценарий, в котором он представил ее в своей романтизированной версии. У нее дрожат колени. На кону не его намерения, но их результат, сценарий. Скорее бы растворилась и разнеслась по венам таблетка. Все дело в сценарии, повторяет она. Она заучила реплики, вцепилась в них, но так и не смогла принять в себя. Она боится, что не сможет стать Розлин, пока Артур не позволит ей не быть его творением.

– Так что ты хочешь сказать? – спрашивает он.

– Я не знаю, как выразить это по-другому.

Мэрилин допивает шампанское и с облегчением, словно отпуская долго сдерживаемый вдох, отводит глаза. За окном официант осторожно подкрадывается к псу с миской и стучит по краешку, привлекая его внимание. Склонив голову, пес смотрит на официанта и неспешно убегает. Она думает о том, что вот природный газ не имеет никакого запаха и что газовые компании в качестве меры предосторожности добавляют в него серу. Для общей безопасности.

Артур отталкивает тарелку.

– И что дальше? – спрашивает он. – Мне еще нужно многое переписать. Буду работать всю ночь. Опять.

На следующее утро Мэрилин жалуется на слабость и общее недомогание. Звонки туда, звонки оттуда. Артур и Хьюстон. Хьюстон и продюсеры. Продюсеры и ее врачи. Она в переговорах не участвует. И ничего в происходящем не понимает. О ней говорят, ее обсуждают так, словно речь идет о ком-то другом.

Мэрилин отвозят, наконец, в аэропорт. Жара бьет рекорды, и ее ведут к самолету закутанной во влажную простыню. В Лос-Анджелесе больную доставляют в Уэстсайдский госпиталь Лос-Анджелеса. Мысли кружатся в голове туманом, невнятные, агрессивные, словно строчки из сценария. Она слышит, как члены съемочной группы винят ее за задержку и говорят, что скорее ожидали подвоха от Монти. Такие мысли еще больше ее угнетают. Она лишь надеется, что Гейбл не изменил свое мнение о ней в худшую сторону. Вот это было бы непоправимо. Еще до прибытия в Лос-Анджелес доктор Хайман Энглберт сообщает, что для поправки здоровья ей, по-видимому, придется задержаться по меньшей мере дней на десять. Он уже пришел к выводу о ее физическом и эмоциональном истощении. Это не означает, утверждает доктор Энглберт, что съемки должны быть приостановлены, но в течение означенного периода Мэрилин, скорее всего, будет недоступна. Она уже слышит, что говорят собравшиеся в «Mapes» продюсеры и члены съемочной группы: отказаться от нее и потребовать, чтобы Хьюстон отправил Артура переработать сценарий для продолжения съемок в ее отсутствие.

Уже в палате, переодевшись в больничную сорочку и халат, Мэрилин смотрит в зеркало – выглядит она ужасно. То, что гложет ее изнутри, теперь проступило на лице. Это не уродство, как она предполагала вначале. Это упадок сил. Как будто мышцы одрябли, и кости бессильно провисли. Полный коллапс.

Середина сентября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, Невада

Издалека все выглядит почти игрушечным. Поезд катит по рельсам, прокладывая через пустыню прямую линию. Кажется, он и не движется вовсе. Над трубой поднимается почти идеальный клуб дыма, который не рассеивается, а висит, сохраняя форму, над мчащимся локомотивом. Ты смотришь через равнину на съемочную площадку, которую устраивают вдалеке. Ты видишь ассистентов, разговаривающих с Хьюстоном, который даже не поднимает голову. Видишь гримеров за работой и склонившуюся над Эвелин Агнессу, видишь осветителя, направляющего свет на платье Эвелин.

Солнце только-только взошло. От грима отказались – он все равно растекается почти сразу после нанесения. Теперь они просто ждут. Ничего особенного, всего лишь песчинки на лике невадской пустыни, но ты знаешь выражения на каждом из лиц. Они как будто смотрят на тебя.

Ты едешь к ним. Так им сказали. Водителю наказали передать им, что ты едешь. Что ты просто хотела немного передохнуть. Что ты готова пройти до конца, даже если придется идти днем и ночью. Ты знаешь, что скажет Хьюстон: «В этой гребаной пустыне?» – а какой-нибудь умник добавит: «Да она себя Моисеем возомнила!» Гейбл просто покачает головой, а Монти закроет глаза, благодаря Бога за паузу – только бы похмелье прошло…

И твой муж будет стоять, скрестив на груди руки и глядя себе под ноги. Будет слизывать пот с губ и подталкивать вверх, на переносицу, очки, придерживая их, чтобы не соскользнули. Будет думать о таблетках, но не станет говорить о них, потому что, при всей своей серьезности и всем своем интеллекте, на самом деле он ничего не понимает. Для чего они нужны? Чтобы легче засыпать? Легче просыпаться? Но больше всего он боится, что ты вообще не приедешь. Потому что «Неприкаянных» он создал для тебя. Он рискнул своей карьерой драматурга ради того, чтобы тебя увидели такой, какая ты есть. Он придумал сюжет, придумал персонажей, каждый из которых ведет внутреннюю войну, и сделал их символами современного мира. Он знает, как все должно пойти, и каждый день переписывает какие-то реплики. Он работает по ночам. Спорит с Хьюстоном, добиваясь правильной передачи именно его видения истории. Он хочет, чтобы тебя

воспринимали всерьез, и этого же хочешь ты сама, но каждый день и каждую ночь вы спорите по одному и тому же поводу – почему никто не ценит тебя по-настоящему. Он убеждает тебя в обратном, говорит и делает вид, что поддерживает тебя, но ты же знаешь, *что* он думает на самом деле. Вернувшись однажды в отель, когда Артура там не было, ты увидела на столе, рядом с бумагами, блокнот и, зная, что поступаешь нехорошо и неправильно, раскрыла его. Обнаружив, что это дневник, стала читать, переворачивая страницу за страницей, щурясь, как если бы смотрела на дорожную аварию. Большая часть записей касалась съемок, изменений в сценарии и раздраженных замечаний по этому поводу, но рядом почти с каждой из недавних записей стояло твое имя. Ты читала и перечитывала касающиеся тебя абзацы, в особенности тот, где он написал о том, как легко ты смущаешь его, когда пытаешься говорить на какие-то интеллектуальные темы. Ты хотела вырвать страницу и разорвать ее на сотню кусочков, но поняла, что именно такой реакции он и ожидал бы от тебя, а потому закрыла блокнот, вернула на место и пообещала себе не забывать, как чувствовала себя, когда читала это. Запись в дневнике значила куда больше, чем любое заявление о поддержке.

Поезд все ближе, хотя и остается маленьким, и земля под ногами начинает дрожать. От поезда пахнет горящим углем. На деревянных шпалах старый бензиновый запах. Ты жалеешь, что у тебя нет монетки – положить на рельс. Выбрать нужный момент, положить пенни и быстренько убрать руку, а потом стоять и смотреть, как она дрожит, как пытается удержаться, как потом на нее накатывают, расплющивая, колеса, и Линкольн растягивается, а пенни превращается из чего-то стоящего в нечто диковинное…

Тебе уже нужно быть там, как ты и обещала с самого начала. Но ты чувствуешь себя песчинкой в пустыне. Само место не напугало тебя так сильно, как они опасались. Странно, но ты даже испытала что-то вроде гордости из-за того, что твоим фоном станет не блеск огней, не деньги, власть или секс, а пустыня. Тебя это бодрит.

Муж, кажется, замечает тебя. Говорит что-то Хьюстону, потом поднимает руки, как потерпевший кораблекрушение, и машет, привлекая твое внимание. Может быть, если ты будешь стоять неподвижно, не отводя глаз, не шевеля рукой, то он подумает, что ты его не увидела. Он поворачивается к Хьюстону, и Хьюстон бьет каблуком о землю и сплевывает в поднятое им же облачко пыли. Твой муж снова машет и идет к тебе – впечатление такое, что он идет быстрее поезда. Ты стараешься держаться спокойно, смотришь мимо него, и он исчезает из поля зрения. Если ты не

видишь его, то и он не видит тебя.

Земля сотрясается все сильнее. Ты слышишь стон поезда. Стон набухает внутри, в животе, вызывая неприятное, почти тошнотворное ощущение. Еще немного – и ты не сможешь работать.

Конец сентября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, штат Невада

Мэрилин замечает, что из пореза на груди мустанга идет кровь. Животное лежит на песке, возле пикапа, на котором его привезли к съемочной площадке. Они готовятся снимать сцену, в которой персонаж Монти, тронутый горем Розлин, крадет грузовичок, едет к лошади, выскакивает из кабины, режет путы и отпускает животное на свободу. Но жеребец уже поранился. Она смотрит на тонкую кровавую полоску, пытается приглядеться получше, но дублер Монти, Дик Паскоу, предупреждает, что приближаться не надо, что этот мустанг – настоящий боец. В белой рубашке и голубых джинсах Мэрилин топчется у пикапа, не зная, куда повернуть, и пыль со дна высохшего озера следует за ней по пятам. Рану на груди животного никто как будто и не замечает; наверное, никому, кроме нее, до него и дела нет.

Мэрилин перехватывает взгляд Артура.

– Он ранен. Вон там. – Она протягивает руку. – Вон там.

Артур смотрит, прищурившись, поверх кузова. На нем куртка в стиле «вестерн», которая совершенно ему не идет и висит, как на пугале, придавая мальчишеский, маскарадный вид. Держится он спокойно и невозмутимо, как всегда в последнее время, когда разговаривает с ней. Мэрилин такая манера только злит; она считает ее специальным приемом, своего рода методом управления, столь же аффектированным и фальшивым, как и темная замшевая курточка с ковбойской бахромой.

– С ним все в порядке, – говорит Артур. – Поцарапался немного о проволоку, ничего особенного. – Он смотрит в сторону напоминающего большой гриб временного кораля, обнесенного тонкими деревянными досками, связанными тремя параллельными рядами проволоки. В широкой части загона топчется дюжина лошадей, узкая часть примыкает к большому трейлеру.

– Всего лишь порез, пустяки.

– Нет! – Она качает головой, сжимает и разжимает кулаки. – Ты разве не видишь, что он ранен?

– Говорю тебе, лошадь в порядке. У них это обычное дело. Иногда с животными что-то случается, но потом они выздоравливают. Обычное дело.

За грузовиком по дощатому настилу катится операторская тележка. Хьюстон еще раз объясняет Паскоу последовательность

действий: выбежать с ножом, разрезать веревки и отпустить мустанга на свободу. Потом отогнать его подальше и бегом вернуться в машину. Задействовать в этой сцене Монти не решились – конь непредсказуем. Хьюстон повторяет, что сделать все нужно быстро и правильно – дублей не будет.

Мэрилин идет от Артура к Хьюстону.

– Джон. Джон. Нет.

Он, не оглядываясь, отмахивается.

– Нет, Джон, – говорит она, но голос не поднимается выше шепота. – Отпусти его. Вырежи эту сцену. Отпусти его. Он ранен. Нельзя его мучить. Давай отложим этот эпизод. Хотя бы на время, а?

Хьюстон машет Паскоу – «Давай!» Паскоу выскакивает, обегает грузовик, выхватывает нож и перерезает путы – все в одном дубле. Мустанг ржет, бьется и устремляется к загону, где носится по кругу среди других лошадей, влетает и вылетает из трейлера и, наконец, успокаивается и трется о те самые доски, о которые и поранился раньше.

Лицо Хьюстона скрыто солнцезащитными очками и широкополой шляпой, и понять по нему что-то невозможно; иногда кажется, что оно вообще ничего не выражает. Мэрилин стоит между ним и Артуром, поникнув, с повисшими тяжело руками, которые как будто тянут ее к земле. Хьюстон наконец смотрит на нее, слегка склонив голову:

– Ну? Чего вы там хотели?

Она знает, что они ждут. Она уже пропустила один звонок.

Сидя на краю кровати, Мэрилин играет проволочной сеточкой от бутылки шампанского, просовывая в нее и вытаскивая указательный палец. Она только что позвонила портье, сказала, что готова, и попросила предупредить, когда появится водитель. Портье заверил, что пришлет за ней незамедлительно. Она сказала, что водитель, может быть, уже прохлаждается снаружи, и портье с некоторым раздражением, из-за чего в его вполне мужском голосе прорезались мальчишеские нотки, повторил, что пришлет за ней сразу же, как только тот появится. Мэрилин проталкивает палец поглубже, крутит проволоку, и кончик пальца сначала краснеет, а потом белеет.

Из-под кровати высовывается горлышко бутылки. Мэрилин катает ее каблуком взад-вперед.

Все случилось так быстро. Мэрилин не помнит, она ли сказала Артуру снять себе комнату или он сам так решил. Она едва помнит, когда они вообще разговаривали. Помнит только, что кричала. Что было, то было. И вот – одна в комнате. Быть

одной – паршивое чувство, но в нем есть что-то уютное, фамильярное. И она уже начала смиряться с тем, что каждый шаг вперед – есть, по сути, шаг в прошлое.

Негативные силы существуют. Они – составляющая того электричества, что вращает мир, разряд, возникающий при попытке соединения негативного и позитивного. В прошлом решение было простым: не показываться. Суть этой тактики не только в том, чтобы спрятаться от проблем, обойти их, но и в том, чтобы просто сохранить себя, выжить, не имея внутренних ресурсов для сопротивления всему тому дерьму, что летит в тебя отовсюду. Тебе нелегко сражаться и с собственными сложностями, а уж выйти за дверь и отбиваться от атак едва ли не со всех сторон – задача почти невыполнимая. Особенно, когда ты еще стараешься сохранять ясную голову, спокойствие и самообладание. Поэтому тебе легче просто никуда не ехать (или, по крайней мере, оттягивать, насколько это возможно). Да, она понимает – не дурочка все-таки, – что это раздражает других, но они просто не понимают, что в результате выигрывают все, потому что если она поддастся давлению, пойдет на уступку ожиданиям и прибудет на площадку не готовой, то ее защита не выдержит, а ее душевное состояние окажется под угрозой. Она тут же расклеится. Да, возможно, она ведет себя по-детски, не желая верить, что зло неудержимо, но ей все еще хочется думать, что если зажмуриться, то все плохое просто исчезнет.

Она смотрит на телефон – не позвонить ли еще раз вниз? Машина уже должна быть здесь. Она беспокоится за Гейбла – ждать в пустыне, под палящим солнцем – нелегкое бремя для человека в его возрасте. С каждым днем он выглядит все более и более изможденным. Как и ей, ему все труднее сохранять энергию; как и она, он оживает лишь тогда, когда включаются камеры. У нее и в мыслях не было заставлять его ждать, и он, кажется, знает это. Понимает, как ей нелегко. Знает: ты не хочешь навредить. Ты стараешься отвести неприятности. Она тянется к телефону и уже собирается повернуть диск, но обнаруживает на пальце проволочную сетку. Пытается стряхнуть, потом поворачивает, одновременно выкручивая палец, но лишь сильнее сжимает кончик, и вот уже под проволокой проступает тонкая полоска крови. Она сидит с пересохшим ртом, глядя на палец и не зная, что делать, держа ногу на бутылке, наблюдая, как красная полоска набухает, как срываются и падают на простыню капли, как они растекаются и смешиваются, словно акварельная краска. Что делать с проволокой? Как остановить кровь?

От отеля до озера Пирамиды час езды. Она представляет, как мрачнеет день, как собираются, обещая дождь, тучи. И все ждут

ее. Но что бы ни обещало небо, в пустыне в любом случае невыносимо жарко. Она не может даже представить себя там, в этой духоте. Но опаздывает Мэрилин не поэтому, не из-за погоды. Причина далеко не так проста.

Конец сентября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, штат Невада

Она снова и снова слушает указания Ли Страсберга: установи контакт с памятью об эмоциях, помни, что ты чувствовала, держи их под рукой, будь всегда в эмоциональной готовности.

Она стоит на сухом дне озера Пирамид, одна перед выстроившейся полукругом съемочной группой. Впереди долгая сцена, в которой Розлин кричит на всю широкую равнину, окруженную заснеженными горами Сьерра. Позади нее операторский кран. На ней джинсовая курточка и «ливайсы»; обдумывая текст, она потягивает концы воротничка своей белой рубашки. Ей не совсем понятно, как играть сцену. Есть логика последовательности, и она должна подчиняться ей, но есть еще и подсознание. Игра, слышит она голос мистера Страсберга, это не то, что ты делаешь. Это то, что происходит. И вот она стоит, готовясь сыграть сцену, которая может стать душой картины, глядя на Розлин из культурного мира, частью которого стала в Нью-Йорке, но не до конца веря, что ей удастся найти контакт с тем эмоциональным миром, важность которого особенно подчеркивал Страсберг.

По сценарию от нее требуется повернуться и в отчаянии прокричать поймавшим лошадей мужчинам, что они убийцы. Ее последний монолог – призыв сохранить все как есть, не дать миру рассыпаться. Здесь не будет крупных планов. Будет только женщина, пытающаяся удержать равновесие в мире, который несется слишком быстро…

Артур нервно расхаживает туда-сюда, говорит что-то Хьюстону, пишет, потом, наклонившись к режиссеру, показывает ему планшет. Гейбл сидит в режиссерском кресле, том самом, на котором написано ее имя. Запахивает плотнее куртку; глаза его прячутся в тени громадной шляпы. Его протянут по дну озера на веревке – он настаивает на том, что сам исполнит все свои трюки, – и впервые за последние три месяца он выглядит по-настоящему изможденным. Утром Гейбл сообщил, что его жена Кей ждет ребенка. Известие об этом, должно быть, подкосило его и даже, может быть, напугало. Тем не менее он держался бодро, с искренней радостью отвечал на поздравления, жал руки и обнимался. Потом устроился в кресле и уже почти не вставал. Только смотрит под ноги.

Все собрались возле камер, ждут инструкций. Мэрилин стоит

на месте, стараясь держаться в роли, пока режиссер не даст команду. Хьюстон исчезает за шторой в кузове грузовичка, кашляя как фырчащий мотор. Скорее всего, проверяет, правильно ли установлены камеры, соблюдены ли ракурсы и, вообще, все ли в порядке.

Артур все расхаживает взад-вперед, понемногу смещаясь к Пауле. Они почти не разговаривали с тех пор, как разошлись по разным комнатам. И не то, что она злится или чем-то недовольна. Ей просто нечего сказать. Артур же сохраняет дистанцию, стараясь не дать повода для вспышки. Он, похоже, уже готов к тому, что картина провалится, и заметно нервничает. Боится, что в эти последние дни она сломается перед камерой. Артур говорит что-то Пауле, та, как всегда, сдержанно кивает и, повернувшись к Мэрилин, делает жест ладонями, призывая успокоиться. Какое странное приятельство: Паула никогда Артуру не нравилась, Страсбергов он считает сектантами, а теперь вот пытается сблизиться с ней. Неужто действительно так сильно волнуется? Неужто еще не заметил, что камера почти всегда придает ей уверенности?

Поднимается ветер. По песку крадутся тени. Мэрилин остается на месте. Пританцовывает. Трясет руками. Разминает шею. Снова и снова повторяет текст. Как тряпичная кукла, ждущая команды ожить.

Хьюстон выходит из-за черной шторы и спускается на землю. Хлопает руками, топает и, словно это заранее подготовленный фокус, на мгновение исчезает в поднявшемся облачке пыли. Съемочная группа собирается вокруг него. Он отряхивается от пыли. Отворачивается, откашливается в сторонку. Паула машет Мэрилин, чтобы та подошла ближе. Съемки откладываются, объявляет свое решение Хьюстон и объясняет, что для сцены нужно хорошее естественное освещение, а день уже клонится к вечеру, и небо хмурится. Все переносится на завтра. Мэрилин чувствует на себе недовольные взгляды, как будто перемена в погоде – тоже ее вина.

Гейбл поднимается и смахивает пыль с джинсов.

– Ну что ж, я только рад.

Он говорит, что хочет осмотреть автомобильную коллекцию Харры. Это единственное, что интересует его в Рино. Кто-то спрашивает, не перевезти ли в «Мерес» его жену Кей. Гейбл качает головой, шутит, что из всего старья ей нравятся только актеры. Люди расходятся по своим делам, посмеиваясь: мол, бюджет картины и без того давно превышен, так что еще один день ничего в этом плане не изменит.

Мэрилин не обращает ни на что внимания. Смотрит на небо –

вот бы подул ветерок и унес тучи! Но они растянулись до самого горизонта, и за ними уже не видно синевы. Не видно горных вершин. Она не хочет, чтобы Хьюстон переносил съемки. Она настроена снять сцену сегодня. И дело не в том, что сегодня она хорошо помнит текст. Иногда вдруг наступает такой момент, когда твой персонаж полностью овладевает тобой и готов проявить себя. Так случается. Ни с того ни с сего. Если бы она могла – собрала бы всю оставшуюся силу и разогнала тучи своим дыханием, оставив себе ровно столько жизни, чтобы отдать ее перед камерой!

Позабыв обо всех, Мэрилин идет неторопливо, как будто прогуливаясь по дну высохшего озера, и снова оказывается на том месте, где произносит свой монолог Розлин. Свет в пустыне желтеет, делается почти матовым, и запах неба начинает меняться на сладковатый, с затхлостью, аромат. Рабочие убирают операторский кран. Трейлеры с животными уезжают. Прожектора уложены в ящики. Гейбл уехал, а за ним и почти вся команда. Оставшись одна, она заставляет себя представить, что бы чувствовала в этот самый момент Розлин, но потом гонит эти мысли, сама себя ненавидя за это.

Середина октября 1960-го: съемочная площадка «Неприкаянных», озеро Пирамид, штат Невада

Камера наезжает на Гейбла. Он лежит на земле – в кожаных чапсах[4] и сапогах, на руках перчатки – и держится за привязанную к грузовику веревку, готовый к сцене, в которой его тащит за собой мустанг. Волосы спутаны, потное, обветренное лицо выглядит усталым и суровым. Грим еще не нанесли, но принесенная ветром соленая озерная пыль уже добавила ему нужной выразительности. Лежать вот так и ждать – дело нелегкое, требующее немалых сил. Хьюстон наклоняется над ним, передвигает чуть левее треногу, смотрит в видоискатель и говорит, что камеру надо подать ближе.

Натурные сцены отсняты. Для этого использовали время, когда Мэрилин опаздывала или когда не было уверенности, что она вообще появится на площадке. Вторая группа снимала несущихся по равнине лошадей. Хотя Гейбл и заявил, что будет делать все сам, его дублеру Джиму Пейлену работа тоже нашлась – его задействовали в сценах с лошадьми, снимавшихся общим планом. Даже Гейбл знал, что это слишком опасно. Опасения подтвердились, когда жеребец по кличке Бутс ударил Пейлена, который играл упавшего Гэя, копытом в голову, возле виска. Какое-то время дублер лежал неподвижно, и некоторые подумали, что он мертв или, по крайней мере, получил сильное сотрясение мозга, но тут Пейлен наконец пробормотал что-то и сел. Ему повезло, если, конечно, такое можно считать везением. Не было случившееся и происшествием, потому что работа с дикими лошадьми подразумевает риск. Многие отметили, хотя и промолчали, что опасность как будто приходит тогда, когда график сбивается из-за Мэрилин. Ей это тоже приходило в голову. Сама мысль о том, что совпадение может быть действительным звеном между очевидной причиной и следствием, чаще пугает ее, чем забавляет.

Гейбла должны протащить за грузовиком по дну озера примерно четыреста футов, при этом камера все время будет следовать за ним. Потом сцену повторят, снимая уже с кузова грузовика. Договорились, что автомобиль будет идти со скоростью тридцать пять миль в час, то есть со скоростью лошади, и Гейбл собственным телом пересчитает все кочки и неровности. График съемок уже превышен на двадцать пять дней, так что снять все нужно как следует – и с первого раза. Времени у

них предостаточно, говорит Гейбл, потому что Мэрилин появится никак не раньше, чем через два часа.

– Ну что, уже начнем? – хриплым, высушенным голосом спрашивает Гейбл.

Приникнув к видоискателю, Хьюстон бормочет, что ему надо еще несколько минут.

– Еще несколько минут, – говорит Гейбл. – Еще несколько минут. – Он опускает голову на песок и тут же ее поднимает, сплевывая с губ налипшую пыль. – Весь фильм я только и слышу про еще несколько минут.

Мэрилин приезжает, когда его провозят уже во второй раз. Пикап мчится по прямой, оператор в кузове, и Гейбла, болтающегося на конце веревки, швыряет во все стороны. В какой-то момент кажется, что это не актер и даже не дублер, а манекен, то взлетающий с обманчивой легкостью, то грохающийся о землю. Ей больно видеть Гейбла таким – обычным человеком, с реальными синяками, ничем не отличающимся от других. У их соседа, когда она жила в одной из приемных семей, была собачка, и однажды, когда она разлаялась, сосед вышел из дому с мотыгой и приказал ей замолчать. Собачонка продолжала лаять, и тогда он просто рассек животное пополам. Вот так бывает, когда людям нужно что-то для себя. До последствий никому нет дела. Они готовы разорвать тебя на куски. Только лишь ради того, чтобы в их мире был порядок.

Из Вегаса сегодня хорошие вести. В следующем месяце состоятся президентские выборы, и букмекеры дают 6 к 5 в пользу Кеннеди против Никсона. Сдвиг немалый, если учесть, что всего лишь на прошлой неделе Никсон опережал соперника при соотношении 8 к 6. Как пишут в газетах, Джордж Гэллап полагает, что ни он, ни кто-то другой не может «предсказать исход ноябрьских президентских выборов с научной точностью», реальными предсказаниями всегда занимаются букмекеры. Может быть, эти новости несут хоть какую-то надежду, особенно в свете недавнего доклада под названием «Сообщество страха», опубликованного Центром по изучению демократических институтов. Согласно этому докладу, гонка вооружений будет продолжаться, и Соединенным Штатам придется уйти под землю, построить в пещерах заводы, жилые дома и магазины. А тем временем «The New York Times» поместила статью-предупреждение под заголовком «Осторожнее с темной помадой», в которой говорится следующее: «Пользуясь темно-красной губной помадой, откажитесь от ярких теней для глаз. Лучшие – черные или синие, но ни в коем случае не красные». Этим

вечером она собирается с мужем на вечеринку, которую Хьюстон закатывает в ресторане «Рождественское дерево» в честь дня рождения Артура и Монти, и уже нанесла темные тени – не потому, что так лучше, а потому, что менее опасно, хотя «менее опасно» и не совсем то же, что «безопасно». Она пойдет с Артуром, потому что у него день рождения, и они все еще женаты. Такие вещи важны, пусть даже ей и придется сидеть, прижавшись к окну, в машине, смотреть на сосны вдоль автострады, молчать на всем пути вверх по склону и страдать от непонятной нервозности, освободиться от которой можно либо бокалом джина, либо таблеткой нембутала. А потом она вернется к себе и уснет, чтобы завтра снова встать перед камерой.

К их прибытию ресторан уже заполнен. Собралась вся голливудская братия. Приехала даже мать Хьюстона. Остались последние сцены, один день съемок, а все в компании радуются так, словно сегодня уже премьера. Одни сидят за столами, разделываясь со стейками, и их лица разрисованы тигровыми полосками сумеречного света. Другие сгрудились у камина, хохочут и предлагают шутливые тосты. Большинство в баре или за игровыми столами.

Но где Гейбл? Только его одного и не видно.

Стоя у карточного стола и потягивая мартини, Мэрилин оглядывает зал. Гейбла, похоже, нигде нет. В конце концов она спрашивает у Хьюстона: не видел ли он его? Хьюстон объясняет, что Гейбл отпросился – не очень хорошо чувствует себя после той съемки, когда его волокли по озеру. Столько дней под солнцем и ветром, на жаре. Остался на ночь в отеле.

Мэрилин молчит. Она еще не подозревает, что ее в чем-то обвиняют, но уже чувствует себя виноватой.

Она допивает мартини и берет со стола пару костей. Трясет.

– Бросай, – говорит ей Хьюстон. – Ну же, дорогуша!

Но она только подкидывает кости на ладони. Слушает, как они стукаются друг о друга. Меняют комбинации. На указательном пальце остался шрам от проволочной сетки. Кости переворачиваются, числа меняются. Пусть выпадет счастливое. Она пытается рассчитать комбинацию. Ладонь как будто наполняется кровью.

– Не думай, – говорит Хьюстон, нетерпеливая притопывая. – Просто бросай.

Ноябрь 1960-го: Лос-Анджелес

В ноябре умирает Гейбл. После сердечного приступа в конце сентября, спустя всего лишь один день после съемок последней сцены в студии «Paramount», когда, по крайней мере для него, участие в «Неприкаянных» закончилось. Он десять дней провел в пресвитерианской больнице Голливуда. Боль настигла актера дома, грудь сдавило так сильно, что, казалось, еще минута, и она сломает его, сокрушит ребра. Кей, которой уже приходилось иметь дело с сердечными проблемами, сразу узнала симптомы и позвонила в «Скорую». В течение десяти дней состояние понемногу улучшалось, и доктор Черини высказывался в осторожно-позитивном духе. Бывшая на шестом месяце Кей обосновалась в пустой соседней палате. Сидя рядом с ним, она старалась держать его ладонь на своем округлившемся животе, а когда он спал, медики следили за ее состоянием. Посетители из Голливуда рассказывали, как идет монтаж картины, хотя докучать больному такого рода новостями никто не решался; делалось это, скорее, для того, чтобы он знал: жизнь, частью которой он был, идет своим чередом (некоторые из посетителей ни о чем другом, собственно, говорить и не могли). Но утром 17 ноября сердце снова взбунтовалось, и когда все кончилось, он лежал, откинув голову на подушку, с открытыми глазами, с выражением, в котором не было ни покоя, ни страха – только яростное неприятие больничной койки. Медсестра сразу же позвала Кей, никто и не попытался смягчить удар. Последний день был для него лучшим из проведенных в больнице. Отвлекшись от мыслей о здоровье, Кларк говорил с женой об их еще не родившемся ребенке, извинялся за доставленные неудобства, клялся, что будет хорошим отцом и мужем, умеющим постоять за семью. Может быть, как раз потому, что он забыл в этот день о сердце, оно и воспользовалось этим шансом, чтобы остановиться. Всю свою жизнь этот человек верил только в бдительность. Отказавшись от дублеров, он согласился, чтобы его протащили на веревке по пустыне, потому что не мог передать боль Гэя, не испытав ее физически. Иначе ему пришлось бы просто играть.

В операторской номер 5 студии «Paramount» Хьюстон вовсю работает с монтажерами, Джорджем Томазини и Доком Эриксоном. Они просматривают дубль за дублем, спорят, обсуждают освещение, углы зрения, складывают фильм по кусочкам, торопятся. Кларк Гейбл умер, и студия хочет как можно

скорее передать «Неприкаянных» в кинотеатры. Хьюстон не спорит, оправдывая решение компании воспользоваться ситуацией: если картина выйдет до 31 декабря, последнего срока подачи заявок на награды Американской киноакадемии, то он еще сможет почтить память Гейбла выдвижением на «Оскара». Кларк сыграл хорошо, говорит он, и вполне заслуживает награды. И вот они режут и подгоняют, склеивают и сшивают – делают все, чтобы оживить тысячи кусочков пленки.

Находясь в больнице, Гейбл получил в День примирения поздравление от президента Эйзенхауэра, призывавшего его «держаться». У Эйзенхауэра был свой опыт в такого рода делах. Не беспокоиться. Держаться. Выполнять предписания докторов. И не злиться.

В тот же день, на другом краю страны, в половине второго пополудни, у дома 444 на Восточной пятьдесят седьмой улице, куда вернулась Мэрилин, ее ассистентка, Пэт Ньюкомб, объявила наспех собранной группе репортеров, что Мэрилин и Артур Миллер расстаются. Подчеркнув, что речь не идет о разводе, она дала понять, что пара расстается дружески, решение принято в результате нескольких встреч между мистером Миллером и мисс Монро, причем переговоры прошли без участия адвокатов. Миллер публично ничего не сказал, но в разговорах с близкими людьми признал, что шансов на примирение нет. Мэрилин к репортерам не вышла. Ньюкомб объяснила, что она еще не одета.

Гейбла похоронили в Глендейле, Калифорния. Церковь вместила около пятисот человек, еще триста собралось снаружи. «New York Times» писала, что «гроб утопал в цветах, поверх которых лежала небольшая корона из темно-красных роз». Поскольку Гейбл имел звание майора авиации, хоронили его по военному обычаю – у гроба стоял караул, с последним словом выступил капеллан Джонсон Уэст. Присутствовали, конечно, и представители Голливуда, а среди выносивших гроб были Спенсер Трейси, Джимми Стюарт и Роберт Тейлор. Гейбла похоронили рядом с его третьей женой, Кэрол Ломбард. Там же осталось и свободное место для Кей.

Через некоторое время после похорон Кей сказала, что смерть ее мужа приблизили съемки в «Неприкаянных», особенно «постоянное ожидание» на площадке. Некоторые интерпретировали ее слова как обвинение в адрес Монро; ее неспособность соблюдать график съемок, опоздания и неявки создавали эмоциональный стресс, дополнявший физический стресс от ожидания на жаре. Кей отрицала, что имела в виду Мэрилин, и даже пригласила ее на крещение новорожденного

Джона Гейбла. Но Мэрилин все равно считала себя виноватой. Ее угнетало сознание, что она могла быть причастна к смерти человека, которого идеализировала и на которого всегда могла положиться.

Одно дело, когда перед тобой размахивают оружием, и совсем другое, когда это оружие случайно стреляет в неверную сторону.

27 июля 1962-го: «Cal Nova Lodge», Кристал-Бэй, Невада

В разговоре с репортером «Las Vegas Review-Journal» Филлис Макгуайр из музыкального трио «Сестры Макгуайр» высказывает предположение, что Синатра «никогда не мог понять», как вредит ему дружба с Джанканой. Филлис знает, что говорит: «Сестры Макгуайр» регулярно выступали в «Celebrity Room» и, что более важно, она сама была подружкой Джанканы. Макгуайр заявляет: «Он дружил с парнями долгие годы». В своем докладе от 11 октября 1962 года специальный агент чикагского отделения ФБР отмечает: «Джанкану следует считать вооруженным и опасным, поскольку он – психопатическая личность, отличается буйным нравом и постоянно носит при себе огнестрельное оружие».

6 октября 1959 года Джанкана на четверть часа предстал перед чикагским федеральным большим жюри, проводившим расследование по делу о «гангстерском контроле» над Раш-стрит, центральным районом города, где сосредоточено большинство ночных клубов. «Chicago Sun-Times» отмечала, что «Джанкана высказывал непристойности в адрес суда Соединенных Штатов и бормотал бессмысленное: «Завтра, это завтра, это завтра, это завтра».

18 ч 25 мин

* Косметика «Pat-a-Crime» от Элизабет Арден
* Румяна, пудра и крем для лица от Эрно Лазло
* Тушь для ресниц от Хелены Рубинштейн

Эти вещицы, помимо прочих, всегда присутствуют в ее застегнутой на молнию сумочке. Многие примитивные культуры обряжаются в маски и костюмы, дабы испугать своих врагов.

Стоя у зеркала в ванной комнате, она подкрашивает губы, затем подводит уголки чуть более темным контурным карандашом. Позади нее озеро выглядит черным пятном под проходящей тучей, поглощающей даже малейшие лучи солнечного света. От двух больших сосен, что растут прямо напротив, остались лишь смутные очертания. Через час она пойдет на шоу Фрэнка. Похоже, сейчас самым лучшим действительно будет раствориться в толпе. Там, где поют.

Она думает об этом персонаже – Мэрилин Монро, той, что находится под непрерывным огнем, но всегда полагает себя в безопасности.

Или так: ты пытаешься сделать что-то простое – всего лишь зажечь сигарету, но в результате поджигаешь весь дом. Все кричат, вопят, кругом царит ужасная неразбериха, а ты лишь стоишь с сигаретой в зубах и думаешь: «Так что, получится прикурить от этого огонька?»

Именно так она себя сейчас и чувствует.

Кое-где на вечернем платье она замечает складки. Проводит ладонями по швам на бедрах. Плавным жестом опускает руку к кровати и извлекает из чемодана шарфик. Едва не теряет равновесие, пытаясь распрямиться.

Она складывает шарф треугольником и набрасывает на голову, свободно завязывая под подбородком. Быть может, дело в погоде. Или в краске. Или у нее произошли какие-то гормональные изменения. Но волосы не слушаются, у нее никак не получается их причесать. Она распыляет на них спрей, но они теряют пышность. Уж лучше прикрыть голову. Не стоит всем знать, что там, под шарфиком.

19 ч 40 мин

Пэт Лоуфорд – сама элегантность; на ней короткое платье из тафты, без рукавов – консервативное, с небольшим, почти футуристическим вырезом вверху, задуманным, скорее, даже не для того, чтобы приоткрыть ложбинку между грудями, но чтобы показать двойную нитку жемчуга на шее. Крашеные темные волосы туго стянуты в узел, чтобы подчеркнуть свойственную всем Кеннеди четкую линию подбородка.

Проливая на поднос напитки, пробивает себе путь через запруженные двери казино официантка, разносящая коктейли. Темно-красные ковры зала идеально контрастируют с обитыми сосновой древесиной стенами и канделябром в виде оленьего рога, покачивающимся в центре игровой комнаты. Стильное местечко. Официантка бочком проходит мимо только что нашедших друг дружку в этой толчее Пэт и Мэрилин, слегка задевая задом бедро Мэрилин.

Быть может, дело в наброшенном на голову шарфике, но она прошла в зал никем не узнанная.

Пэт поворачивается к Мэрилин, смотрит ей прямо в глаза. Так, словно они одни в этом переполненном зале.

– А теперь вернемся к тому, что я хотела сказать тебе в самолете.

– О нет, – говорит Мэрилин. – Помню, я сказала, что не забуду. Но знаешь что?

– Что?

– Я все же забыла то, что не собиралась забывать.

Пулеметной очередью Пэт выкладывает новость. В самолете, говорит она, это было лишь слухом – им поделилась ассистентка перед тем, как за ней заехал автомобиль. Вот почему она скрывала это от Питера. Теперь же новость получила подтверждение. Она попросила ассистентку проверить через знакомого в отеле. Пэт делает паузу, словно для большего эффекта. Глаза ее расширяются. Здесь Сэм Джанкана! Где-то в «Cal Nova». Высадив их, самолет Синатры развернулся и полетел назад, в Лос-Анджелес, где подобрал этого бандита и доставил в Рино. Она трижды кивает в подтверждение, плотно сжав губы. А потом продолжает, добавляя, что его привезла в «Cal Nova» та же машина, что и их несколькими часами ранее. Как это противно, правда?

Мэрилин слушает ее так, чтобы не показаться невежливой, однако внимание ее обращено в зал; она смотрит, как женщины бросают монеты в игорные автоматы, как одетые в темные,

лоснящиеся костюмы, отутюженные сорочки и тонкие галстуки мужчины, пахнущие «Pall Mall» или «Viceroy» вперемешку с дорогими одеколонами, заполняют карточные столы. И дело не в том, что она не разделяет озабоченность Пэт; скорее, это вопрос бдительности. Она понимает, как легко можно погрязнуть в этих драмах.

Пэт говорит, что будет настаивать на том, чтобы Фрэнк завтра же утром предоставил ей самолет для обратного рейса, и никогда не скажет ему – почему, и плевать ей на то, что подумает об этом Питер! Она не собирается оставаться в одном месте со знаменитым гангстером, который, в определенном смысле, публично объявил войну ее братьям за то, что те избрали его мишенью в своей кампании по борьбе с организованной преступностью. Это оскорбительно. Не говоря уж о том, что это и небезопасно, так как Джанкана всегда отзывался обо всей ее семье, как о чем-то прогнившем. И о чем только думал Фрэнк, если он вообще о чем-то думал?!

Хотя Мэрилин и не отвечает, она тоже удивлена тем, что Фрэнк позволяет Джанкане разгуливать по своему заведению. И дело не столько в присутствии здесь Джанканы – в прошлом она не раз приятно проводила время в его компании, – а в том, не являющемся секретом, обстоятельстве, что в штате Невада имеется черный список влиятельных гангстеров, и любое казино, где их станут обслуживать, рискует потерять свою лицензию. Впрочем, напоминает она себе, это не ее проблема. Как и не какая-либо другая. Просто она не может позволить себе во что-либо впутаться.

– А ты не можешь просто его игнорировать? – предлагает она Пэт. – Держаться от него подальше?

– Даже держась от него подальше, – говорит Пэт, – я не смогу делать вид, что ничего не было.

Она готова поклясться, что видит Джо за одним из столов для игры в крапс[5]. Волосы слегка поседели на висках, и выглядит он, как и следовало бы ожидать, немного расстроенным и «под мухой», но по-прежнему сохраняет форму и возвышается над соседями по столу. Неужели он нарушил запрет Фрэнка, лишь бы взглянуть на нее поближе? Она снова смотрит в ту сторону, но он сидит спиной к ней.

Они с Пэт осторожно направляются к обитым красным дверям, которые ведут в концертный зал. Пэт говорит, что хочет найти Питера раньше, чем начнется представление Фрэнка, раньше, чем он окажется посреди шумного сборища. Она собирается попросить, чтобы он отнесся к предупреждению

серьезно. Собирается сказать ему, что утром они уезжают. Все трое. Она говорит, что Фрэнк поймет, что наделал, когда увидит, что и Мэрилин едет с ними; тогда, мол, он сообразит, что переступил черту.

Мэрилин снимает бокал шампанского с подноса еще одной проходящей мимо официантки, едва не опрокидывая этот самый поднос. На ходу делает небольшой глоток, и часть шампанского проливается на подбородок и с него капает на верх платья. Словно ребенок, она вытирает рот рукой. На маленьких русых волосках остаются блестящие капли вина.

У входа в фойе, в коридорчике между залом и рестораном, держа руки в карманах, стоит Пит Лоуфорд. Похоже, он кого-то ждет; бегающие глаза выдают человека, пытающегося принять позу тактика. Он отлично знает все принципы этой игры. Главное в ней – занять такое место, откуда ты сам всех будешь видеть и где будет видно тебя. Для него важно стоять в стороне от толпы, оставаясь на виду. Из-за двери доносится приглушенная музыка. Бадди Греко, первый в списке выступающих, поет о своих странствиях по миру, следуя неспешному басовому ритму. Из «Joseph Magnin», филиала наимоднейшего универмага Сан-Франциско, выходят две женщины с хозяйственными сумками и, вклиниваясь в толпу, пытаются пробить себе дорогу к залу. Питер роется в карманах и, наконец, извлекает коробок спичек. Срывая обертку с пачки «Tareyton», он сует сигарету в рот и одновременно пытается зажечь спичку. В прошлом Пэт признавалась Мэрилин, как сильно раздражает ее то, что Питер так старается не отстать от Синатры и прочих представителей так называемой крысиной стаи. А поскольку он так и не достиг статуса других (в особенности Фрэнка, Дина и Сэмми), ему, в какой-то мере, всегда приходится считаться с их прихотями, отдавая себе отчет в том, что он в этой группе – не основной. Потому он и дергается, с отчаянной поспешностью отвечает на приглашения, предложения и прочие распоряжения. Его женитьба на одной из Кеннеди лишь еще больше все осложнила. Да, он принимал участие в строительстве моста, связавшего политику с шоу-бизнесом, но натура всегда тянет его к гламуру, вследствие чего, по словам Пэт, его суждения и высказывания не раз ставили всех в неловкое положение.

Странно, что Мэрилин так четко понимает всю эту ситуацию. Наверно, потому что смотрит на нее со стороны.

Питер стряхивает пепел на красный ковер, тушит окурок подошвой туфли, пропустив один оранжевый огонек, и целует жену в губы. Мэрилин по-прежнему потягивает шампанское все из

того же бокала и поглядывает на дверь, ведущую в концертный зал.

Пэт начинает с того, что им всем нужно вернуться утром в Лос-Анджелес. Питер держит сигарету между большим и указательным пальцами, чуть отведя руку в сторону, и слушает – не без интереса, но не слишком внимательно, словно подобные разговоры для него – не новость. Глядя на Мэрилин, а не на супругу, он высказывается за то, чтобы остаться, и произносит что-то вроде лекции на тему слухов и инсинуаций; намеренное безразличие Мэрилин представляется ему разочарованием от перспективы возвращения в Лос-Анджелес. Отъезд будет бестактностью с их стороны. Даже если правда, говорит он, что Джанкана где-то здесь, в отеле (чему нет никаких доказательств), оскорбление Фрэнка перевесит то оскорбление, которое нанесет Кеннеди присутствие здесь Джанканы. Масштаб потенциальных угроз несравним с их масштабом.

Мэрилин пытается дистанцироваться от этой ссоры, думая о том, как бы уйти.

Из «Celebrity Room» выскальзывает какая-то женщина, вынося в холл темповый барабан.

– Это просто невероятно, – раздраженно бросает Пэт, отворачиваясь от мужа к Мэрилин. Наклоняет голову и щурится. – Тебе не кажется?

Мэрилин кивает, и ее шарф развязывается, концы его болтаются над ушами. Она снимает его совсем и сворачивает в комочек, другой рукой машинально поправляя прическу. Губы сжимаются в жесткую линию. Наклонившись к Пэт, Мэрилин настойчиво шепчет:

– Не оборачивайся, но все смотрят на меня так, будто я только что здесь появилась.

21 ч 45 мин

Люди начинают рассаживаться по местам. Прожекторы то включаются, то выключаются, направляя поток света на микрофон, установленный в центре сцены. Скрипачи усаживаются друг против друга. Водят смычками по струнам, прислушиваясь один к другому, настраивают инструменты. Тренькают гитары. У пианино из рук рабочего сцены выскальзывают на пол ноты. Он наклоняется, чтобы поднять их, возвращает на пюпитр и молча извиняется натянутой улыбкой. Тем временем бой барабанов усиливается.

Это сигнал.

Толпа замирает в предвкушении.

Она сидит справа от главного входа, в кабинке Синатры, ожидая, когда тот выйдет на сцену. Есть такие места, где инстинктивно чувствуешь себя комфортно, и для нее одно из них – вот этот концертный зал с висящими на противоположных стенах образчиками современного искусства – проволока, ткань, краска, некое смешение примитивизма и абстракционизма, – повествующими об истории театра. В обитой красным бархатом ложе, не слишком отличающейся от других, выстроившихся вдоль задней части зала, она разместилась почти по центру, на гребне изгиба, прямо напротив сцены. Пэт Лоуфорд сидит справа от нее, блокируя выход, внимательно оглядывая зал. В кабинке есть небольшой стол – тонкая деревянная столешница, поддерживаемая двумя массивными металлическими стойками. На столе – бутылки шампанского, стаканы для мартини, узкие, высокие и низенькие, без ножки бокалы; все вместе они образуют нечто вроде стеклянной стены, хотя их можно представить и как разбросанные на рабочем месте инструменты. В пепельницах все еще дымятся недокуренные сигареты…

Фрэнк только что был здесь – сидел слева, принимал поздравления, здоровался с гостями, – но ушел, спохватившись, что должен подготовиться к выступлению. Питер собрался последовать за ним. Пэт шепнула ему, чтобы держался подальше от Джанканы, если тот здесь. На лице у нее озабоченное выражение. Мэрилин, отвернувшись, потягивала шампанское, но все равно слышала – тут уж ничего не поделаешь. «Ничего никому не рассказывай, – инструктирует мужа Пэт. – Ничего ни о чем».

Наверху, рядом с командой осветителей, есть и другая, более приватная ложа, почти незаметная снизу. Есть еще и столики за сценой – к ним легко пройти из туннелей, и предназначаются они

для тех, кто не желает афишировать свое здесь присутствие. Мэрилин отвергла предложение Пэт разместиться в одном из этих секретных мест. Будто там будет безопаснее! Ей нравится находиться в самом зале, где совсем рядом грохочут, словно стучат прямо в грудь, барабаны, где в лицо дышат духовые, а потом со сцены донесется голос Фрэнка – голос, в котором утонет все. Голос, который унесет ее с собой.

Она тянется за стаканом с водой. В горле пересохло, а стакан пуст. Даже кубиков льда нет. Она оглядывается, ищет глазами официанта. Ближайший из них стоит в конце прохода, у столиков около сцены, склонившись над какой-то парочкой, которая никак, судя по всему, не может определиться с заказом. Она не выпускает официанта из поля зрения, замечая краем глаза, как он выпрямляется и улыбается в ответ на последнюю, как ей представляется, реплику женщины. Вот он начинает поворачиваться и меняет позу, пытаясь покончить с этой шутливой беседой.

Освободившись, наконец, официант идет по проходу, но когда ей кажется, что он заметил ее, свет гаснет, и толпа взрывается восторженными аплодисментами.

Она поднимает пустой стакан, но тот мгновенно исчезает в лучах прожекторов.

В смокинге и галстуке-бабочке на сцену выходит Фрэнк. Раздавая налево и направо улыбки и поклоны, он проходит к своему месту, чуть левее центра. Снимает со стойки микрофон, и в ту же секунду музыканты начинают играть «Get Me to the Church on Time». Маленькими шажками, притоптывая в такт и щелкая пальцами – они как будто служат внешними моторчиками, – Фрэнк перемещается по сцене. Ей нравится его беспечность и раскованность, хотя чуть ранее, в кабинке, он выглядел совсем не таким беззаботным. Он возвращает микрофон на место и вскидывает руки ладонями к зрителям. Замирает на вдохе, готовясь взять долгую ноту. И когда берет эту ноту, то кажется, что он держит песню между ладонями, направляя ее влево, потом снова к центру и, наконец, отпускает ее…

Пэт наклоняется к ней, качая головой:

– А он сегодня в ударе.

Мэрилин кивает:

– Ну как такого не любить? На него всегда можно рассчитывать. Слушаешь Фрэнка и забываешь обо всем на свете.

Она тянется к краю стола за наполовину полным стаканом с водой, но Пэт ее останавливает.

– Нет, Мэрилин. Как знать: кто пил из него до этого!

– Что?

– Я сказала: как знать, кто пил из него до этого… Вот, промочи горло шампанским.

Прямо перед ними какая-то женщина оборачивается и смотрит в их сторону, щурясь в тусклом свете. В следующую секунду она уже что-то шепчет соседям, толкает их локтями, и вот уже на них взирает весь столик. Мэрилин, сдержанно улыбаясь, машет им рукой. В такие секунды мгновенного узнавания, когда в глазах людей вспыхивает восторженное удивление, она ощущает нечто похожее на электрический разряд, перезапускающий сердце.

Фрэнк делает паузу для короткой ремарки, когда забывает слова, но даже это выглядит в его исполнении если и не частью действа, то уж точно – неотъемлемым элементом обаяния его личности. Музыка ускоряется, иногда как будто подталкивая его в спину, но затем руки входят в ритм с барабанами и духовыми инструментами, и становится понятно, что его никогда не унесет прочь, что он якорь. Глаза его стекленеют, но взгляд по-прежнему сосредоточенный, и в конце, когда он поет *дин-дон, дин-дон,* они снова оживают, и кажется, он обращается к тебе, только к тебе, приглашая присоединиться и стать частичкой его мира!..

Он любит свинг. Она практически видит, как он вытанцовывает между Юпитером и Марсом, когда исполняет «Fly Me to the Moon». Все, конечно, отрепетировано, но очень естественно. И в этот момент она полностью там, с Фрэнком, кружится с ним между планетами… И даже не думает возвращаться.

– Когда Фрэнк на сцене, – говорит Мэрилин, – он может сделать так, что ты влюбишься в него сотню раз.

– За одно отделение.

– За одно отделение? Я бы сказала – за одну песню.

После нескольких номеров Фрэнк останавливает музыкантов. Хочет поприветствовать зал официально.

– Не только песнями, но и поболтав с вами минутку.

Он благодарит всех за то, что пришли. Говорит, что они восхитительны, и напоминает, что без публики «мы ничто. Н-И-Ч-Т-О».

Не на нее ли он смотрит?

– А теперь, – вопрошает он, – где здесь бар?

И тут же (она вновь готова поклясться, что он смотрит на нее)

запевает «Please Be Kind».

Официант подносит очередную бутылку шампанского. Раньше он говорил, что это «презент от заведения», но теперь, в миллионный раз за вечер повернувшись вполоборота к сцене, только выворачивает пробку и ставит бутылку на стол.

Пузырьки шипят в бокале, и Мэрилин, раскачиваясь из стороны в сторону, вспоминает, почему согласилась поехать в Тахо. Вечера вроде этого – прямая инъекция смысла жизни. Судебные тяжбы и прочая не оставляющая тебя в покое ерунда отходят, отступают на обочину и предстают в своем истинном обличье – гора дерьма, оставленная теми, у кого и таланта, и амбиций на грош, но кто из кожи вон лезет, чтобы доказать, что это они контролируют все, в том числе и таких, как ты. А в этом зале, прямо сейчас, проходит хирургическая операция. Музыка освобождает тебя от их мертвого груза, как те филиппинские хилеры, о которых она читала в новостях. И с этой мертвечиной уходит она сама. Что же делать? Только поднять бокал и выпить за это.

Пэт смотрит на нее. Она тоже улыбается, но выглядит напряженной. Взгляд ее продолжает блуждать по сцене. Ее затянувшаяся паранойя может легко нарушить приятность момента. Наконец она наклоняется к Мэрилин и то ли шепчет, то ли кричит на ухо:

– Не теряй бдительность.

Мэрилин тянется за стаканом с водой, потом вспоминает, что забыла попросить наполнить его снова.

– Ха, – говорит она. – Я и бдительность?

И она наливает в стакан шампанского, надеясь тем самым свернуть разговор.

Завершая выступление песней «My Kind of Town», Фрэнк делает паузу, чтобы поблагодарить оркестр. После аплодисментов он возвращает микрофон в зажим кронштейна, слегка наклоняет стойку в сторону, замечая, что для таких движений требуются стальные мускулы, и прощается с аудиторией, повторяя, что без публики он – ничто. Когда аплодисменты смолкают, он указывает на дверь, ведущую в казино. «Раз уж мы здесь, – говорит он, – почему бы нам всем не выпить?» С мимолетной ухмылкой он бросает быстрый взгляд за кулисы, затем вновь переводит глаза на зал. Занавес опускается, и Фрэнк, разведя руки в стороны, направляется к правому от себя выходу.

Загорается свет. Она поворачивается к Пэт и видит, что та извивается словно уж, с беспокойством вертя головой во все стороны. Для Пэт уход от действительности был временным и

закончился вместе с выступлением Фрэнка. Она и сама чувствует, что увядает, будто цветок, и что во рту пересохло, и тянется за водой, но стакан пуст. Она боится, что Пэт скажет еще что-нибудь про Джанкану – еще одного напоминания о мире Мэрилин Монро ей не вынести. Сил почти не осталось.

Люди заполняют проходы, и почти все смотрят на нее. Она опускает плечи и сутулится, прячась за стеной бутылок и всего прочего.

Пэт вопросительно смотрит на Мэрилин:

– Ну?

– Наверно, вернусь в свой коттедж.

Во рту все распухло.

– Даже не пропустив стаканчик на ночь?

– Бдительность, – отзывается Мэрилин. – Фрэнк поймет.

Из динамиков доносится голос Каунта Бейси, его ритмы задают темп движениям публики; гул голосов поднимается и затихает вслед за звуками духовых инструментов. Она быстро продвигается между рядами покрытых зеленым фетром столов в направлении туннеля, обходя тех, кто идет впереди нее к игорным автоматам. Сворачивая в сторону, протискивается сквозь толпу у колеса рулетки.

Проходя мимо стола для игры в крапс, за которым, как ей показалось, сидел Джо, она поднимает глаза, желая удостовериться, не там ли он по-прежнему.

В желтоватой пелене дыма ее взгляд перехватывает Сэм Джанкана. Она бы узнала его где угодно: грузный, в сером костюме, лысеющий. Он моргает; за очками в роговой оправе глаза кажутся неестественно большими. В нем есть какая-то грубая, почти животная притягательность. Как в большой дорожной аварии, привлекающей к себе всеобщее нездоровое внимание. Но при всем очаровании от Сэма Джанканы за версту пахнет жестокостью. Эта жестокость во всем – от выступивших на лбу блестящих капелек пота до неизменной ухмылки в уголках рта.

Он машет ей.

Она не в силах отвернуться и, выдавив натужную улыбку, пожимает плечами и продолжает идти, придерживаясь за спинки стульев у стола для игры в блэкджек.

Его голос перекрывает стоящий в комнате шум:

– Даже не подойдешь и не поздороваешься?

Она качает головой и бормочет слова извинения, но не останавливается. Он встает, теперь уже подзывает ее обеими руками:

– Забыла, что мы знакомы или как? Давай, на минутку. Не

задирайся. Ну же, подойди и принеси мне удачу.

Она натыкается на пустой стул у игорного автомата, сбивается с шага.

– Ну, разве не крута! – слышит она чей-то голос. – Просто класс!

В другом конце поднимается шум, и, взглянув в ту сторону, она видит группу мужчин, пробивающуюся через зал к бару. Во главе этой стаи – Фрэнк, и идет он, словно великий полководец, с бокалом шампанского в качестве жезла, и она медленно наклоняет голову, так как не хочет, чтобы ее заметили, но стул по-прежнему преграждает дорогу. Она пытается ногой оттолкнуть его в сторону, но опрокидывает, привлекая внимание окружающих, которые начинают оглядываться, и она не знает, куда деться; знает лишь, что должна куда-то уйти отсюда, уйти побыстрее, и вот уже Джанкана ревет, что ей лучше бы задержаться, а на другой стороне зала взрывается смехом свита Синатры, но она противится желанию посмотреть, потому что ей нельзя смотреть, чтобы ни во что не впутаться. Все останавливается, замирает. Как блокированная частота.

Январь – июнь 1962-го

Январь 1962-го: дом Генри Уэйнстайна, Голливуд

– Да, – говорит она. Она снова и снова повторяет «да» и «да», соглашаясь с идеями, которые не вполне понимает. Дело не в том, что она боится признаться перед ним в невежестве; ей просто не хочется, чтобы он перестал говорить или менял тему.

– Да, – кивает она с решительным выражением. – Да. Да. Да.

Она уютно свернулась на ковре, подобрав под себя ноги, восторженная, благовоспитанная школьница. Он сидит на диване и выглядит слегка неуместно в сияющей блеском гостиной, придавая ей грубоватую нотку. Каблуки черных кожаных ботинок, старых, потертых, едва не касаются ее ноги. Острые мыски смотрят в разные стороны. Среди собравшихся в голливудской резиденции Генри Уэйнстайна его можно принять за характерного актера или затесавшегося случайно добродушного старичка. Но руку этого чудака держит лежащая у его ног Мэрилин Монро, у которой такие же белые, хотя и крашеные, волосы, и каждому ясно – именно он, восьмидесятичетырехлетний великий поэт, Карл Сэндберг, и есть звезда вечеринки.

Она проводит рядом с ним почти весь вечер. Ей что-то нужно от него. Срочно. Что именно – в этом она пока еще не вполне уверена. Как это найти, она не знает и потому затрагивает разные темы: говорит о книгах, которые читает, об идеях, которые они рождают, и пусть получается не очень хорошо, это неважно. Неважно, что он говорит, и неважно, чего не понимает она, – важно, что он разговаривает с ней и смотрит ей в глаза, будто понимает, будто в комнате только они вдвоем. Будто на всей земле остались только они двое.

Она потягивает остатки шампанского, а когда ставит пустой бокал на ковер, он падает. Последняя капелька скатывается к краю, но не вытекает. Она просит официанта принести другой, улыбается мистеру Сэндбергу, говорит, что немного алкоголя сейчас не помешает. (Он просил называть его Карлом, но, как и в случае с Кларком Гейблом, ей трудно думать о нем иначе, как о мистере Сэндберге.)

– Черт, вам, наверно, спать пора, а я вас задерживаю. И где только мои манеры?

Она смеется:

– Нет, нет. Просто девушке нужно приготовиться. Вот и все.

– Читал как-то о такой штуке, как дефицит сна. Чудесный

термин, вам не кажется? И поэтичный, и точный, – в его голосе звучит мелодичное эхо родины, Северной Каролины, но в обрезанных окончаниях то и дело слышится жесткий среднезападный акцент. – Некоторые говорят, что возрастанием этого дефицита мы обязаны нашему времени. Может быть, вытеснению из цикла сна какой-то фазы. Фазы небыстрого движения глаз. – Он говорит об этом, как о новой политической партии.

– Я девушка современная. По крайней мере, так говорят.

– Правильно говорят. Но упражнения требуются даже современной женщине. Лучшее средство от бессонных ночей. Другое – постоянный, надежный спутник.

– Пожалуйста, не вынуждайте меня говорить об этом. Мне было так хорошо.

– Хорошая и стабильная физическая нагрузка поможет пройти фазы бессонницы. Усталость тела способствует здоровому сну. Моя дорогая, освободитесь от дефицита сна за счет небольшой нагрузки. Вот ключ к проблеме.

Официант, пожилой мужчина с твердым выражением, подает ей бокал шампанского и смотрит на лежащий на ковре пустой. Она просит не беспокоиться и говорит, что помоет его сама, позже. Он говорит, что должен убрать, и, наклонившись, поднимает. Она снова поворачивается к мистеру Сэндбергу:

– За физическую нагрузку! И за здоровый сон.

Сэндберг просит ее отставить бокал на минутку и встает с дивана. Поднимает ее за локти. Они стоят, разделенные несколькими дюймами пространства. Его зеленые глаза манят и грозят поглотить.

– Невозможно делать что-то, если не знаешь, как это делать.

На первый взгляд – странное зрелище. Он – весь в черном, и даже галстук такой темный, что почти незаметен. Точно так же, как в лицах некоторых пожилых женщин проявляется мужская жесткость стариков, так и его лицо обрело женскую мягкость. Хотя он и поддерживал хорошую форму, фигура начала раздаваться, плечи втянули в себя шею, руки и ноги налились и затвердели. Как будто некая тяжесть исказила его физическое тело, потянула его к земле. Мэрилин замечает, что и она меняется. В ней уже нет дерзкой невинности и высокомерия молодости. Она уже не та женщина, которая прижималась уютно к Ди Маджио в дверях Нью-Йорка, заливаясь румянцем в новизне ее только что сотворенного мира. И не интеллектуальная ученица Миллера, вращающаяся в литературных кругах Восточного побережья. На ней спускающееся ниже колен габардиновое платье

консервативного желто-коричневого цвета, в котором она словно вспыхивает, когда на него падает свет. Оно признак изысканности, достигаемой только с определенной зрелостью, но при этом оно преподносит тело, еще не расставшееся с молодостью. Она пришла на вечеринку в солнцезащитных очках, но потом заменила их темным шарфиком, как какая-нибудь бабушка. У нее появилась потребность прикрываться, как будто обнаженная голова делает ее уязвимой. Может быть, еще усталость в глазах. Или то, как легко расслабляется тело, когда она садится. Сходство между Сэндбергом и Мэрилин – не во внешности или в различиях во внешности. Оно в том, как они смотрят друг на друга. Словно они существуют в мире, знакомом только им двоим. В мире, где бремя возраста не является фактором, где тело и ум не сражаются за господство и где исповедь – не тайна.

Они стоят в углу комнаты. Он поднимает ее руки и отпускает их.

– А теперь я хочу, чтобы вы следовали за мной. Делайте то же, что делаю я.

Она улыбается ему, с нетерпением ожидая продолжения.

– Сделайте глубокий вдох и, медленно приседая, вытяните руки.

– Медленно приседая, – повторяет она, приседая.

– С вытянутыми руками.

– С вытянутыми руками.

Гости поворачиваются посмотреть. Сэндберг и Мэрилин ничего не замечают. Он ведет, она следует за ним. Их движения не скоординированы. Вверх и вниз. Вниз и вверх. Как поршни при возвратно поступательном движении.

– Почувствуйте напряжение в ногах, – говорит он, поднимаясь.

Она приседает; подол габардинового платья ползет вверх по бедрам.

– Чувствую жжение. Но приятное, – она вытягивает руки, стараясь сохранить равновесие.

– Вы разгоняете кровь. Напоминаете телу, что оно живое. Напоминаете о потребности в отдыхе и пополнении ресурсов. Одного этого должно быть достаточно, чтобы организм понимал потребность во сне. Надо только напоминать ему, чтобы не забывал слушать.

Она смеется:

– Я ничего об этом не знаю. Мне, чтобы уснуть, и выпивки вполне хватает.

Их окружает группа гостей; они улыбаются, словно ободряя участников некоего завершающегося сверхчеловеческого представления. Одна женщина присоединяется к ним, пытаясь вклиниться со своими приседаниями между Сэндбергом и Мэрилин. Мистер Уэйнстайн ставит пластинку с босановой. Кто-то прихлопывает в ладоши, и кусочки льда бьются о стеклянные стенки стаканов. Участников все больше, они приседают и поднимаются, стараясь попасть в ритм музыки.

Мистер Сэндберг поднимается, и Мэрилин кладет руки ему на плечи. Она слышит ритм песни, но не замечает происходящего вокруг. Ей так и хочется уступить соблазну и упасть на него, но вместо этого она ведет его в танце на середину комнаты.

Со стороны кажется, что Сэндберг перемещается легко и изящно, без всяких усилий покачивая бедрами, что шаг его легкий, плавный, скользящий. Но на самом деле движения его неловки и далеко не точны. Ему тяжело держать равновесие; он не столько танцует, сколько старается не упасть. Но при этом нисколько не стесняется, словно чувствует себя одновременно Астером, Нижинским и Чаплином. Причина такого самообмана может быть только одна – Мэрилин. Он как будто перенимает ее грацию. И с каждым тактом, с каждым движением все лучше понимает, каково это – не только питать тело, но и жить им. Существовать, почти полностью независимо от вычислительной машины интеллекта.

– Вы меня почти усыпили, – говорит она, склоняя голову ему на плечо.

– Последняя роль для старика.

– Нет, – шепчет она и поднимает голову. – Нет, вы не так меня поняли.

Вокруг них танцуют другие. Кто-то кружится в одиночку, с коктейлем в руке. Другие – парами.

– Не так понял? – спрашивает мистер Сэндберг.

– Да. Не поняли.

Одна его рука лежит на ее плече. Другая – на бедре.

– В таком случае, помогите мне понять.

– Я не хотела вас обидеть.

– Я и не заметил такого намерения.

– Просто так редко случается быть с кем-то, кто в полном мире с собой. Я только это и имела в виду. Когда ты сам ощущаешь этот внутренний покой… Ну, вы сами знаете, что я хочу сказать.

– Только то, что нагоняю на вас сон.

– Я всегда чувствую себя такой усталой. Не сонной – усталой. Хочу лечь и проспать всю ночь напролет, а утром проснуться и

начать все заново…

Он привлекает ее к себе. Их тела в полном согласии друг с другом. Будто одно – ее – вышло из другого – его. Она говорит, что не могла представить себе такое. Что раньше, закрыв глаза, могла увидеть себя в тот или иной момент в будущем. Что умела представить, как все будет. А вот увидеть себя стареющей у нее не получается. Ничего не выходит. И разве мудрость приходит не оттуда? Впервые в жизни ей не удается представить будущее. Или представить, каким оно может быть. Сэндберг останавливается, раздумывая, что сказать, и в этот момент к ним, пританцовывая, подходит Уэйнстайн:

– Позвольте?

Сэндберг отступает – Уэйнстайн ведь не его руки просит? – кивает Мэрилин и, шепнув «вы только танцуйте», падает на диван. Подбирает ее недопитый бокал и осушает одним глотком. Он устал, слегка запыхался, и ноги побаливают. Он смотрит на Мэрилин, которая с улыбкой – как будто перед камерой – танцует с мистером Уэйнстайном. Сэндберг завидует ее молодости, но к зависти примешивается грусть. Что он всегда ценил, что позволяло ему смотреть в зеркало и видеть себя без тех признаков усталости, что видны на фотографиях, это мысль о том, что он еще может о чем-то мечтать. Он никогда, даже если сильно его прижать, не скажет, на что надеется или чего ждет. Может быть, впереди еще есть что-то, что заставит замедлить шаг, к чему-то потянуться. И теперь, глядя на нее, сияющую и улыбающуюся для мистера Уэйнстайна, он думает о ней как о курице на скотобойне – голову отрубили, а она все бегает…

Потанцевав с хозяином дома, Мэрилин устало падает рядом с Сэндбергом. Откидывается на спинку дивана, склоняет голову на плечо и, подняв руку, протягивает ее в ожидании бокала шампанского.

– Вы, должно быть, думаете, что я сейчас усну. Особенно после всего этого.

– Позволю себе высказать одно предположение, – говорит Сэндберг, глядя в потолок.

– Только одно?

Он не отвечает. Закрывает глаза.

– Постарайтесь построить лестницу.

– Лестницу, – повторяет она сонно, склоняя голову ниже, к его плечу. Но кожа горит, как будто под напряжением.

– С множеством ступенек. Их столько, что вам кажется, будто подняться на самый верх невозможно.

– Но можно долго-долго падать, – она притворно смеется.

– Да, такое всегда может случиться.

В ее руке оказывается, наконец, бокал шампанского, и она тут же поднимает очередной тост.

– Расскажите мне что-нибудь еще, чего я не знаю. Расскажите о том, что я должна знать. О том, что знать необходимо. Расскажете?

– Да, – говорит он. – Да, да.

Май 1962-го: съемочная площадка студии «Twentieth Century-Fox»

Ты приезжаешь на студию, готовая сниматься в сцене с бассейном для фильма «Что-то должно случиться». В попытке вернуть бывшего мужа, твоя героиня, Эллен Арден, заходит ночью в домашний бассейн. Когда на балконе появляется Ник, она зовет: «Иди сюда. Вода так освежает после… О, да ты сам знаешь!» Ник в панике умоляет ее поскорее выйти, пока его новая жена не пронюхала, что происходит. Эллен с удовольствием откликается на его просьбу и, поднявшись голая из воды, садится на бортик.

На площадке ты надеваешь трико. Облегающее, телесного цвета. Твоего мнения не спрашивали. Просто решили, что для женщины твоего возраста трико – самое разумное решение. Ты натягиваешь его. Ощупываешь ноги. Проводишь ладонями по животу. Колеблешься. И, наконец, просишь режиссера, Джорджа Кьюкора, убрать с площадки лишних и оставить только тех, кто действительно нужен. Он смотрит на тебя с сомнением.

– Что? Вы же не думаете, что Мэрилин Монро снимется в «сцене с обнажением» – в трико? Нет, в самом деле…

– Мэрилин… – голос его слегка дрожит. Он откашливается, пытаясь сохранить самообладание.

– Пожалуйста, очистите площадку. Это между мной и камерой.

Ты раздеваешься до телесного цвета трусиков. Над площадкой проносится вздох. После прошлогодней операции на желчном пузыре ты постройнела, фигура окрепла и обрела скульптурную четкость. Ты грациозно спускаешься в бассейн. Скользишь под глазом камеры, чувствуя, как вода омывает кожу, поднимается по ногам и спине, охватывает шею. Проплываешь от одного края бассейна до другого. И когда произносишь свои реплики, слышишь в голосе уверенность и ранимость. Заинтригованная, ты хочешь говорить и говорить. После съемки один из членов команды подходит к бассейну, наклоняется и протягивает огромное белое полотенце с логотипом студии. Ты качаешь головой и, оставшись в воде, выскальзываешь из белья и бросаешь его на бортик, где оно и приземляется с мокрым шлепком. Прислонившись спиной к стене, ты поднимаешься, садишься спиной к камере и, загребая ногами воду, оборачиваешься через плечо. Щелкают затворами фотоаппараты. Ты поглаживаешь себя по бедрам, ощущая кожу, как что-то совершенно новое, как что-то принадлежащее не тебе. Через

каждые несколько дюймов твои пальцы касаются места, кажущегося знакомым и усталым, но ты быстро отводишь руку. Тебе скоро тридцать шесть. И ты воспринимаешь свое тело, как новое. Другое. Как будто оно не принадлежит больше Мэрилин Монро.

1 июня 1962-го: съемочная площадка студии «Twentieth Century-Fox», Лос-Анджелес

Съемочная группа и актеры планируют сюрприз-пати на три часа, чтобы подготовиться в перерывах между дублями. Мэрилин сама преподносит сюрприз, появляясь в павильоне звукозаписи в половине десятого утра, живая и бодрая. Никто и подумать не мог, что она приедет вовремя в собственный день рождения. Кьюкору выпадает шанс снять целую дневную сцену и, может быть, вернуть картину в график (или, по крайней мере, не отстать еще больше). Он объявляет, что до выполнения дневного плана по съемкам домой никто не пойдет. Поздравления откладываются до шести вечера.

«Twentieth Century-Fox» серьезно обескровлена запущенной в производство по другую сторону океана «Клеопатрой». Бюджет картины уже превышен в десять раз, а конца еще не видно. Теперь съемки переносятся из Лондона в Рим, и это означает, что практически все нужно начинать заново. Настоящее фиаско, угрожающее банкротством! Привлечение из Нью-Йорка Мэрилин Монро и ее возвращение в жанр романтической комедии (тем более в паре с таким партнером, как Дин Мартин) представляется идеальным решением задачи срочного вливания наличности для поддержания компании на плаву. От Генри Уэйнстайна продюсера «Что-то должно случиться» требуют скорейшего выпуска картины на экран. Он, в свою очередь, давит на Кьюкора. Но, как и с «Неприкаянными», график работы постоянно срывается из-за Мэрилин. С ней вечно что-то не так. Она болеет, жалуется на усталость, а когда все же приезжает, то с распухшими глазами и с одутловатым лицом. Иногда она и говорить может только шепотом. В ней уже и Мэрилин Монро трудно узнать.

Кьюкор гоняет вовсю. Едва не взвился от ярости, когда она две недели назад улетела в Нью-Йорк поздравить Кеннеди с днем рождения, а потом появилась на площадке больная. Теперь он угрожает. Надеется призвать ее к порядку, нагнав чуточку страху, пока студия не разорвала с ней контракт. Небольшая доза реальности не помешает. Угрозы по большей части пустые, но уколы насчет возраста достигают цели. В Голливуде сорок – уже много. Кьюкор говорит, что ей повезло – получает главные роли, когда есть красотки моложе, вроде Элизабет Тейлор. А могла бы

прозябать на втором плане, играя мамочек. Если ей и удается держаться, то только лишь за счет заработанной ранее репутации, популярности у зрителей, но в Голливуде репутация – разменная монета. Продолжай в таком же духе, и скоро ни один продюсер и не посмотрит в твою сторону.

В течение дня никто и словом не упоминает о дне рождения Мэрилин. Люди то ли не хотят испортить сюрприз, то ли понимают, что не для всех день рождения – самое приятное событие.

Дублер должен знать четыре вещи:

1. Если кому-то надо сгонять на фермерский рынок за пирожками, скажи, что сбегаешь сам. Тот факт, что ты почти двойник ведущей актрисы (по таким параметрам, как размер, форма и структура лица), еще не делает тебя «звездой». Ты ей не ровня. Не подруга. Ты ее дублер.

2. Чтобы попасть на фермерский рынок со съемочной площадки киностудии, надо проехать две мили по Пико, свернуть налево, на бульвар Сьенега, проехать еще полторы мили и свернуть налево, на Третью восточную. Рынок увидишь примерно через милю, на углу Фэйрфакс. Воспользуешься общественным транспортом – доберешься за полчаса. На машине, если не застрянешь в «пробке», – легко уложишься минут за десять-пятнадцать.

3. Пройди по центральному проходу, потом, ближе к концу, прими вправо. Там, в булочной в «Хамфри», и покупай квадратный бисквитный торт. Наилучший вариант для вечеринки по случаю дня рождения на рабочем месте. Убедись, что его хватит, по меньшей мере, на дюжину человек. И не вздумай менять заказ. Поддаться соблазну легко, когда видишь все эти слоеные торты с разными затейливыми финтифлюшками. Квадратный бисквитный торт – действительно самое подходящее для такого случая.

4. Делая покупку в булочной «Хамфри», не пытайся намекнуть на какую-то связь со «звездой», хотя люди и могут перепутать тебя с ней из-за прически, одежды и солнцезащитных очков. Просто подойди к прилавку и негромко скажи: «Я звонила со студии. Насчет квадратного торта».

По пути в гримерную Мэрилин встречает свою дублершу, Эвелин Мориарти, направляющуюся на площадку. На ней копия того самого костюма, который Мэрилин предстоит носить до конца дня, – бронзового оттенка, с опушкой по воротнику, манжетам и нижней кромке. Эвелин останавливается и, выпятив

бедро, спрашивает:

– Так ты что думаешь об этом костюме?

– Что мы обе чудесно выглядим сегодня.

Прижимая к груди папки и негромко переговариваясь, мимо проходят члены съемочной группы. Они кивают Мэрилин, но как будто не замечают Эвелин, которая обтягивает юбку на бедрах. Мэрилин ухмыляется им в спину.

Разглядывая костюм на дублерше, Мэрилин думает, что его надо бы взять с собой на вечер. Она делится своей мыслью с Эвелин, спрашивает ее мнения и объясняет, что собирается на благотворительное мероприятие по сбору средств для страдающих от мышечной дистрофии, которое будет проходить на Dodger Stadium. Дело серьезное, пусть даже и перед баскетбольным матчем, и одеться нужно соответственно. Сопровождать ее вызвался Джо. Теперь, когда Артура уже нет рядом, а она вернулась в Калифорнию, он старается занять свое законное, как ему представляется, место. Она не возражает и позволяет ему поступать по-своему, пока ее это устраивает, пока ей нужно, чтобы рядом был кто-то, кто верит, что она заслуживает лучшего.

– Уверена, ты потрясающе в нем выглядишь.

– Но стоит ли мне надевать его сегодня? Ты как думаешь?

– Если ты имеешь в виду, не слишком ли оно кричащее, то нет, я так не думаю. – Эвелин бросает взгляд на часы. – Мне пора возвращаться на площадку. Кьюкора удар хватит, если мы не уложимся сегодня в график. И раз уж я еще в этом костюме…

– Может, поговорим потом? Наверстаем упущенное.

– Если эти съемки когда-нибудь закончатся.

– Эвелин?

– Да?

– Может, хочешь оставить костюм? И пойти туда вечером вместо меня?

К концу дня Кьюкор решает, что работа сделана и у него есть отличный дубль. Мэрилин переодевается в капри и рубашку с черно-белым леопардовым рисунком. Возвращается на площадку, где ее встречают поздравлениями, изображает удивление (настоящий сюрприз – это присутствие Генри Уэйнстайна). На середине стола – торт с искрящими бенгальскими огнями. Рядом с тортом праздничная открытка, спешно изготовленная одним из художников студии на листке размером 14Ч16. На открытке карикатурно изображенная Мэрилин в туфельках на высоком каблуке и полотенце, с выражением изумления на лице и застывшими в форме буквы «О» ярко-накрашенными губами.

Вверху надпись жирными буквами – **С Днем Рождения**. По периметру открытки расписались актеры и члены съемочной группы.

Эвелин запевает «С днем рожденья» и разрезает торт на одиннадцать порций. Никто не присаживается, все едят стоя. Первым уходит Уэйнстайн, остальные быстро следуют его примеру, извиняясь, объясняя, что им нужно домой, к обеду. Остаются только двое, она и Эвелин. Стоят напротив друг дружки. Мэрилин проглатывает таблетку, запивает водой из картонного стаканчика, смотрит на Эвелин и пожимает плечами:

– Доктор прописал.

Эвелин начинает убирать со стола.

– Боюсь, мне и самой надо идти. Завтра с утра на съемки. Но ты будешь выглядеть прекрасно сегодня на стадионе. В свой день рождения.

Она обходит вокруг стола, собирая картонные тарелки, смахивая на них недоеденные кусочки торта.

Мэрилин ставит незажженный бенгальский огонь.

– Еще ведь не очень поздно.

– Не очень поздно?

– Тебе пойти туда. Сегодня.

– Не смеши меня.

– Нет, правда. Разницы никто не заметит.

– Ты сама знаешь, что это не так. – Эвелин опускает стопку грязных тарелок в мусорную корзину. – Передавай привет Джо. Увидимся завтра. Направляясь к двери, она собирает пластиковые вилки и тоже отправляет в корзину. – Ты сама знаешь, что это не так.

Мэрилин поджигает бенгальский огонь, и в ее глазах прыгают искры.

– Не знаю, – говорит она негромко и поднимает руку в прощальном жесте, но не оглядывается. Мерцающий блеск меняет ее до неузнаваемости. Она смотрит на себя и как будто видит другого человека.

Четыре вещи, которые знает Мэрилин:

1. В феврале 1962-го Элизабет Тейлор закатила роскошную вечеринку по случаю дня рождения на съемочной площадке «Клеопатры» в Риме.

2. Роскошное оформление вечеринки обошлось в шесть тысяч долларов, большую часть которых выложил ее муж, Эдди Фишер, отчаянно пытавшийся уберечь жену от Ричарда Бартона. Он даже подарил ей кольцо с брильянтом за десять тысяч долларов и украшенное изумрудами зеркало.

3. По слухам, вечеринка была вполне достойна египетской царицы, роль которой и исполняла Элизабет.

4. Элизабет Тейлор исполнилось тридцать. Мэрилин Монро тридцать шесть. Разница в десятки лет, по голливудским меркам.

1 июня 1962-го: Dodger Stadium, Лос-Анджелес

Мэрилин не хочет оставаться наедине с женщиной в инвалидном кресле слева от микрофона. Они собрались на инфилде[6], между кругом питчера и основной базой. Позади них аккуратно выстроился хор белых и черных мальчиков в темных свитерах с золотистыми нашивками. Приглашенные, небольшая группа чиновников и влиятельных лиц, уже заняли свои места. Среди них и особый гость, аутфилдер «Ангелов» Олби Пирсон. Джо тоже здесь, но держаться старается незаметно; его больше занимает предстоящая встреча с «Янкиз», чем предшествующие ей призывы к сбору средств в пользу страдающих от мышечной дистрофии.

Женщина в инвалидной коляске – на ней белый кардиган и клетчатая блузка – сидит там, где ее посадили организаторы. Сопровождающий стоит за коляской, машинально поглаживая рифленые резиновые ручки, готовый в любой момент переместить подопечную куда следует. Когда она поднимает голову и смотрит вперед, перед собой, то выглядит собранной и уверенной в себе – темные волосы аккуратно убраны со лба, губы искусно накрашены, – но когда поворачивается, стороннему наблюдателю открываются ее беспомощные члены. Все ее тело, кажется, вот-вот сомнется, черты растекутся, и лицо примет выражение, определенное положением шеи. Снова и снова она пытается взглянуть на Мэрилин, слегка склонив голову назад, чтобы сохранить на губах улыбку.

Уловив краем глаза очередную такую попытку, Мэрилин торопливо переводит внимание куда-то еще. Вид беспомощной женщины пугает ее, вызывает неприятное беспокойство. Но дело все же не в физической инвалидности и не в уродливости форм. Женщина в каталке – напоминание о том, что даже Божье сострадание имеет свои ясно выраженные пределы.

Пятничный вечер выдался прохладным и сырым, но на стадионе все же собралось более пятидесяти тысяч зрителей – все в предвкушении первого в сезоне визита «Янкиз». Энтузиазм несколько охладила травма Микки Мантла. Некоторым утешением служит его присутствие на скамейке запасных. По крайней мере, так выразился Джо, когда они ехали сюда. Сейчас Джо у кромки поля, подходит к игрокам, что-то говорит. После ухода из спорта прошло десять лет, а он все еще живет игрой. Но на стадион он приходит не ради того, чтобы покрасоваться перед

зрителями, а чтобы снова оказаться в знакомой атмосфере, ощутить под ногами упругость травы. Однажды она спросила его об этом, но он так и не смог объяснить лучше.

Огни стадиона притушены, и над «Чавез Рэвин» повисает туманное сияние. В этом сиянии, в отличие от съемочной площадки киностудии, к Мэрилин возвращается естественная легкость и грация. Костюм с приколотой над левой грудью серебристой брошью-звездочкой, уже ощущается не вещью из чужого гардероба, а нарядом, созданным специально для того, чтобы представить ее в наилучшем виде. Отороченная мехом шляпка идеально сидит на платиновых волосах; модная, она доказывает и свою практичность, согревая и защищая от сырости в этот необычно прохладный вечер. Проходя мимо Уолли Кокса, с которым провела целый день на площадке, Мэрилин тепло и удивленно, словно сто лет не видела, улыбается ему.

Между тем женщина в инвалидной коляске продолжает поглядывать на нее и, похоже, хочет сказать что-то. Изо всех сил ловит ее взгляд, шевелит губами. Оставшись в какой-то момент одна, Мэрилин улыбается ей и тут же отступает и оглядывается. Весьма кстати поблизости оказывается Джо, разговаривающий о чем-то с одним из игроков «Янкиз». Она протягивает руку, хватает Джо за рукав, и он поворачивается, загораживая собой женщину в коляске.

– А, вот она где, – говорит Джо. – На месте.

– Да, – Мэрилин смещается чуть в сторону. – Да. Я здесь.

Ее представляют Джонни Сейну. Он пришел в «Янкиз» в 1951-м – Джо проводил тогда свой последний сезон, – когда они взяли верх над «Джайантс» и стали чемпионами страны.

– Он в тот раз выложился на все сто, – объясняет Джо.

– Едва ли, – Сейн говорит по-южному, с растяжкой. – Не смог прикрыть зону в шестой игре. Три стрейта[7], и я почти проиграл.

– Тем не менее в последующие годы он нас вытащил. А теперь Джонни тренирует питчеров. Никто и не вспоминает, что он был в «Брейвзе».

– Ну, насчет этого сказать ничего не могу. – Сейн оглядывается через плечо на скамейку запасных. – Приятно познакомиться, мисс Монро. Для меня это большая честь. – Она наклоняется, потому что не расслышала его из-за шума. – Большое удовольствие, – повторяет он громче, – познакомиться с вами.

Краем глаза Мэрилин замечает, что служитель разворачивает коляску, возможно, для того, чтобы его подопечной было лучше видно.

– Да, – напряженным голосом говорит она. – Взаимно.

– Джонни ждет сегодня многого от Терри. У парня золотая рука. Он еще покажет и Белински, и «Angels».

Мэрилин отступает правее, чтобы не видеть женщину в кресле.

– Буду болеть за него, – говорит она. – За Белински.

– Нет, – Джо качает головой и с кривой усмешкой подмигивает Сейну. – Бо Белински играет за «Angels». Мы болеем за Ральфа Терри.

– Хорошо, пусть так. Я буду болеть за Ральфа Терри.

– Я так ему и передам, мисс Монро. Думаю, это добавит ему газу.

– Да, так ему и скажите.

Сейн спускается к полю, и Джо следует за ним. Женщина в инвалидной коляске снова прямо перед Мэрилин. Уж лучше бы Джо задержался, рассказал что-нибудь про бейсбол, про то, почему «Angels» играют на «Dodger Stadium», или про что-то еще – неважно про что.

Она стоит рядом с Олби Пирсон, ждет, когда ее объявят. За ними плотной стеной выстроился хор мальчиков. Коляска чуть впереди. Женщина в ней вытягивает шею, пытаясь перехватить взгляд Мэрилин. И она знает – рано или поздно ей придется что-то сказать.

Услышав свое имя, Мэрилин смотрит в сторону сидений за основной базой. Ярусы сливаются. Зрители шумят, и она напоминает себе, что на этот раз они собрались сюда не ради нее. Но после неприкрытых угроз, после инсинуаций насчет ее возраста и заката карьеры упустить такой момент невозможно. Мэрилин поднимает руки, аплодирует и поворачивается к женщине в коляске. Толпа поднимается. Она подходит к микрофону, торопливо минуя кресло, словно от него можно заразиться чем-то, и обращается с призывом от имени благотворительного фонда.

Хор мальчиков исполняет «С днем рожденья» трогательно дрожащими от волнения, высокими голосами, слегка фальшивя и чересчур реально для нее. Как будто вспыхнувшая ярко миллионваттная лампочка являет всем ее скрытые доселе слабости. Когда они заканчивают, она, едва не падая на них, обнимает двух мальчиков в переднем ряду.

Кто-то берет ее за руку. Она оборачивается и видит, что это женщина в инвалидном кресле, собрав все силы, тянет ее к себе. Губы пытаются складываться в какие-то формы. Хриплый голос едва слышен из-за рева зрителей.

– Я только хотела сказать… с днем рожденья, – выговаривает

она.

По дороге домой Мэрилин сидит спиной к Джо, уставившись в окно и потирая переносицу. Сырой, холодный ветер «Чавез рэвин» пробрал ее насквозь. На игру они не остались, поэтому Джо по большей части отмалчивается. Она сказала, что ему лучше посмотреть матч, но он, руководствуясь чувством долга, решил сопроводить ее домой. Ему и в голову не пришло, что она совершенно искренне хотела, чтобы он остался. Иногда она не знает, какой вариант хуже: пригласить Джо в свою жизнь или прогнать.

Ближе к центру, на Пасадена-фриуэй, движение замедляется. Городские огни раздражают, вызывая приступ тошноты. Она закрывает глаза и просит шофера включить радио, чтобы не слушать собственные мысли – от них только голова пухнет. Джо растирает ей шею. Рука у него слишком большая. Неуклюжая. В ней нет нежности. Она жмется к дверце, дергает плечом, отводя его руку. Не хочет, чтобы ее трогали.

На следующее утро дышать почти невозможно. Градусник показывает 38. Лицо горит и распухло – синусит. О том, чтобы ехать в студию, не может быть и речи. Больно пошевелиться. Она смотрит на телефон. Не хочется даже набирать номер. Много лет назад, работая в «Radioplan», она всегда боялась сказаться больной, боялась потерять в зарплате. Бывали дни, когда из-за плохого самочувствия темнело в глазах и голова ничего не соображала, но все равно приходилось стоять у сборочной линии, собирать модели. Отмерять бальзу. Отрезать. Склеивать и собирать. Повторяя на протяжении всей смены «никогда больше». То же самое она повторяла про себя позже, когда ехала из старого аэропорта Метрополитан через поля в районе Ван-Найс. «Никогда больше».

Затаив дыхание, Мэрилин набирает номер Генри Уэйнстайна. (От одной лишь мысли объясниться с Кьюкором ей делается еще хуже.) Едва услышав ее голос, Уэйнстайн настораживается в ожидании неприятных новостей. Она начинает с извинения, потом рассказывает о благотворительном мероприятии и синусите, с которым ничего не может поделать. В общем, сниматься она сегодня не может. Лихорадка отправила ее в нокаут. Все плохо. Так плохо, что она уже думает сказать служанке, чтобы та позвонила доктору Гринсону.

Уэйнстайн молчит.

– Генри, ты меня слышал?

– Нет.

– Не можешь?

– Нет. Пожалуйста.

– Мне так жаль, Генри. Я не хочу остановок, ты же знаешь. Но сейчас все по-настоящему. Я этого не хочу.

– Нет. Нет. Нет.

Оба понимают, что это приведет к проблемам для нее и фильма. И что ей остается, как не извиниться еще раз?

Но он и слушать не хочет. Только повторяет:

– Нет. Нет. Нет.

– Мне пора, Генри. Я собираюсь хорошо отдохнуть и подготовиться к съемкам. День или чуть больше. Как скажет доктор. Но, пожалуйста, Генри, не беспокойся. Я вернусь, как только смогу. Просто мне нужно отдохнуть. Понимаешь? Я едва ноги волочу. Еле языком ворочаю. Ты ведь и сам слышишь. Так что мне пора. Иду отдыхать.

Она кладет трубку, выпивает таблетку от головы и откидывается на горку подушек с салфеткой, смоченной в теплой воде и яблочном уксусе. Компресс лежит на щеке, и у нее течет из носа.

Середина июня 1962-го: офис правления компании «Twentieth Century-Fox», Лос-Анджелес

Руководители компании собираются на спешно созванное совещание. Окна закрыты. Шторы задернуты. Верхний свет включен, но в комнате сумрачно. Почти темно. Совещание открывает вице-президент «Twentieth Century-Fox», Питер Ливатес, который звонит из Нью-Йорка.

– Мы позволили безумцам управлять сумасшедшим домом. Осторожный смешок; никто толком не знает, как воспринимать это заявление. Но Ливатес не смеется. Для него в этом заявлении ничего смешного нет. На какое-то время он оставляет все, как есть. Пусть подумают.

Никто ничего не говорит. Они уже знают, куда он клонит.

Ливатес продолжает. Говорит, что Мэрилин нужно уволить. Предполагалось, что картина должна покрыть дефицит, нанесенный бюджету компании «Клеопатрой», но никак его не увеличивать. Они не занимаются благотворительностью. Предполагалось, что проблем с картиной не будет. Ремейк. Надо лишь подработать сценарий да добавить несколько «звезд». Но этот сукин сын все провалил! Сколько раз переделывали сценарий? Сколько сценаристов с ним работали? Почему дело вышло из-под контроля, это понятно. Ливатес говорит, что у него все записано. Шуршит бумагой.

– Из тридцати семи съемочных дней, – читает он с листка, – Мэрилин Монро провела на съемочной площадке только одиннадцать.

Производственный процесс постоянно останавливается, едва ли не каждое утро, и буквально на лету, в него приходится вносить те или иные изменения.

– Да что ж такое нынче с актерами? – спрашивает кто-то, и Ливатес признает, что да, с актерами не все ладно, и часть проблемы – агенты, пытающиеся навязать студиям невыполнимые контракты. Это они раздувают у актеров самомнение, это из-за них «звезды» начинают мнить о себе бог знает что. На переговорах со студиями они требуют непомерной зарплаты. И королева этих зазнаек – Мэрилин Монро. Образец для подражания. Тридцать шесть лет. В нашем бизнесе ей бы радоваться, что в таком возрасте получаешь хоть какую-то ведущую роль, но нет, ведет себя так, словно это она заправляет этой гребаной студией. График постоянно меняется в

зависимости от ее настроения и настоящих или мнимых недомоганий. Такое поведение – угроза всей системе. Впечатление такое, что над ней никакого начальства нет. Она должна уйти. Это пойдет на пользу не только нашей картине, но и оздоровит всю киноиндустрию.

Последний аргумент защиты выдвигает Генри Уэйнстайн.

– А как же ее заслуги перед студией? – спрашивает он. – Разве она не достойна особого отношения? Это ведь наша история. Настоящая история.

Ливатес вздыхает в трубку:

– Деньги из мира прошлого мало что значат в мире будущего.

Уэйнстайн идет к окну. Отодвигает штору. На фоне светлого прямоугольника он кажется марионеткой из театра теней. И в этот момент становится еще яснее, что в Голливуде нет прошлого. Есть лишь немножко ностальгии, ровно столько, чтобы фундамент не рассыпался. Этот бизнес полностью нацелен на будущее.

Нет, не так.

Это бизнес, который закрывает глаза и надеется на будущее.

На следующий день колумнистка отдела светской хроники «Los Angeles Times» Хедда Хоппер первой сообщает об увольнении Мэрилин в своей колонке «Голливуд от Хедды Хоппер», приводя слова источника, которого называет «одним из самых информированных людей в киноиндустрии». Он сказал следующее: «Полагаю, это конец ее карьеры… Она не контролирует себя». Считается, что этим информированным человеком был Джордж Кьюкор.

Двадцатисемилетняя, на десять лет моложе Мэрилин, Ли Ремик в расцвете сил. По контракту с «Twentieth Century-Fox» ей предписано взять роль Мэрилин в «Что-то должно случиться». И хотя пресс-агенты студии пытаются подать ее как американский ответ Брижит Бардо, «красотку с деньгами и воспитанием, заряженную сексуальностью» (она сама была против такого образа и даже наняла собственного пресс-агента, поручив ему представлять ее серьезной актрисой, которая, как и Мэрилин, посещала Актерскую студию), для роли именно в этом фильме важны качества, описанные ею в интервью «New York Herald Tribune». «Моя проблема в том, что я всегда была слишком счастлива. У меня прелестный ребенок, чудесный муж, меня любят друзья, у меня нет неврозов. Я не какая-то чудачка. Каждая моя роль не похожа на другую, потому что я не привношу в нее фирменный невроз… Почему, чтобы хорошо сыграть роль, актриса должна быть странной, вульгарной, буйной?» Если Ремик

и впрямь сможет расчистить оставшийся после Монро завал, Ливатес готов дать указание, чтобы ее не равняли с Брижит Бардо. Пусть говорит всем, что она – серьезная актриса.

8 июня Ремик одевается из гардероба Мэрилин и фотографируется с Джорджем Кьюкором; оба натянуто улыбаются – не проявляющая энтузиазма дебютантка и ее патрон. Но за сценой она им не верит. Не верит их объяснениям и подозревает, что все это – попытка «Twentieth Century-Fox» унизить Мэрилин Монро. Ремик попросила своего агента выяснить, действительно ли она должна пройти через это за ничтожные 80 тысяч долларов. К тому же и время поджимает – в июле, согласно контракту, ее ждут съемки в «Бегущем человеке». Но решение принято и обсуждению не подлежит. Ли проинформировали, что она должна «Twentieth Century-Fox» еще один фильм, и что бы там ни думала ее предшественница в этой роли, Питер Ливатес все еще главный. Ей полагается быть любезной. Выйти, куда нужно, и сделать подобающее случаю лицо – ради картины. А потом делать все, о чем попросит рекламный отдел.

Пока они с Кьюкором позируют перед камерами «Twentieth Century-Fox» объявляет через своего юридического консультанта «Мюзик, Пиллер и Гаррет», что студия подает иск на сумму в 500 000 долларов против Мэрилин Монро и ее компании «Marilyn Monroe Productions». Отвечая на вопрос одного нью-йоркского репортера, адвокат Джесси Р. О'Мэлли из «Мюзик, Пиллер и Гаррет» заявляет, что Мэрилин Монро сознательно нарушила контракт и что ее неправомерные действия обошлись студии примерно в 2 миллиона долларов. Он также говорит, что сумма претензий будет увеличена с 500 тысяч до миллиона долларов. Публично никто не говорит, что в истории взаимоотношений Монро и «Twentieth Century-Fox» бывало всякое, и она уже уходила от них в 1955-м. Не говорят о враждебности, контрактах, окупаемости. Это их позиция – публичная битва, имеющая целью наказать Мэрилин и всех тех, кто стоит за ней и кто несет за нее ответственность. Ставки в этой схватке высоки – навести порядок в кинобизнесе вообще и в производстве данного фильма в частности. Может быть, об этом и думает с беспокойством Ли Ремик, следуя за пресс-агентом и чувствуя себя чудачкой, обрядившейся в чужой, наспех подшитый костюм. Тем не менее она улыбается и, призывая на помощь актерские навыки, пытается показать, сколь польщена оказанной ей честью.

Но есть еще Дин Мартин, который, услышав об изменениях, говорит примерно так: послушайте, я ничего не имею против Ли

Ремик, но позвольте напомнить, что я подписался работать с Мэрилин Монро. Знаю, это бизнес и дело не в сценарии и не в фильме, а именно в работе с Мэрилин. Повторяю, чтобы не было кривотолков, это не имеет никакого отношения к Ли Ремик, она прекрасная актриса, настоящая красавица, и я знаю, что когда-нибудь, если больше не получу шанса поработать с ней, пожалею об упущенном, потому что она большой талант, но в данном случае мы говорим о Мэрилин Монро, и я скажу вот что: если вы не понимаете, почему из-за нее такой шум, проведите рядом с ней тридцать секунд – и вы уже на крючке. Вот почему этот фильм такой особенный, и вот почему я согласился сыграть в нем – из-за ее магии. Повторяю, не поймите меня неправильно. Я знаю, что Ли Ремик – это сила, знаю, что она – американская Брижит Бардо, и я очень уважаю мисс Ли Ремик и восхищаюсь ее талантом, как и всеми актрисами, рассматривавшимися на эту роль, но я взялся работать с Мэрилин Монро – и ни с кем другим работать не буду. Поэтому сразу выложу карты на стол: не будет Мэрилин – не будет картины.

Весь следующий месяц Мэрилин занята. Фотосессии для журналов: «Life», «Vogue», «Cosmopolitan». И на каждой из этих фотосессий она демонстрирует новую сексуальность – не ту, что обязательно предлагает себя, но ту, что доказывает свою силу перед камерой. Она словно пытается уйти в камеру, позволить ей поглотить последние остатки Мэрилин.

По настоянию Дина Мартина (в первую очередь, из-за пункта в его контракте, гласящего, что он будет работать только с Мэрилин), начинаются переговоры с целью вернуть Мэрилин в проект «Что-то должно случиться». «Twentieth Century-Fox», со своей стороны, соглашается поднять ее зарплату на более приличествующий статусу актрисы уровень. Мэрилин же соглашается сделать для них еще две картины (без присутствия на площадке Паулы Страсберг). У нее есть еще одно требование. Условие, препятствующее достижению соглашения. Она не станет работать с Джорджем Кьюкором. После того как он обращался с ней на площадке, это невозможно.

Интерес к проекту выражает Жан Негулеско. Он уже снимал Мэрилин в картине «Как выйти замуж за миллионера». Она доверяет ему, считает, что он по-настоящему уважает актеров, и ценит его чуткость, способность воспринимать магию камеры, а не только видеоряд. Поскольку потребуется некоторая перегруппировка и изменение графика, съемки возобновятся в октябре. Если все пойдет по плану, компания отзовет иск.

Но отделаться от Джорджа Кьюкора, выбросить его из головы не так-то просто. Она сняла его. Свалила. Но и он зацепил ее. Заставил думать о возрасте. Эти мысли теперь постоянно с ней, они стали ее частью. Это он сказал, что есть только одна Мэрилин, до которой кому-то еще есть дело. Сказал, что она может потерять даже это.

Но так ли уж это плохо – потерять ту Мэрилин Монро?

Его слова засели крепко. Она почти никому не доверяет. Людей, на которых можно рассчитывать, осталось немного. Чтобы сохранить равновесие, не упасть, нужно постараться, добавить прилежания и старания. Она возобновила занятия йогой. Но дело не только в позах, которые должны укрепить ее ноги; йога должна добавить ей твердости, основательности, помочь найти центр устойчивости. По вечерам она откладывает «Убить пересмешника» и «Фрэнни и Зуи» и берется за «Автобиографию йога» и «Бхагават-гиту».

Может быть, Кьюкор оказал ей своего рода услугу? Открыл дверь, чтобы Мэрилин Монро могла уйти? Роль была хорошая, и она получила от нее удовольствие. Но жить здесь она больше не хочет.

Когда-нибудь, обретя уверенность и найдя новую точку опоры, она поблагодарит Кьюкора.

Когда все кончится.

27–28 июля 1962-го: «Cal Nova Lodge», Кристал-Бэй, Невада

В резюме к статье «Обнаженное самоубийство», опубликованной в журнале «Американской академии психиатрии и права», доктор Роберт Саймон пишет: «Обнажение при попытке самоубийства рассматривается как свидетельство серьезности намерений довести попытку до конца. Умышленное членовредительство, без намерения умереть, редко совмещается с обнажением». В своей статье доктор Саймон отмечает, что в случаях с женщинами, покончившими с собой в обнаженном виде, традиционно считалось, что это убийство, замаскированное под самоубийство, поскольку «женская стыдливость переходит в смерть». Похоже, это не так. Большая часть самоубийств с обнажением происходит путем отравления или повешения, в результате чего тело предстает в наихудшем виде. Психологические объяснения самоубийства с обнажением пока еще не выяснены. Возможными мотивами, говорит доктор Саймон, являются месть, искупление, ощущение крайней уязвимости. В других случаях – особенно, когда имеет место передозировка, – никакого рационального мотива может и не быть. Бывает, что так случается лишь потому, что человек полностью теряет ориентацию.

23:25

На мгновение она забывает, где находится. Куда идет. Здесь туманно, не хватает воздуха и пахнет мужчинами. В животе покалывает. Остановившись в кромешной темноте, она думает, что здесь можно бродить вечно, так и не найдя выхода.

Немного похоже на ту игру, в которую они играли в детстве на заднем дворе: тебе завязывают глаза, потом несколько раз поворачивают кругом и отпускают. Сначала страшно, страшно до тошноты. Но потом приходит инстинктивное понимание, что в конце концов ты выберешь правильное направление.

Протянув руку, она ненароком смахивает с вешалки пальто. Это пальто Синатры. Она в его гардеробной.

Выбравшись из казино, Мэрилин спешно прошла по туннелю к коттеджу, чувствуя себя в подземном переходе, словно в сказке. Из одной жизни в другую. Держась за металлический поручень, она осторожно, шаг за шагом, спустилась по устланной ковром лестнице. Путь освещают голые лампочки, теплящиеся на фоне сырых стен. Где-то на середине пути она поняла, что покинула территорию Невады, где правила не просто другие – они изменчивые. Их можно трансформировать. Можно по-разному интерпретировать. Она помнила, что идти нужно прямо. Никуда не сворачивать. Не искать обходных путей. Осторожно, сдерживая нетерпение, скользя пальцами по водопроводным трубам, она продвигалась к выходу из дома Синатры. За ней следовали мужские голоса – громкие, требовательные. От голосов вибрировали трубы. Они вылетали из-за поворотов. Эхо Джанканы. Будь начеку, не расслабляйся, напоминала она себе. Не впускай их в себя. Она повторяла это снова и снова, пока и в самом деле не почувствовала голоса в себе. Настойчивые и громкие. Колючие. Рука отдернулась от трубы, пальцы сжались в кулак. Она обернулась. Посмотрела в темноту за спиной. Ничего не увидела и, прибавив шагу, продолжила путь. Лишь бы не дать им почувствовать ее страх. В конце туннеля, так и не увидев никого, она взбежала по ступенькам в гардеробную Фрэнка и даже ни разу не споткнулась.

В приоткрытую дверь струится отраженное озером лунное сияние. Она стоит в гардеробной, касаясь головой раскачивающейся вешалки, недосягаемая для оставшихся в туннеле преследователей, одна и в безопасности.

Как в той детской игре во дворе.

Она чувствует – они идут. (Кто? Джанкана со своей бандой? Или Фрэнк – со своей?) Грузные, тяжелые шаги грохочут по бетонному полу. Ни намека на учтивость. Приезд на Тахо был попыткой сбежать. Не стать частью той жизни – жизни шоу-бизнеса. Но они не позволят ей этого. Она извивается, стараясь выпутаться из длинного спортивного пальто, и слетевшая с ноги правая туфелька ударяется о стену.

Она уже потеряла время, дважды обшарив гардеробную в поисках туфельки. В кино сцена могла бы получиться комичной – темная гардеробная, неуклюжие гангстеры и напуганная, растерянная блондинка. Но только они не такие уж неловкие, и это не кино. В конце концов она сбрасывает левую туфельку, швыряет ее через плечо и бежит прямиком к передней двери. Только бы добраться до своего домика, закрыть за собой дверь, отгородиться от всего мира!

Терраса неровная и шаткая. Она едва держится на ногах от страха. Голоса ближе и ближе. Она взлетает по ступенькам. Колючие доски цепляются за чулки. До домика номер три рукой подать, но в какую сторону идти? Запутавшись, она поворачивает направо, к бассейну. Туда, где светится похожая на искусственный опал вода.

Забилась в уголок. Ступням больно. Подошвы нейлоновых чулок стерлись, в пятки вонзились камешки. Она прислоняется к окружающей бассейн проволочной изгороди, обхватывает себя руками. Может, удастся раствориться в ночном сумраке, смешаться с темнотой.

На калифорнийской стороне приходит ощущение безопасности. Ни вразумительного объяснения, ни сколь-либо весомой причины нет. Может быть, дело в сознательно навязываемом ощущении порядка, контрастирующем с образом попирающей закон Невады – азартные игры, отсутствие ограничения на скорость вождения, быстрые, за шесть недель, разводы. Последнее прибежище фронтирского популизма. Она искусственная, это граница между Калифорнией и Невадой. Произвольное разделение, определенное путем сделок и компромиссов и закрепленное в проведенной рукой картографа линии. И тем не менее есть ощущение, что граница эта вполне реальна и существует, как некий физический объект. Как крепость, оберегающая определенный жизненный уклад. Или не пускающая кого-то. Зависит от того, как смотреть.

Тучи начинают сгущаться, и лунная тень накрывает западную сторону холма через улицу. Ее можно увидеть отсюда, если стать,

как надо. Может быть, это из-за наклона земной оси. На середине склона заметно движение. Джо стоит на полянке между двумя соснами в последних лучах лунного света. Издалека он кажется совсем маленьким, крошечной фигуркой, но в том, что это именно Джо, сомнений нет. Эту позу она узнает где угодно – когда расстроен, он всегда стоит вот так, подбоченясь. Когда чувствует себя беспомощным, всегда переминается. Она поднимает руку и осторожно машет ему.

Тень сползает по склону. Все ближе к нему.

Когда-то Невада воспринималась по-другому. Точно, в 1957-м, когда Артур ездил туда за разводом, чтобы жениться на ней. Ему нужно было свидетельство местного жителя, который заявил бы, что Артур действительно прожил в Неваде требуемые полтора месяца. Желающих дать показания было хоть отбавляй. Казалось, весь Серебряный штат приветствовал его восторженно, словно некий коллективный шафер. Вот почему она с радостью отправилась туда на съемки «Неприкаянных». Как будто задолжала штату. И как же быстро она научилась бояться его! Высушенной равнины озера Пирамид. Бесконечных поездок в Дейтон и томительного ожидания на жаре. Утренних и вечерних часов в отеле «Mapes» в Рино, где с каждым днем все невыносимее становилось находиться с мужем, с которым она провела вместе едва ли четыре года, и физической реакции на него, не имевшей под собой ни логики, ни оправдания. Шести месяцев оказалось вполне достаточно. Теперь, четыре с половиной года спустя, она с радостью осталась бы в Калифорнии навсегда.

У иллюзионистов есть трюк, в котором ассистент, обычно привлекательная девушка, садится в установленный на столе ящик. Мастер берет несколько острых мечей и втыкает их в ящик под всевозможными углами. Сбоку. Снизу. Сверху. Для пущего эффекта фокусник может даже пригласить на сцену кого-нибудь из зрителей и предложить проткнуть девушку в ящике. В конце представления ящик открывается, и девушка выходит из него целая и невредимая. Но даже лучшие иллюзионисты знают, что риск есть, и он увеличивается, если показывать номер каждый вечер. Невозможно просто так давать людям меч и надеяться, что они всегда будут промахиваться.

Она никого не видит, но они должны быть где-то здесь. Наверняка стоят на веранде у Синатры, облокотившись о перила, дымя сигаретами и провожая взглядами уплывающие к озеру колечки дыма. Она чувствует себя загнанной в угол. Кого-то

инстинкт выживания мог бы подтолкнуть к действию, Мэрилин же только съеживается, прижимается спиной к стальному столбу еще сильнее, как будто сплавляясь с ним.

Неподалеку от бассейна она видит Circle Bar. Там шумно и полно народу. Народ откликнулся на приглашение Фрэнка и перекочевал в бар. Где-то там, может быть, и Пэт: старается пробиться к Фрэнку, рассказать о своей проблеме. Несколько человек собрались перед окном. Какая-то женщина энергично излагает свое мнение, жестикулируя и не замечая, что ее бокал понемногу пустеет. Какая несправедливость – люди смеются и беззаботно болтают, словно в мире нет никаких опасностей.

Плавательный бассейн наилучшим образом отражает особенности расположения «Cal Nova». Его отличительная черта – выложенная черной плиткой разделительная линия, по одну сторону которой Калифорния, по другую – Невада. Обе половинки обозначены соответствующим образом. Вот только проходит линия не посередине, как думают некоторые. Часть, отданная Калифорнии, составляет примерно треть бассейна. Ту, которая мельче.

Она представляет себя одной из тех женщин, которых видела в норуолкской больнице. Всегда немного не попадают в ритм, однако ж уверенности им не занимать. Но встречаясь с остальным миром – пугаются, закрываются и уходят в себя. Как столкнувшееся с агрессором миролюбивое племя.

Тень на холме движется быстрее, как медленно сходящая лавина. Она все еще видит Джо, но не знает, для того ли он там, чтобы защитить ее, или же чтобы только покачать головой, разочарованно и стыдливо. Холм все глубже погружается в тень. Она уже едва различает Джо. Почему он не уходит? Почему позволяет тени накрыть себя? Она поднимает руки, пытается привлечь его внимание, шепчет: «Спускайся. Спускайся. Ты нужен мне».

Защищаясь от хищников, некоторые насекомые предпочитают спрятаться, слиться с окружающей средой, убрать голову и замереть, рассчитывая, что их не увидят. Другие прибегают к мимикрии, принимая некоторые характеристики, придающие им сходство с хищниками. Насекомое нередко выживает потому, что охотник просто минует добычу, принимая ее за представителя своего рода.

Джо теряется наконец в темноте, и она, оттолкнувшись от столбика, тихонько, едва переставляя ноги, идет от бассейна;

тело ее отяжелело, волосы спутанны, камешки впиваются в подошвы. С веранды Синатры доносятся громкие, грубые голоса мужчин, не догадывающихся о том, что она рядом, да и, похоже, даже не думающих об этом.

Опасность здесь повсюду. Ловушки за каждым углом, но они не имеют узнаваемой формы и представляют собой абстрактные очертания судебного иска, серии невидимых угроз или сорвавшегося плана спасения. Все, что она может, это вернуться в свой домик, допить оставленное на плетеном столике теплое шампанское, зажечь свечу, проглотить несколько таблеток, раскинуться на кровати и спрятаться под покровом ночи.

23:50

Фрэнк открывает дверь, не постучав, держа ее туфли, как подарок. Черные каблучки постукивают друг о друга. Одежда на нем та же, что и на шоу, – узкие черные брюки, белая рубашка с застегивающимся на пуговицы воротничком и пиджак. Нет только федоры[8]. Свеча отбрасывает на все вокруг неровный, таинственный свет. Фрэнк приглаживает волосы ладонью и смотрит на нее сверху вниз. Пощипывает цветок стоящего в вазочке букета. Лепесток падает на пол, и он подталкивает его ногой к кровати.

Она лежит на покрывале. Одетая. Босая. Свет почти сгоревшей свечи падает ей на лицо. На полу валяются бутылки из-под шампанского; на столе выстроились пузырьки с таблетками, два из них открыты, пробок нет. Глядя на него, она говорит: «Фрэнк», – и с едва заметной улыбкой закрывает глаза.

Он присаживается на край кровати и ставит рядом с собой ее туфли. Его колени повернуты вовне. Берет ее за левую лодыжку, медленно поднимает ногу и кладет себе на колени. Надевает туфлю.

– Наконец-то я нашел мою принцессу. И что за фокус она выкинула в моей гардеробной?

Мэрилин молчит.

Фрэнк поправляет постель. Разглаживает морщинки от своих брюк. Вторая туфелька падает на пол. Он подкладывает подушку под шею, обнимает Мэрилин одной рукой.

– Думал, ты хотя бы выпьешь со мной после шоу. – Он устраивается поудобнее. – Неужели я был настолько нехорош?

– Ты был замечателен. Как всегда.

– Тогда в чем дело? Почему ты подвела меня?

Мэрилин хочет поговорить, но после нескольких слов мысли сбиваются, и она забывает, что собиралась сказать. Ее душит злость, но она плохо понимает, на что злится. Разве лишь на то, что не может не быть в мире, быть в котором не желает. Кое-как объясняет, что приехала отдохнуть на уик-энд, но то, чего здесь не должно было быть – и он клялся, что не будет, – оказалось здесь, и оно, когда никто не видел, поймало ее и тянет вниз.

– Я клялся? Когда никто не видел? Ты о чем, черт возьми, говоришь?

– Я не про твое шоу, Фрэнк. Твое шоу замечательное. Так бы смотрела и смотрела, без конца…

Он резко садится, выдергивает руку у нее из-под шеи, и подушка падает на пол.

– Не разыгрывай передо мной сумасшедшую.

Она улыбается. Сумасшедшая. В его произношении это слово звучит почти мило.

– Ты ведь даже не представляешь, что с тобой творится, да? – нервно цедит он сквозь зубы.

– Нет, – она качает головой. Потом кивает:

– Может быть, немного…

Он говорит, что ей нужно быстро привести себя в порядок, потому что, если она будет такой завтра, он отправит ее домой, и пусть она забирает с собой эту шавку, Пэт Лоуфорд. У него тут не приют для душевнобольных. Люди здесь отдыхают, расслабляются, получают удовольствие. Здесь не важно, кто ты такой. Здесь все – его друзья.

– К утру. Реши все к утру. Подумай, как вернуть ту Мэрилин, которую я знаю.

Он наклоняется и задувает свечу. Ей кажется, затемнение коснулось только ее лица. Он уходит, и все остается, как было, только теперь у нее одна туфелька на ноге, а другая лежит на полу, да еще букет выглядит чуть более увядшим, и свеча погасла.

– До утра, – говорит он за закрытой дверью.

– До утра, – шепчет она. Его шаги громыхают по ступенькам. Она поворачивается на бок и обнимает подушку, напевая тихонько: «Завтра, это завтра, это завтра, это завтра».

После ухода Фрэнка главная цель – уснуть. Взять себя в руки. Иногда желтый предупреждающий знак не подпускает ее слишком близко к краю. Иногда говорит, что ей нужно опасаться падающих камней. Вот почему врачи и медсестры дают ей пилюли. Чтобы помочь удержать от рокового шага. Они – предохранительный барьер, не дающий подойти к краю, защитный зонт от падающих камней. Вопрос безопасности. Разве не так, порой извиняющимся тоном, говорили медсестры в Норуолке, напичкав таблетками ее мать?

* Декадрон фосфат
* Хлоралгидрат
* Rx 80521
* Rx 80522
* Rx 13525
* Rx 13526
* Секонал

Никто так и не смог определить, какие медикаменты лучше всего ей подходят. Доктор Энглберг, когда она спросила его об

этом, не стал даже задумываться. Сказал только, что она все равно не поймет.

– По-моему, вы пытаетесь меня контролировать, – говорит она, и он смеется:

– Вы каждый раз меня смешите.

– Нет, я серьезно…

– Нет, *я* серьезно, – обрывает он ее. – Вот получите медицинскую степень, тогда и сможем что-то обсуждать.

– А вот теперь уже вы меня смешите.

Так они обычно и разговаривают, а заканчивается тем, что она делает вид, будто соглашается с ним. Оба знают, что она держит дома и другие антидепрессанты, которые ей достают в Тихуане. Проблема в том, чтобы запомнить: что для чего и что как называется. С цветами у нее всегда путаница.

Она убирает за ухо прядь волос, проглатывает загадочную таблетку (Rx 13525) и запивает ее шампанским.

За то, чтобы привести себя в порядок.

12:11

«Молния» на платье расстегнута. Она лежит на животе, опираясь на локти. Сквозь шторы просачивается жидкий лунный свет. Тонкая простыня свежего воздуха ложится на нее, и обнаженная спина покрывается «гусиной кожей». Телефонный провод тянется к середине постели, едва преодолев горку подушек, и подрагивает от напряжения над самым покрывалом.

Номер она набирает инстинктивно. Может, это алкоголь и нервы, но звонки слышатся серией бесконечных спиралей, механическим урчанием, обрывающимся неожиданным «алло». Она узнает голос, знакомый ей почти так же хорошо, как собственный, но вспомнить, кому он принадлежит, не может, лишь связывает его с Актерской студией. Как будто контакт с кратковременной памятью сгорел.

– Кто это? – спрашивает Мэрилин.

– Вы же сами мне позвонили.

– Знаю, что позвонила, но…

– Джинни, – осторожно говорит голос.

– Джинни кто?

– Это ты, Мэрилин?

– Ты – Джинни Кармен?

– Господи, Мэрилин. Это Джинни.

– Что ты делаешь, Джинни?

Она не узнает Джинни – голос другой.

– Сейчас не самое удобное время… Ты же понимаешь, что я имею в виду, да? Ты ведь не на озере Тахо? Мне кто-то говорил…

Она не отвечает. Берет с прикроватной тумбочки бокал, допивает шампанское.

– Мэрилин? Ты еще здесь?

– Да, Мэрилин еще здесь.

– Милая, мы можем поговорить утром? Хорошо?

– Просто… я так устала. Не могу уснуть. Понимаешь, смотрю на таблетки и не могу их различить, а этикетки… они ничего не значат. Здесь все непонятное, вот я и подумала, что, может быть, ты подскажешь?..

Джинни смеется:

– Послушай, я вряд ли…

– Давай я опишу их тебе.

– Мэрилин, сейчас ночь. По-моему, с тебя уже хватит. Понимаешь, что я имею в виду? Я немного… ну, ты знаешь… К тому же у меня здесь небольшая компания, так что мне еще и слышно плохо.

– Тогда я просто назову цвета, ладно? Громко и быстро. Я просто хочу найти ту, которая нужна, вот и все. У меня уже сил не осталось. И я хочу найти ту, которая сработает.

Она слышит в трубке громкое дыхание Джинни. Слышит смех собравшихся в комнате мужчин и женщин. Смех звучит где-то далеко.

– Мэрилин? Слушай, – снова говорит Джинни. – Я хочу, чтобы ты прямо сейчас, быстро легла и уснула. Без всяких таблеток. А утром, когда проснешься, пусть играет Норма Джин. Отправь эту шлюшку спать. И перестань нести чушь. Представь, что мы в Нью-Йорке, где все это голливудское дерьмо можно отправить… Ты знаешь, куда. Мэрилин нужно уснуть. Выпускай Норму Джин.

– Джинни, мне ничего не надо. Ты только помоги разобраться с ними.

– Милая, да я телефонный провод буду неделю распутывать. Я не в той форме, дорогая, чтобы различать цвета на расстоянии. Сегодня не могу. Ты просто поспи сейчас.

– Пожалуйста, Джинни.

– Норма, – взывает голос из телефона. – Норма Джин. Где бы ты ни была – выходи, выходи!

12:25

Трубка в домике номер три снята необычайно долго. Оператор-телефонистка замечает это, работая с телефонным коммутатором, – мигающую, как надоедливое насекомое, лампочку. Лампочка мигает уже некоторое время, просто она не обращала на нее внимания из-за большого количества звонков. Что происходит в гостевых домиках, это, конечно, не ее дело, но какое-то чувство подсказывает – надо сказать кому-то, что там, похоже, не все в порядке. Такова профессиональная этика. Которая выше соображений приватности.

12:40

Бегущие по небу тучи частично затмевают луну. В домике становится еще темнее. Она хочет только одного – уснуть. Протягивает руку и хватает первый попавшийся пузырек. Ощупывает, будто читает по Брайлю[9]. Вытряхивает таблетку. Может быть, голубую. Может быть, зеленую. Делает заколкой дырочку, подносит ко рту, слизывает крошки, глотает и чувствует, как лекарство поступает в кровоток. Она заносит руку за голову, разжимает пальцы и роняет таблетку на зеленый ковер.

Телефонистка сообщает начальнику о том, что трубка в домике номер три необычайно долго снята с рычага. Они звонят мистеру Синатре. Тот ругается, потом говорит, что это не его проблема, что он вмешиваться больше не будет. У него нет времени на всю эту чушь. Потом успокаивается. Обдумывает услышанное. Решено послать в домик Питера Лоуфорда – пусть осторожно постучит, откроет дверь, заглянет и убедится, что все в порядке. Она ему доверяет, говорит Синатра. Они оба из Голливуда. Кто знает? Может быть, она сидит на кровати, прижимая трубку плечом к щеке, и просто прогонит его или покажет жестом, чтобы подождал. Или, может быть, она уснула, не заметив, что сброшенная туфля сбила с рычага трубку, и не слыша гудков.

Оператор надеется, что не все так просто. Как-никак именно она взяла на себя риск, подняв тревогу. Нарушение приватности гостей, особенно тех, которым было обещано уединение, – дело серьезное. С одной стороны, телефонистка надеется, что случившемуся есть простое, безобидное объяснение. Но в глубине души она рассчитывает на нечто ужасное, полностью оправдывающее ее вмешательство.

1:03

Она уже почти ничего не видит, и, хотя лежит на кровати, свернувшись, подтянув ноги, чувствует себя так, словно летит вниз, падает. Она по-прежнему одета, но вечернее платье словно парит над ней, издавая едва слышное гудение, как будто оно под напряжением. Ладони упираются в матрас, чтобы смягчить удар. Ей удается замедлить падение. Когда все кончится, когда можно будет, не опасаясь, подняться с кровати, она выберется из платья и отшвырнет его на пол. Потом вытянется на кровати, полностью обнаженная, ничем не стесненная. И тогда все будет просто. Она слегка отпускает тормоз, расслабляется и тут же погружается еще глубже.

1:20

Она едва замечает, когда он распахивает дверь и врывается в домик.

Правая нога, высунувшись из-под покрывала, подергивается. Ступню свело, пальцы и свод стопы напряжены. Чахлый лунный свет струится по бедрам. Она говорит, что чувствует, как он стекает с лодыжек и собирается лужицей на простыне. Левая рука сжата в кулак. В правой телефонная трубка. Она поднимает глаза и щурится, как будто наблюдает затмение.

Он стоит, занимая собой едва ли не всю комнату. Дергает себя за пальцы. Суставы хрустят. Сухой треск напоминает далекий гром. Шагнув вперед, он задевает ногой пустую бутылку из-под шампанского, и та откатывается под кровать и стукается о стену. Глухой звон.

– Привет, – говорит она. Губы слиплись, во рту пересохло. Телефонная трубка выскальзывает из пальцев, сползает с кровати и болтается, повиснув на шнуре.

Он шумно выдыхает, как будто не ждал застать ее живой.

Неужели она и впрямь выглядела, как мертвая?

Он подхватывает ее под мышки, подтягивает вверх, прислоняет к спинке кровати. Она чувствует у себя на спине его теплое дыхание. Он прикрывает простыней ее груди.

– Мэрилин. Ты меня слышишь? Я знаю, ты там.

Голос обращен не к ней. Он обтекает ее, окружает, скапливается в самых неожиданных местах.

Она кивает. Получается, должно быть, плохо, потому что он продолжает спрашивать, слышит ли она его. И при этом легонько похлопывает ее по щеке.

Она снова проваливается, погружается…

Вода… Обрушившийся внезапно водопад медленно возвращает ее на поверхность.

Она кивает. Ощупывает себя. Трогает бедра. Ощущение падения ушло.

В глазах начинает проясняться. Похоже, Питер Лоуфорд вылил ей на голову целое ведерко из-подо льда. Питер… Не Джо?.. Она, в общем-то, и не верила по-настоящему, что это Джо. Просто подумала почему-то…

11:10

За утро простыни высохли. В щель между шторами струится луч света. В комнате уже тепло. Завтрак она проспала.

Мэрилин скатывается с кровати и, как будто ничего не случилось, разводит руки и ноги, крутит головой, тянет к потолку пальцы, распрямляя спину. Суставы похрустывают, будто их слишком туго загнали в суставные ямки. Потом она оглядывает комнату и вдыхает спертый запах прошлой ночи, напоминающий, что голова у нее раскалывается, а глаза вот-вот лопнут.

Физические следы катастрофы налицо:
Ведерко из-подо льда на полу
Разбросанные пузырьки повсюду
Букетик увядших полевых цветов
Поникший фитилек свечи в застывшей лужице воска
Бутылки и осколки

Она подходит к зеркалу над бюро, наклоняется, упершись липкими ладонями в крышку комода, и почти касается лицом стекла. Волосы склеились и спутались, глаза опухли, кожа бледная. Мэрилин дышит на стекло и ищет облачко тумана – удостовериться, что она еще жива.

Она не знает, что ждет за дверью, кто там может быть и где те лазейки, через которые можно сбежать.

Натягивает капри, зеленый топ от Гуччи, повязывает на голову шарфик. Она чувствует себя дикарем в маске с выпученными глазами и устрашающими чертами, которые должны отпугивать врагов и вороватых духов.

Вот он какой, крах. Как палата, где твои разочарования и страхи живут в тебе язвительными напоминаниями. Снаружи есть другой, веселый, праздничный мир, но попасть туда ты не можешь – тебя не пускают страхи и разочарования.

12:00

Придя на послеполуденную смену, оператор-телефонистка первым делом проверяет, все ли в порядке с линией домика номер три. И даже если бы трубка не лежала на рычаге, она ничего бы не сказала. О том, что на самом деле произошло ночью, ни слова. Она даже не знает, была ли тревога обоснованной. Ни разговоров, ни пересудов. Никаких подробностей. Ничего. Даже если попытаться неясными намеками и наводящими вопросами вытянуть какую-то информацию из коллег, они не ответят, потому что не поймут, о чем она спрашивает. Она и сама ничего бы не сказала, оказавшись в подобных обстоятельствах.

Она понимает, что такое приватность.

12:07

На площадке под верандой своего домика она замечает Синатру и Бадди Греко. Высокие пинии каскадом уходят вниз, к озеру. Синатра, в плавках и без рубашки, разлегся в шезлонге и читает газету. Голые ноги скрещены, на костлявых плечах полоски солнечного света. Греко – на нем рубашка-хаки с короткими рукавами и такие же брюки – стрижется, но то и дело оглядывается, так что парикмахеру приходится его одергивать.

Она машет Фрэнку; он всегда был для нее надежной опорой.

Синатра поднимает голову и смотрит на нее поверх газеты.

– Итак, королева вышла-таки из дворца. – Газета падает ему на колени, из нее выскальзывает вкладка, и ветер несет ее по бетонированной площадке.

Он качает головой и отмахивается – уходи.

Она остается. Поправляет очки, которые воспринимает, как часть маскировки какого-нибудь злодея.

– Фрэнк? – голос ее звучит слабо и беспомощно.

Ветер гонит газетную вкладку по кругу и, наконец, швыряет к его ноге. Он раздраженно отбрасывает ее.

– Хватит. Собирай вещи и отправляйся домой.

Он щелкает пальцами – исчезни!

С этим щелчком она делается невидимой. Хватается за перила, чтобы не свалиться. Она не знает, что делать. Разве что слететь по ступенькам и бежать, набирая скорость, в надежде, что ей удастся переплыть озеро Тахо и просто раствориться за ним…

Постскриптум

Неделей позже

Освещая смерть Мэрилин Монро, «Los Angeles Times» от 6 августа 1962 года сообщала, что «сегодня коронер Теодор Дж. Карфи назначил «психиатрическую аутопсию» Мэрилин Монро». Психиатрическая аутопсия, иногда называемая психологической аутопсией, была разработана и усовершенствована докторами Эдвином Шнейдманом, Норманном Фарбероу и Робертом Литманом из Центра по профилактике суицида в лос-анджелесской окружной больнице общего типа. Их метод основывался на серии бесед с друзьями и коллегами умершего – главным образом, диалоговом собирании свидетельств, способствовавших разработке посмертной психологической истории. Несмотря на то что она могла указать на различные причины смерти, главной ее целью было определить, имело ли место самоубийство. К тому же разработчики данного метода полагали, что практика клинических исследований даст им важную информацию для предотвращения суицидов. Отчет о психологической аутопсии Монро так никогда и не был опубликован. В определенный момент просочилась информация, что в одном из заключений экспертов утверждалось, будто «перед смертью она пребывала в суицидальном состоянии ума», но в газетах об этом не было ни слова – едва ли для кого-либо это являлось новостью.

В качестве подстрочного примечания почти во всех статьях о практике психиатрической аутопсии говорится, что со смертью Мэрилин Монро эти исследования завоевали внимание всей страны.

После ее смерти многие газеты приводили слова Питера Ливатеса, заявившего, что студия не будет претендовать на ее наследство.

В статье «New York Times» от 6 августа, посвященной ее смерти, говорилось, что в последнее время Мэрилин «фактически жила отшельницей».

Ее спальня описывалась как «скудно обставленная». Только кровать. Туалетный столик. Приставной столик. И телефон из прихожей, провод от которого тянулся через смятые простыни.

7 августа 1962-го: морг Уэствуд-виллидж, Лос-Анджелес

Это заняло ровно три дня.

Все прошло тихо и спокойно.

В морге Уэствуд-виллидж находились лишь персонал да несколько членов семьи. Чуть поодаль ожидали специалист по гриму и гардеробщица, готовые явиться по первому требованию. Больше никакого не было. Никого, кто представлял бы Голливуд. Джо Ди Маджио об этом позаботился, пробормотав тихим голосом, что именно они *это* с ней и сделали. Он много чего бормотал, разговаривая вроде как с самим собой. Держался невозмутимо, только поручил Алану Эбботу из «Похоронного бюро Эббота и Хаста» подготовить службу, нанять и расставить по местам шесть охранников из агентства Пинкертона, которые должны проследить за тем, чтобы в морг не пробрались люди из шоу-бизнеса. Кроме того, Джо попросил Эббота не допустить посмертных фотографий, а также удостовериться в том, что с тела ничего не утащат в качестве сувенира. В общем, в морге царила глубокая тишина, нарушаемая лишь работой бальзамировщика да скрипом подошв шести охранников из пинкертоновского детективного агентства.

На третий день – когда ее уже готовы одевать, – что-то идет не так; бальзамировщик не отходит от стола. Она выглядит раздувшейся; шея вспухла, как у бодибилдера: кажется, еще немного – и лопнет. Бальзамировщик отступает на шаг.

– Видите? – спрашивает он Мэри, совладелицу морга. Затем смотрит на Эббота, но тот лишь пожимает плечами. Бальзамировщик не очень-то разговорчив. Предпочитает не высказывать вслух то, о чем лучше не говорить. Когда он заговаривает, окружающие порядком удивляются, едва ли не почитают это за честь.

– Я ведь ничего не придумываю, Мэри, не так ли?

– Нет.

– Значит, вы тоже это видите? – он щурит глаза, вскидывая голову.

– Говорю же, нет.

– Нет?

– Я хочу сказать, ничего вы не придумываете. Вот что я хочу сказать.

Он тычет в шею тупым концом скальпеля, проверяя ее на

плотность. Старается понять, насколько она твердая. Затем дотрагивается до нее указательным пальцем, слегка надавливает, ощущая под латексом перчаток жидкость; что-то внутри ослабло, вследствие чего бальзамирующие вещества начали протекать, и внутри шеи образовался своеобразный резервуар.

Бальзамировщик вновь отступает назад и внимательно осматривает тело. Потирает кончик носа, разочарованно качает головой. А ему-то казалось, что он уже закончил! Будь он женат, пришлось бы звонить жене и говорить, чтоб к ужину не ждала. Он работал допоздна, сделал все необходимое и даже больше, но что-то заставляет его не спешить. У него в запасе весь вечер. Он обходит тело, выискивая наиболее подходящее место для надреза.

– Не думаю, что мы можем оставить ее в таком виде, – говорит Мэри.

– Нет.

– Или все же придется?

Бальзамировщик подхватывает скальпель и проводит им по рабочему халату. Не подточить, не вытереть – просто думает, что это действие даст ответ на вопрос. Дальнейшие объяснения – лишний шум.

Он берет ножницы и подрезает ей волосы сзади так, чтобы оголить хотя бы часть шеи. Волосы жесткие, как солома. Звук получается такой, что все в изумлении замирают – им это, должно быть, кажется едва ли не святотатством. Рядом, стараясь быть хоть чем-то полезным, с веником и совком суетится Эббот. Волосы, тампоны, марля и использованные зажимы для зашивания ран отправляются в мусорный бак.

Мэри говорит, что, судя по всему, вся эта операция займет еще какое-то время, и, видимо, ей следует сказать мистеру Ди Маджио, что потребуются кое-какие доработки. Эббот соглашается, так как мистер Ди Маджио хочет быть в курсе каждого их шага. Он не желает, чтобы с тела что-то пропало. Она согласно кивает, говорит, что скоро вернется, на случай, если бальзамировщику понадобится ее помощь.

Бальзамировщик не отвечает. Стоя спиной к двери, он наклоняется и осторожно перекладывает голову на подставку. Сосредотачивается, будто выверяет траекторию выстрела, и скальпелем делает надрезы на задней части шеи. Небольшие, с обеих сторон, исключительно для того, чтобы жидкость вытекла в лоток. Процедура почти рутинная, хотя и не предполагавшаяся. Такое случается. Когда он закончит, то наложит на места надрезов швы и отступит в сторону, чтобы понаблюдать за тем, как ее одевают, убедиться, что никаких сюрпризов больше нет.

Потом пойдет домой. Эти три дня выдались долгими.

– Порядок, – говорит он санитарам. – Готово.

– То есть мы можем…

– Готово.

Двое санитаров подходят к столу. Эббот уже тут как тут. Просто, чтобы присмотреть за ними. Все проконтролировать.

Бальзамировщик старается не мешать, однако же всем своим видом показывает, что готов, если понадобится, помочь поднять тело. Надеть на нее платье будет несложно. Бальзамировщик не любит суету. Он прожил один большую часть взрослой жизни, и не потому, что не способен быть с кем-то, но, скорее, из-за того, что видел: отношения, особенно брак, напоминают ритуальные хлопоты.

Платье светло-зеленого цвета. Пошито в Италии. Ассистент упомянул об этом несколько раз, возможно, намекая тем самым, что погребение пройдет по высшему разряду. Он проводит по ткани рукой, снова и снова, почти поглаживая. Что-то бормочет, потом говорит, что так не должно быть; и грудь его судорожно вздымается, будто его сейчас вырвет или он вот-вот расплачется. Он отворачивается, чтобы не испачкать платье. Бальзамировщик смотрит в сторону – не хочет этого видеть. Конечно, он знает, что этот случай особенный, но считает, что всегда и во всем следует оставаться профессионалом, независимо от того, сколь талантливой ее находили некоторые. В прошлом году он смотрел «Неприкаянных» (хотя в большей степени из-за Гейбла) и впервые увидел ее на экране. Она оказалась не такой вялой и простоватой, какой представлялась по фотографиям в газетах, и играла совсем неплохо; скорее, действительно Розлин, нежели старлетка. Он даже немного проникся жалостью к Розлин из-за ее одиночества, но еще больше сочувствовал герою Гейбла, Гэю – одинокому парню в мире, где нет места одиночкам. И когда он услышал о ее смерти – а везде так и говорили: самоубийство, – то подумал про себя: что ж, наверно, она и впрямь была не такой уж пустышкой. Но то – человек, а сейчас перед ним тело – с ватой под веками, противогнилостным средством, закапанным в нос и ягодицы, и полными консервантов органами. Единственное, что *пронимает* его по-настоящему, это встреча с Ди Маджио. При одной лишь мысли об этом он чувствует некоторую слабость. Знает, что захочет что-то сказать, но не знает, что именно, и боится, что скажет что-то не то.

Вернувшаяся в комнату Мэри наблюдает за тем, как ассистент поправляет подол платья, разглаживая последнюю складку. Она стоит позади, сложив руки на груди.

Бальзамировщик понимает – что-то не так. Он уже видел это ее выражение – втянутые щеки, прищуренные глаза, в которых читается то ли страх, то ли усталость. Это все от ее стремления к совершенству. Он смотрит на тело, пытаясь разгадать, что же такое увидела Мэри. Шея выглядит вполне нормальной, положение тела – тоже. Платье сидит великолепно – ни одной складочки. Но Мэри тяжело дышит через нос, к лицу ее прилила кровь. Наконец она говорит:

– Так не пойдет. – Голос звучит спокойно и размеренно, но в нем чувствуется напряжение. – Нет, так не пойдет.

Он хочет спросить: что не так, но стоит ли затевать диалог? Быть может, ей просто нужно выговориться, и на этом все закончится. На Мэри сейчас давят со всех сторон – средства массовой информации, студия, семья, Ди Маджио, – все это не может не сказаться. Возможно, ей просто надо сбросить с себя это бремя.

– Что-то не так с платьем? – смущенно и немного обиженно спрашивает ассистент. – Если в нем, я могу…

– Дело не в платье.

Бальзамировщику хочется, чтобы она просто сказала, что же не так, но он не решается спросить, потому что не желает вмешиваться.

– Она выглядит, как мужчина, – выдыхает Мэри. – Взгляните на ее грудь. Плоская, почти мальчишеская. – Теперь она смотрит прямо на бальзамировщика. – Плоская, как у двенадцатилетнего мальчика.

– Это результат бальзамирования, – пытается объяснить он. – Ткани начинают… Я воспользовался грудными накладками… их принесли родные… Они немного компенсировали, но, полагаю… Вы, похоже, другого мнения…

Дело не в том, что он не может объяснить, – просто не в состоянии подобрать слова, особенно под пристальным взглядом Мэри.

– Я не могу показать ее в таком виде, – говорит она. – Только не мистеру Ди Маджио. Не ее родным.

Ему так и хочется сказать: да какая разница? Он знает, что когда женщина лежит на спине, грудь ее становится немного более плоской – это ни для кого не секрет, – а сейчас, в одежде, она выглядит вполне презентабельной, учитывая обстоятельства и позу. Набить ее чем-то, придать неестественные пропорции значило бы сделать ее еще более нереалистичной, нежели она выглядела на экране. Люди забывают, что теперь она – всего лишь тело. Возможно, Мэри и Эбботом движет желание оправдаться перед мистером Ди Маджио, но если бы бальзамировщик увидел

Ди Маджио и смог бы говорить с ним открыто и честно, он бы так ему и сказал: теперь она – лишь тело. И добавил бы, что стыдиться здесь нечего.

– И все равно, нужно что-то придумать, – говорит Мэри, расхаживая взад и вперед по комнате. – Есть какие-нибудь мысли? Аллан? – Она переводит взгляд на остальных. – А вы что скажете?

Все слишком ошарашены, чтобы что-то ответить. Лишь пытаются, как видит бальзамировщик, изобразить работу мысли. Они не такие, как Мэри или Эббот. Им нет нужды покупаться на этот миф: они сами часть его.

Мэри ходит кругами. Барабанит пальцами по бедрам. Затем, подойдя к телу, просит ассистента помочь ей распахнуть платье. Он смотрит на нее в изумлении, и она объясняет, что если он не понял, нужно лишь немного распахнуть платье, чтобы получить доступ к телу, что она не собирается рвать это итальянское платье, но сделает это, если будет необходимо, так как это крайне важно.

Когда платье немного надрезают вверху, Мэри сует руку под него и вытаскивает грудные подкладки, сначала – одну, затем – другую.

– Отложите их куда-нибудь в надежное место, на случай, если родные пожелают забрать, – говорит она, не обращаясь ни к кому конкретно, и протягивает их Эбботу. Потом направляется в кладовую и возвращается со всей ватой, которую там находит, и советует бальзамировщику заказать еще, так как она намерена использовать все его запасы.

Бальзамировщик смотрит, как Мэри вновь запускает руки под платье, и вздрагивает в некотором смущении: грудь медленно растет, наполняемая ватой, тогда как Мэри беспрестанно повторяет: «Вот теперь это похоже на Мэрилин Монро». И он думает, что, возможно, ошибался: все выглядит не так уж и чудно; по сути, это даже как-то ее оживляет, и он думает о Ди Маджио – как тот будет смотреть на тело, ведь он, должно быть, видел ее всякую, но по большей части – во всей красе; думает, что когда Ди Маджио посмотрит на нее в последний раз, то увидит ее такой, какой ее сделали киностудии, пусть теперь и несколько «подправленной» руками обеспокоенной владелицы морга. И когда Ди Маджио, ненавидящий весь этот голливудский бизнес, ненавидящий все то, что эти люди вбили в ее голову, уверенный, что именно их успех стал для нее ядом, всегда державший рот на замке, но мысленно обвинявший их в ее убийстве, когда он посмотрит на нее, такую, как она есть сейчас, – ему, бальзамировщику, представляется, что именно такой мистер Ди

Маджио и захочет ее запомнить, и что оно, это его желание, и есть убийца, потому что это будет означать, что и он, Джо Ди Маджио, – тоже часть всего этого.

Благодарность

«Неприкаянная» – исключительно художественное произведение, работа, имевшая целью прежде всего изучение борьбы за индивидуальность в крайне публичном мире, анализ плюсов и минусов приспосабливания к ожиданиям других людей. Вследствие этого и несмотря на то, что многие основные персонажи носят имена реальных людей, их мысли, поступки и побуждения есть лишь плод воображения автора. Придать же связность миру данного романа и обрисовать многие из тех событий, что имели место в книге, помогли следующие многочисленные источники:

архивы «New York Times», «Los Angeles Times», «Los Angeles Mirror News», «San Francisco Chronicle», «San Francisco Examiner», «Life», «Confidential», «Time» и других газет и журналов того времени. Не менее полезными оказались: «Обнаженное самоубийство» Роберта И. Саймона, MD (журнал американской Академии психиатрии и права), «Отец скандала» Виктора Дэвиса («British Journalism Review»), «Неприкаянные» Сержа Тубианы, «Моя история» Мэрилин Монро и Бена Хехта, «История «Неприкаянных» Джеймса Гуда, «После грехопадения» Артура Миллера, «Неприкаянные» Артура Миллера, «Наплывы времени: одна жизнь» Артура Миллера, «Классификация их безумия: история актерских студий» Фостера Хирша, «Место актера: история актерских студий» Дэвида Гарфилда, «Дорога в Рино» Инге Морат; уловить суть той эпохи помогли множество DVD с документальными фильмами; большую помощь оказали люди, с которыми я беседовал, а именно: Джинни Бласген, Кэролин Фоланд, Эмми Хендерсон, Синтия Лангхоф, персонал лос-анджелесского окружного центра учета, персонал «One Nice Airport Guide», персонал публичной библиотеки Сан-Франциско; бессчетное количество веб-сайтов, на которых я обнаружил самые мельчайшие детали тех или иных событий; отчеты ФБР о Монро, Артуре Миллере, Сэме Джанкана – сотни страниц, которые не только предоставили мне специфические детали, но и пролили свет на взгляды и представления того времени. Также необходимо упомянуть персонал «Cal Nova Lodge», организовавший для меня экскурсию и ответивший на массу вопросов, благодаря чему эта «история» и приняла тот окончательный вид, который имеет.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить тех, кто так или иначе способствовал выходу этой книги: Роберта Бойерса, Эдварда Дж. Деланея, Майкла Гицци, Филипа Лопата, Билла

Ратнера и Стива Ярбро; Нэта Собера и Джудит Вебер, и всех в ее офисе, кто прочел множество версий этой книги; невероятную группу издательства «Tin House Books», которая сделала работу над ней своим первейшим приоритетом (Ли Монтгомери, Вина Маккормака, Тони Переса, Нэнси Маккласки, Роба Спиллмана и совершенно незаменимую Мэг Сторей); и, наконец, моих друзей и семью, чья помощь была для меня просто неоценимой.

notes

Примечания

1

Монотипный род деревьев семейства Мальвовые (подсемейство баобабовые), произрастающий, в частности, в Южной Америке. Редкая порода – древесина ее в сухом виде чрезвычайно мягкая и легкая.

2

Зона нефункционирующих и частично поврежденных, но сохраняющих жизнеспособность клеток, окружающая очаг первичного повреждения (напр., при ишемическом инсульте). В психологии – непознанные зоны подсознания. В компьютерных играх – темный мир, средоточие зла.

3

Племя коренных американцев, которые были аборигенами некоторых земель в штатах Невада, Юта и Аризона.

Мексиканские, а затем ковбойские кожаные брючины-накладки для защиты от колючек острых шипов кактусов и гнуса. Благодаря чапсам также увеличивался срок службы штанов, которые не вытирались на внутренних сторонах ног от верховой езды и не пачкались. Кожаная поверхность обеспечивала более плотное соприкосновение с седлом, что облегчало работу, выполняемую ковбоем.

5

Вид игры в кости.

6

Спортивный термин, точное значение которого зависит от конкретного вида спорта. В бейсболе – «ромб» на поле плюс закругленный участок перед ромбом (обычно без газонной травы).

7

Комбинация карт в покере.

8

Шляпа из мягкого фетра, обвитая один раз лентой. Поля мягкие, их можно поднимать и опускать. На тулье имеются три вмятины. Была изобретена в конце 1880-х, названа по имени популярной в те годы оперетты. Обычно носится мужчинами, но существуют варианты шляп и для женщин. Федора была популярна в первой половине XX в. Ассоциируется с гангстерами, «крутыми парнями» благодаря голливудским фильмам 1940-х гг.

9

Рельефно-точечный тактильный шрифт, предназначенный для письма и чтения незрячими людьми.